

2022

ТОМ: 3

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 2. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 2. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

**• Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»
• А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), *Ph.D.*, почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), *Ph.D.*, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), *Ph.D.*, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), *Ph.D.*, тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), *Ph.D.*, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), *Ph.D.*, титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), *Ph.D.*, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (*Revue française de psychanalyse*)

Ришар Франсуа (Франция), *Ph.D.*, профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), *Ph.D.*, профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс- президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), *Ph.D.*, титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), *Ph.D.*, обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), *Ph.D.*, член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 2. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (АРА), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Санна Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том III
№ 2.2022**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Ру А.

«Блуждающее внимание» в психоаналитическом слушании.
По ту сторону манифестного содержания сновидения

6

ТЕОРИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Россохин А. В.

Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (эволюция теории аналитической техники)

18

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Фусу Л. И.

Некоторые аспекты психосоматического функционирования.
Особенности психоаналитической психосоматики

82

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Теплякова Т. С.

Клиника инцеста

93

ЛАКАНОВСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

- Мелёхин А. И.**
Лакановский взгляд на интерпретацию сновидений 106

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аверская Е. В.**
Психолингвистические аспекты речевого воздействия психоаналитика 119

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

- Короткова Л. В.**
Судьба и гибель Оскара Уайльда 130

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

- Лунина А. Д.**
Сдирая шкуру с оркестра 139

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

- Нешадим Д. В.**
Герой нашего времени – бунтарь без Эдипа 145

ПСИХОАНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА

- Шаманова Т. А.**
Психоанализ терроризма: геополитическая или внутриспсихическая угроза? 162

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

«Блуждающее внимание» в психоаналитическом слушании. По ту сторону манифестного содержания сновидения

А. Ру

(Пер. с фр. и науч. ред.: О. В. Чекунова)

Анни Ру – психиатр и психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества.

На примере клинических случаев автор предлагает описание феномена блуждающего внимания аналитика в процессе психоаналитического слушания, когда оно соединяется с загадочными и непонятными аспектами переноса. То, что слышит аналитик, является не тем, что он думает услышать. Впрочем, и пациент не говорит то, что он думает сказать. Аналитик «без памяти и желания», следующий рекомендации Биона, делает возможным развитие диалога, в котором бесформенный и неупорядоченный материал пациента наделяется смыслом. В результате этих блужданий внезапно появляются бессознательные мотивы и обнаруживается определенное направление.

Ключевые слова: «без памяти и желания», блуждающее слушание, галлюцинация, ненависть в контрпереносе, проективная идентификация.

Когда Фрейд говорит о том, что то, что является удовольствием для одной системы, может стать неудовольствием для другой, он имеет в виду симптом и его болезненную фиксацию. Симптом представляет собой компромисс между запретным желанием и его реализацией. Это желание может быть удовлетворено не напрямую, а только лишь обходным путем. Например, компульсивное мытье рук может обозначать подавленное мастурбаторное желание. Множество других симптомов используют подобные обходные пути.

Работа Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» является фундаментальным текстом, в котором раскрывается теория сексуальности, исследуется возбуждение и его трансформация в различные виды сексуального опыта, в том числе первертного. Для детей очень часто возбуждение находится под запретом: «Дети, успокойтесь, пора ложиться спать!» К счастью, для детей ночь – это еще и время для снов.

Фрейд сформулировал модели психического аппарата, в которых он описывает психическое пространство как структуру, разделенную на несколько инстанций, а именно Я, Сверх-Я и Оно во второй топике.

Что же может сделать психоанализ?

Когда я была в анализе, я выпускала на волю поток моих мыслей, соблюдая правило свободных ассоциаций. Я переходила от одной темы к другой или оставалась в рамках рациональной логики: сегодня я буду придерживаться одной темы. Никакой «чепухи», никаких ассоциаций.

Конечно, я приняла основное правило свободных ассоциаций, приняла его в принципе, но были темы, с которыми я не хотела сталкиваться. Я отложила их на потом. Наступит день, и я признаюсь в том, что вызывает у меня стыд, обещала я себе. Я знала, что мой психоаналитик терпелив и его не проведешь. Но я также знала, что он не способен читать мои мысли.

Наступит день, и я смогу рассказать обо всем естественным образом. Это случится, когда благодаря переносу установится доверие и я осмелюсь показать себя без прикрас. Это случится тогда, когда будет проделана большая работа, когда вытесненное поднимется на поверхность, когда я стану той, кем я являюсь, не скрывая своих чувств и не притворяясь.

Именно в этот момент я смогу «блуждать». Если однажды у меня получится рассказать все другому (и если у психоаналитика получится принять эти слова), можно сказать, что именно тогда я достигну уровня внутренней свободы. Максимально приближусь к своему истинному Я. Винникотт много об этом говорил.

Я принимаю во внимание определение слова «блуждание» из словаря Ларусса – это «движение без цели»; как мы видим, это определение включает в себя идею перемещения в пространстве и телесные движения. Я использую этот образ, потому что он очень метафоричен. «Блуждать» – это в первую очередь идти навстречу неизвестному. Если есть путь, это предполагает перемещение из одного пункта в другой, причем конечный пункт заранее не обозначен. Если мы представим анализ как путь, у которого есть конец, то что же мы будем понимать под конечной целью анализа? Конец анализа – это не только прекращение страданий, но и появление любопытства по отношению к себе, желание открыть в себе неизвестное. Но всегда остается что-то загадочное. Бессознательное оставляет за собой право оживлять мои сновидения и прокладывать путь моим желаниям без моего ведома.

Я в начале статьи уже упоминала симптом и два регистра – бессознательное и сознание, которые в нем соединяются. Подобное деление на два регистра является чрезвычайно важным, поскольку именно здесь фокусируется внимание аналитика.

Существует разрыв между манифестной речью пациента и тем, что слышит и, добавлю, принимает аналитик. Аналитик слышит не только те слова, что произносит пациент, он слышит и то, что выходит за пределы сказанного. Он видит, ощущает, чувствует, предчувствует. Существует до- и невербальная коммуникация, по отношению к которой аналитик особенно чувствителен. Некоторые аналитики говорят о том, что испытывали «странные» впечатления во время первого звонка пациента или когда в первый раз слышали звук шагов пациента, приближающегося к двери кабинета. И через какое-то время аналитик с изумлением обнаруживает, что его первые впечатления оказались верными.

Это особое качество аналитического слушания по ту сторону манифестного содержания я называю «блуждающим слушанием». Следуя за Бионом, который многое сделал для исследования этой области, я говорю про «слушание без памяти и без желания». Эту концепцию непросто понять. Я сейчас представлю мою интерпретацию этого понятия. Речь идет о необыкновенно сильно развитой рецептивности, способности принимать все, что исходит от пациента во время каждого сеанса. На примере собственного клинического опыта я могу создать репрезентацию психического функционирования моего пациента: я знаю, что он вытесняет, что расщепляет, какие аффекты он подавляет, от чего он возбуждается и т. д. И при этом я не знаю, что случится дальше.

Клара потеряла мать в возрасте 19 лет, и она была безутешна. Незадолго до смерти матери она уехала из родительского дома, чтобы продолжить учебу. Была ли бы мать жива, если бы она осталась? Она испытывала вину по поводу своего отъезда. После недолгого периода психоаналитической психотерапии мы с Кларой сменили кадр на классический анализ. Однажды во время сеанса она снова пришла в отчаяние из-за смерти матери, она плакала и упрекала меня за то, что мое отношение к ней было совсем не материнским, вначале я почувствовала свое бессилие из-за того, что не смогла ее утешить, а затем мне в голову пришла странная мысль: «Как мы хорошо ладим друг с другом». Я удивилась, но приняла во внимание это сообщение, отправленное моим бессознательным, которое знало больше, чем я.

Таким образом я смогла услышать глубокую гомосексуальную связь Клары со мной, которая существовала изначально и проявлялась в вере пациентки в то, что ее отъезд стал причиной смерти матери. Раньше я не могла уловить, кому изначально было обращено это послание. Аналитик так же, как и пациент, оказывается под воздействием вытеснения. Эта непонятная спутанность аналитика и пациента вдыхает жизнь в аналитический процесс и необходима для его развития, однако впоследствии они должны отделиться один от другого. Появление переноса делает возможным подобное разделение, которое предшествует проработке процессов сепарации. Аналитик позволяет себе попасть в подобный захват, но затем необходимо от него освободиться.

Когда связь аналитика и пациента надежно установилась, часто, но не всегда удается в последствии уловить те либидинальные и аффективные движения, которые были задействованы в установлении этой связи.

Что касается Клары, только лишь спустя долгое время я смогла ощутить эффект от моего удивления, связанный с внезапно появившейся «фразой», которая показалась мне странной, противоречила материалу сеанса и была мне как будто откуда-то навязана. Я поняла, что эта фраза говорила об истинном отношении Клары ко мне. С одной стороны, была бесконечная грусть, которая исходила от Клары, с другой – безмерное инвестирование отношений со мной, две эти части находились на разных, практически противоположных уровнях внутренних регистров. Она испытывала страстную любовь по отношению к своей матери, но пока не отдавала себе в этом отчет. В то время она находилась в отчаянии из-за внезапной смерти матери, и ее чувства к ней были наполнены амбивалентностью. Одновременно присутствовали два уровня привязанности, и я, с помощью моего блуждающего слушания, смогла уловить оба. Такой вид аналитического слушания «без цели и без желания» открывает путь для появления неизвестного. «Блуждания» включают в себя неустойчивость идентичности, которая способствует созданию «химеры», описанной в текстах Мишеля де М'Юзана (совместное произведение аналитика и пациента, результат соединения двух бессознательных, которое обретает форму, результат первичной нарциссической идентификации). Для возникновения «химеры» необходимо, чтобы аналитик обладал способностью к формальной регрессии, благодаря которой он может войти в контакт с бессознательным своего пациента.

Приведу еще один достаточно простой пример. Господин А. обратился ко мне с жалобами на одиночество, из-за которого он чувствовал себя как в тюрьме. У него не было ни дружеских, ни любовных отношений. В течение долгих лет у него не было ни одного сексуального контакта. Господин А. начал курс психотерапии, и через несколько месяцев, когда я пошла в приемную, чтобы пригласить его в кабинет, мне в голову пришла странная и нелепая мысль: «Сейчас он скажет мне, что у него венерическая болезнь».

Я удивилась, потому что это казалось весьма маловероятным. Тем не менее господин А. на сеансе сказал мне, что у него были сексуальные отношения и он на самом деле заразился болезнью, передающейся половым путем. По каким сигналам я могла догадаться? Без всяких сомнений, я заметила его болезненный вид, из-за чего, возможно, он выглядел не как обычно, но также, без всяких сомнений, я заметила что-то еще, не отдавая себе в этом отчета на сознательном уровне. Терапия и появившиеся отношения переноса высвободили у пациента влечения, которые он раньше обуздывал и которым не давал волю. Но почему же я подумала о венерической болезни? В этом есть что-то загадочное и непонятное. С другой стороны, я часто шучу, что перенос является переносчиком болезни, передающейся половым путем.

Я думаю, что свободно плавающее и равномерно распределенное внимание, которое сопровождает слушание «без памяти и без желания», позволяет аналитику существенно расширить каналы восприятия и принимать все, что исходит от пациента не только на вербальном, но и на невербальном уровне. Фрейд непосредственно не изучал этот вопрос,

но в своей работе «Конструкции в анализе» 1937 года он предлагает аналитику «угадывать» то, что ускользает от сознания и не проявляется у пациента в виде воспоминаний. Конструкция представляет собой форму интерпретации, которая прорабатывается через тесную взаимосвязь переноса и контрпереноса. Ранний опыт оставил в психике пациента мнестические следы, которые не могут принять форму воспоминаний. Тем не менее эти следы проявляются достаточно настойчиво для того, чтобы аналитик смог на основании этого материала сформулировать мысль, идею и даже убеждение.

Вместе с Жеральдин, еще одной моей пациенткой, мы смогли достаточно далеко продвинуться в нашей аналитической работе после того, как я увидела ее в образе маленького ребенка, сироты, нашедшей приют в румынском детском доме. Этот образ появился у меня внутри под воздействием ее мимики, как у отчаявшегося ребенка, и документального фильма о детских домах времен Чаушеску, который я видела накануне. Этот внутренний образ позволил мне увидеть, что в детстве с ней плохо обращались. Начиная с этого момента мы смогли пройти большой путь для того, чтобы она смогла выстроить более безопасный внутренний мир. Жеральдин пришла на сеанс с закрытым и враждебным выражением лица и при этом не осознавала свой гнев в переносе (отражение ее ненависти по отношению к матери, но вопрос сейчас не об этом). Она жаловалась на свою лучшую подругу. При этом Жеральдин не отдавала себе отчета в том, что испытывает враждебность по отношению ко мне, она не узнавала и не признавала свои аффекты. Можно сказать, что в этот момент проявилась массивная проективная идентификация, поскольку я принимала и хранила в себе чувства, которые пациентка отрицала.

В этом выражается разрыв в слушании или отклонение от основной линии. В процессе нашей работы бывало так, что я пропитывалась аффектами Жеральдин, настолько «черными», что я ощущала раздражение, это был мой ответ на ее чувства в контрпереносе, который показывал мне, насколько катастрофическим был ее внутренний мир. Но все это не мешало мне любить Жеральдин!

Я более подробно остановлюсь на анализе Жюльена, в процессе которого изменился способ его психического функционирования, поскольку удалось организовать процесс вытеснения вместо существовавшего ранее расщепления и дисперсии. Начиная с этого момента он смог больше не использовать массивные проективные идентификации, которые играли ведущую роль в первые годы аналитической работы. Я не смогу описать здесь подробно нашу долгую общую историю, но остановлюсь на некоторых важных трансформационных аспектах, в особенности на моей контрпереносной галлюцинации и ее последствиях.

Речь в данном случае идет о том, что, когда у аналитика во время сеанса появляется квазигаллюцинация, это дает возможность пациенту реорганизовать свой до этого времени подавленный ранним травматическим опытом галлюцинаторный потенциал. Ассоциативные способности пациента были сильно ограничены, поскольку у него преобладали ригидные

защиты, которые ограждали Я от угрозы дезорганизации из-за прорыва первичных процессов.

Мой галлюцинаторный опыт открыл путь для появления галлюцинаторного переноса. У пациента появились состояния по типу обонятельных галлюцинаций, которые имели место только во время наших сеансов. Они в дальнейшем обрели смысл – запах чеснока отсылал к имени няни Ай, одновременно любимой и ненавидимой (на французском языке слово «чеснок» и имя «Ай» являются омонимами. – Прим. пер.). Ассоциативные способности пациента значительно возросли, поскольку в этот момент, после поднятия на поверхность расщепления аффекта, стала потенциально возможной организация процесса вторичного вытеснения. Первичный процесс заменился на вторичный с присущей ему способностью к связыванию.

«Аналитик может получить доступ к способу функционирования пациента только лишь тогда, когда он готов выдерживать определенные колебания своей идентичности, выносить опыт деперсонализации и находиться в зоне, где границы между Я и не-Я ненадежны и неопределены, поскольку находятся под особым воздействием первичной идентификации», – говорит Мишель де М'Юзан (*De M'Uzan*, 1994, p. 39). Таким образом анализанд может «вторгнуться и заполнить собой психическое пространство аналитика», в результате чего запустится процесс создания «психической химеры» на границах бессознательного и предсознательного. Этот процесс, согласно Мишелю де М'Юзану, «сначала проявляется в виде соединения обычных или странных образов, которые в течение какого-то ограниченного времени полностью заполняют психическое пространство аналитика; эти образы – незнакомые или ужасные лица, бесформенные пейзажи, абстрактные фигуры и т. д. – следуют один за другим или видоизменяются».

Однажды во время сеанса у меня появился непонятный и настойчиво притягивающий внимание образ, который возник из ниоткуда, и я подумала, что, скорее всего, он был связан с пациентом, нежели был плодом моего воображения. Тем не менее я не могу найти в моей памяти ни одного воспоминания о материале, который мог бы породить это видение – уродливое лицо, покрытое кровью, с глазами, переполненными ненавистью, которое навязчиво привлекало мое внимание с самого начала сеанса. Квазигаллюцинация появилась настолько резко, что я почувствовала себя атакованной ее вторжением и на протяжении всего сеанса безуспешно пыталась найти причину ее возникновения в материале пациента. Это лицо мне не угрожало, меня скорее удивила ярость, которую оно выражало. И я осталась тогда в замешательстве, не найдя ответов на мои вопросы. Однако позднее во время одного из сеансов мне в голову пришла ассоциация, которая показалась мне убедительной, и я поняла смысл этой квазигаллюцинации. Речь шла о лице капитана Конана, о котором Жюльен рассказывал примерно год назад. Внутренний капитан Конан Жюльена все это время находился в латентном состоянии. Жюльен не давал ходу своим агрессивным и деструктивным влечениям, он был не способен их контейнировать, поскольку они были чрезмерны и слишком

опасны, переполненные смертоносным потенциалом. То убийство, которое могло бы произойти, было бы убийством души (я подумала о случае судьи Шребера).

Опасные влечения, прорвавшиеся из внутреннего мира Жюльена, приняли форму капитана Конана, о котором он рассказывал год назад, потрясенный увиденным накануне фильмом. «Капитан Конан» – фильм Бертрана Тавернье, в котором описываются события войны на Балканах в 1918 году и, в частности, история капитана Конана. Я не видела этот фильм и запомнила то, что рассказывал Жюльен. Капитан Конан был сложным персонажем – убийцей без угрызений совести, отважным воином и человеком, способным испытывать сочувствие. Двойственность, лежащая в основе характера этого персонажа, подсветила наличие у Жюльена расщепления имаго. Мы видим, с одной стороны, яростный напор «неприрученных» влечений, а с другой – умиротворение и спокойствие. Можем ли мы здесь также увидеть контраст между отцом в поисках наслаждения и кастрирующим отцом? Конан приходит на помощь несчастному молодому солдату, который был приговорен трибуналом к смертной казни из-за дезертирства. Конан берет обвиняемого с собой на опасное и полное риска задание, и солдату удается спасти свою честь, храбро погибнув в бою, защищая родину.

Воинская честь и отвага – идентификации, связанные с историей Жюльена. Его отец был подлецом и трусом, а дед по отцовской линии – идеализированной героической фигурой. Этот дед был ветераном Первой мировой войны, участвовал в самых жестких боях. Жюльен его не знал, но разыскивал все, что было связано с его историей, поскольку находился в поисках мужской идентификации среди членов своей семьи. Отцу не удалось выстроить мужскую идентификацию в отношениях со своим отцом и не удалось стать для Жюльена объектом для идентификации. В подростковом возрасте Жюльен оказался без отцовской поддержки, в то время отец разорился и родители развелись. Отношения в семье всегда были похожи на поле боя, откуда Жюльен сбегал, находя убежище в своей комнате. Война бушевала как во внешнем, так и во внутреннем мире Жюльена.

Капитан Конан являлся репрезентацией гнева и Жюльена, и его отца. Я была потрясена незабываемой сценой из фильма, в которой капитан Конан, когда сражение уже закончилось победой, продолжал, широко раскрыв глаза, яростно протыкать штыком тела уже убитых врагов. Его нужно было остановить.

Таким образом проявлялась отщепенная и неизвестная часть пациента. Речь в данном случае идет о бессознательной массивной проективной идентификации. Моей задачей было контейнирование этого яростного напора влечений. Я ждала, чтобы понять, что же за этим последует.

После сеанса, когда я увидела образ Конана в моем окне, Жюльен начал говорить о том, что он время от времени чувствует себя настолько расслабленным, что у него появляется желание заснуть в приемной. В тот день он начал сеанс с привычных жалоб на женщин, и в этот момент ему в голову пришла парадоксальная мысль, касающаяся его матери:

«Можно сказать, что она могла бы быть хорошей матерью, если бы она не была плохой матерью». Он смог представить, что женщины, которых он встречал, были хорошими матерями. Его негативные проекции смягчились. Он рассказал об удививших его ощущениях. Одна из коллег, которую он очень любил за ее нежность, щедрость и доброту, как-то раз принесла на работу бутылку с фруктовым соком. И в этот момент у него появилось невероятно интенсивное воспоминание. Он вспомнил свой школьный термос, который он наполнял фруктовым соком, и почувствовал практически те же самые ощущения от прикосновения к пластику, что и в прошлом. Это было трогательно, приятно и очень реально. «Что-то подобное мадленке Пруста», – добавил Жюльен. Сенсорная галлюцинация-воспоминание выглядит так, когда в ее основе лежит вытеснение. Подобная галлюцинация возможна тогда, когда работает вытеснение.

Если пациент верит в то, что его мать могла бы быть хорошей, он способен видеть ее рельефно, трехмерно – нежной, мягкой и чувствительной. Когда Жюльен видит свою мать плохой, она оказывается плоской и двухмерной. В этом материале я выявила репрезентацию контейнера, принимающего в себя проекции. Трехмерная мать – это мать, которая способна выносить проекции ребенка и не разрушаться под напором деструктивных атак, в то время как двухмерная мать представляет собой плоскость, которая не принимает и отталкивает тревоги младенца.

Год назад, когда Жюльен рассказывал о фильме про капитана Конана, я воспользовалась возможностью, чтобы дать интерпретацию, содержащую мысль о том, что Конан – это неизвестная пока часть пациента, которая проявилась в образе разбушевавшегося и потерявшего контроль капитана. Во время того сеанса я постоянно поворачивалась к окну, как если бы образ мог там снова появиться. Конан, таким образом, влез на сеанс через окно. Смог ли Жюльен присвоить себе этот образ? Смогла ли эта изгнанная наружу и спроецированная часть влечений, появившаяся передо мной в виде галлюцинации, вернуться с моей помощью в психику пациента, но уже не в форме расщепления? В данном случае я имею в виду судьбу аффекта.

После того как я словила и наделила смыслом образ проявившегося во мне Конана, Жюльен в течение двух недель на каждом сеансе начал говорить о том, что каждый раз, когда он заходит в кабинет, он чувствует очень неприятный запах. Он описывал этот запах как запах чеснока или сырого половика. Эти ассоциации привели к появлению детских воспоминаний. Как-то раз в доме, где жила семья Жюльена, была утечка газа, и всех жильцов на несколько недель пришлось выселить. Внешняя катастрофа – угроза взрыва – перекликалась с угрозой внутренней катастрофы. Он вспомнил о том, что боялся потерять свою мать во время переезда («трансфера») в гостиницу. Однако же нам с ним угрожал не газ, а неотвратимое приближение моего отпуска. И мы можем предположить, что его гнев обладал взрывоопасным потенциалом.

У меня получилось выявить эту связь только в последствии, когда я смогла сделать интерпретацию, в которой соединились его тревоги,

связанные с приближением моего отъезда, и исчезновение матери в детстве. Навязчивый запах чеснока через несколько сеансов привел его к воспоминанию о няне Ай, которая оставалась с ним во время отсутствия матери, которая уходила развлечься, занималась чем-то, о чем Жюльен не знал, из чего он был исключен. Можно сказать, что здесь мы видим проявления непостижимой и поэтому взрывоопасной первосцены.

Обонятельная галлюцинация представляет собой процесс конденсации, как в работе сновидения, она соединяет в себе вербальное означающее имени няни (репрезентация слова Ай трансформировалась в репрезентацию вещи «чеснок») и ненависть по отношению к ней, поскольку означающее Ай превращается в означающее «ненавистная», любимая няня становится объектом ненависти, поскольку ее присутствие означает отсутствие матери.

Через какое-то время я узнала, что Ай – это имя, которое часто дают няням японских детей. Таким образом, это могло быть также бессознательной отсылкой к восточному стилю моего кабинета, декорированного японскими вещами и гравюрами. И я тоже была для него этой Ай, любимой, когда была рядом, и ненавидимой, когда уезжала. Обстоятельства сложились так, что появилась возможность получить доступ к амбивалентности, проявившейся в переносе.

Я предположила, что он боялся быть в контакте с ребенком у себя внутри, чья требовательность проявлялась в отношениях с женщинами. Ему приснилось, что он встретил меня на улице, когда я шла по направлению к машине, в которой меня ждал муж. Таким образом, мы видим, что появляется фигура третьего, благодаря которой я превращаюсь в мать и женщину, у которой есть отношения с мужчиной.

Он вспоминает о еще двух более ранних эротических снах, которые он впервые связывает между собой. В этих снах он видит себя в родительской гостиной, где родители постоянно ссорились. «Я занимаюсь любовью в том месте, где они бились не на жизнь, а на смерть», – комментирует Жюльен. В этих снах он чувствует себя освободившимся от внутреннего сурового взгляда, критикующего и обесценивающего. Через перенос начала появляться эротическая первосцена, и благодаря этой трансформации он смог предпринять попытки связать свой ужас перед родительской яростной страстью, репрезентацией примитивной садистической смертоносной первосцены, источником перевозбуждения.

Обонятельная галлюцинация представляет собой бессознательное воспоминание о подавленном враждебном аффекте. Она появляется вместо злости Жюльена по отношению ко мне из-за моего приближающегося отъезда. Галлюцинация проделывает путь, подобный работе сновидения: вначале галлюцинация напоминает репрезентацию вещи, затем, по мере того как разворачивается ассоциативный процесс, она превращается в репрезентацию слова «Ай», вобравшую в себя воспоминания о любимой/ненавидимой няне. Благодаря сделанной мною интерпретации проявилась ненависть, которая была до этого подавлена, сделав возможным процесс интеграции амбивалентности. Говоря о расщеплении, я опираюсь на идеи Мелани Кляйн, которая описывает расщепление как разделение

объекта на хороший и плохой в зависимости от опыта удовольствия и неудовольствия, который проживается с объектом. Расщепление объекта превращается в расщепление Я, таким образом расщепление становится препятствием для перехода на депрессивную позицию, где эти две части соединяются в целостный объект.

Обонятельная галлюцинация переноса в дальнейшем полностью исчезла. Я предполагаю, что речь в данном случае идет об изменении внутриспсихической динамики Жюльена. Постоянное контринвестирование его враждебных чувств, изначально по отношению к матери и по отношению ко мне в переносе, постепенно исчезло, и появилось место пока еще не для аффекта, но для обонятельной галлюцинации, которая прошла затем путь трансформации и превратилась в вербальное означающее «Ай», включающее в себя аффект. Вначале появилась репрезентация вещи в виде обонятельной галлюцинации, а затем – репрезентация слова, которая привела к появлению воспоминания, а потом и аффекта. Речь здесь идет о поднятии на поверхность расщепления. Расщепление любовь/ненависть проявлялось главным образом в подавлении влечений. Через проективную идентификацию часть смертоносной ненависти и гнева проявлялась бессознательным способом. Жюльен выбросил наружу свои нежелательные и запретные аффекты, которые я приняла в форме квазигаллюцинации. Затем он смог снова интроецировать эти аффекты, благодаря процессу поразительной трансформации с использованием галлюцинаторного канала, с помощью которого он смог создать «сновидение»: неприятный запах чеснока привел к появлению воспоминания из детства, которое, в свою очередь, вызвало проявление амбивалентности. Сгущение здесь просто поразительно. И благодаря этим процессам трансформации сюда удалось вписать вытеснение, которое начало проявлять свою эффективность.

Жюльен вошел в новую стадию анализа, в которой он мог позволить себе молчание, паузы между рассказом и ассоциациями. Регулярно он говорил, что ему нечего сказать, и я чувствовала его легкую тревогу. Боялся ли он пустоты, внутренней пропасти, вызывающей головокружение? По меньшей мере он испытывал тревогу из-за отсутствия жестко сцепленной цепочки сознательных мыслей и боялся появления мыслей, питаемых бессознательными влечениями. Но, несмотря на страхи, Жюльен был способен, лежа на кушетке, отдаваться потоку мыслей, пребывать в состоянии пассивности и наблюдать за следующими друг за другом образами, «как путешественник в поезде, перед глазами которого за окном разворачиваются разнообразные пейзажи» (З. Фрейд). Добавлю еще один образ: как моряк, идущий под парусом, смотрит, проплывая, на меняющуюся береговую линию, наслаждаясь пейзажами.

Аффект появился вначале окольным путем, используя галлюцинацию переноса-контрпереноса. Благодаря развивающимся в течение долгих лет надежным отношениям переноса у пациента появилось доверие, и это позволило аффекту стать выносимым, о ненависти стало можно думать и ее «осмыслять», поскольку я была способна принять ненависть и вернуть ее в виде интерпретации, которую он был способен вынести, кроме того,

ненависть не могла разрушить объект – Другого, который я представляла собой. Игра и юмор подпитывали наши отношения и способствовали тому, что постепенно в переносе создавался другой материнский объект, контейнирующий и способный принимать проекции, какими бы они ни были.

Проективная идентификация породила «химеру», психический объект, созданный бессознательными двух участников аналитического процесса, благодаря способности аналитика к формальной регрессии. Аналитик проделывает операцию по переводу/трансформации языка влечений, которые еще не могут оказаться под воздействием вторичного вытеснения, и помогает им организовать в фантазм, поскольку благодаря контейнированию аналитика невыносимое возбуждение оказывается наконец связанным. Больше нет риска, что пациент окажется переполненным возбуждением, поскольку аналитик залатал разрывы в психической материи пациента, появившиеся из-за травм его раннего детства. В случае Жюльена оформление фантазма первосцены вызвало появление эпизода галлюцинации. Речь идет о том, что, когда амбивалентность смогла проявиться и конфликт амбивалентности начал прорабатываться в переносе, угроза психического взрыва пропала. Реальная угроза, риск взрыва из-за утечки газа, превратилась в тревогу, связанную с конфигурацией, скорее даже преконфигурацией, первосцены. Этот неожиданный опыт квазигаллюцинации и его последствия продолжают меня удивлять. Хотелось бы еще дополнить мои теоретические гипотезы следующей: кажется, что благодаря моему посредничеству Жюльен смог тогда отделиться от идентификации с фигурой дедушки, этот образ нужно было оттолкнуть от себя, чтобы затем, по мере развития аналитического процесса, иметь возможность использовать его в качестве опоры для идеализированной идентификации.

Заключение

«Лечение словом», изобретенное Фрейдом, осуществляется в пространстве, которое создается благодаря особому виду слушания, одновременно внимательному и свободно плавающему, «блуждающему» («без памяти и желания»). Подобное слушание позволяет также принимать несимволизированный материал, идущий из самых неизведанных слоев психики, который еще не обрел формы и смысла. Иногда речь идет о самых ранних, «примитивных» слоях психики, этот вопрос Фрейд поднял в работе «Конструкции в анализе». Последователи Фрейда продолжили исследовать эти бесконечные миры, где самый ранний опыт, в том числе внутриутробный, оставил в психике свои «следы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bion W.R.* Cogitations, Editions in press. Paris, 2019.
2. *De M'Uzan M.* La bouche de l'inconscient. Paris: Gallimard, coll. «Connaissance de l'inconscient», 1994.
3. *Fedida P.* Crise et contre-transfert. Paris, PUF, 1992.
4. *Freud S.* OCF tome XX, Constructions dans l'analyse. PUF, Mai 2010.
5. *Green A.* Le travail du négatif, L'hallucination négative. Les Éditions de minuit, 2020.
6. *Winnicott D.W.* La crainte de l'effondrement, Coll. Connaissance de l'Inconscient. Gallimard, 2000.

"Wandering Attention" in psychoanalytical listening. Beyond the manifest content of a dream

Annie Roux

(Translation from French and scientific ed.: O. V. Chekunkova)

Annie Roux, psychiatrist and psychoanalyst, titular member of SPP (Psychoanalytical Society of Paris).

On the example of clinical cases, the author offers a description of the phenomenon of wandering attention of the analyst in the process of psychoanalytical listening, when it is combined with the mysterious and incomprehensible aspects of the transference. What the analyst hears is not what he thinks he will hear. However, the patient does not say what he thinks to say. The analyst "without memory and desire", following Bion's recommendations, makes it possible to develop a dialogue in which the patient's formless and disordered material is endowed with meaning. As a result of these wanderings, unconscious motives suddenly appear and a certain direction is revealed.

Keywords: "without memory and desire", wandering listening, hallucination, hate in the counter-transference, projective identification.

ТЕОРИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (эволюция теории аналитической техники)¹

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В предлагаемой статье автор исследует различные концепции переноса и контрпереноса в англосаксонском психоанализе. Детально рассматривается проблема разрешения невроза переноса. Описываются фундаментальные изменения психоаналитической теории и техники, произошедшие с 50-х годов прошлого века.

Ключевые слова: психоанализ, невроз переноса, интерпретация, перенос, контрперенос, сопротивление, англосаксонский психоанализ.

¹ Статья была впервые опубликована в книге: Россохин А. В. Антология современного психоанализа. ИПРАН, 2000. 489 с.

Введение

Сегодня мы могли бы с известной долей осторожности заметить, что судьбу психоанализа постигла участь, характерная для эволюции любых сложных систем², закрытых от взаимодействия с окружающим. Консервативная тенденция к самосохранению, вполне законно преобладавшая на раннем этапе развития психоанализа, превратилась к концу 40-х годов в жесткий ригидный стереотип, подавляющий противоположную тенденцию к изменению.

Неизбежная для раннего этапа развития психоанализа конфронтация с внешней реальностью в лице официальной науки и общественности, постепенно перестала быть угрожающей – более того, к концу 40-х годов американский психоанализ начал переживать период триумфального признания. То, что было необходимо для выживания раннего психоанализа, становится к этому моменту ригидной защитной силой, которая продолжает действовать, несмотря на то что обстоятельства изменились и такой защитной «консервации» уже не требовалось. Новая реальность стимулировала вытесненную тенденцию к изменению, «революционное» (а не эволюционное) пробуждение которой могло привести к полному отрицанию консервативных классических ценностей и утверждению новых ревизионистских, во многом противоположных подходов, концепций и акцентов.

Подобный процесс внутри классического психоанализа начался с 50-х годов и достиг своего пика к середине 70-х, когда полному переосмотру подверглась главная святыня аналитической техники и ее отличительная особенность – концепция невроза переноса. Тем не менее, как это и происходит в случае продуктивного эволюционного развития системы (в данном случае психоанализа), ранее антагонистическое, стремящееся уничтожить друг друга (это верно только для замкнутых или полностью открытых, не стремящихся сохранить свою целостность и идентичность систем) противостояние тенденций к сохранению и тенденций к изменению постепенно переходит в их динамическое взаимодействие, в идеальном случае стремящееся к гармоничному. Развитие современной аналитической техники представляет собой, на мой взгляд, реализацию именно этого варианта эволюционных изменений. Это подтверждает начавшееся с конца 70-х годов движение ранее жестко конфликтовавших психоаналитических школ навстречу друг другу, появление и разработка Валлерштейном понятия «общей почвы», многочисленные, синтезирующие достижения различных направлений психоаналитические исследования, например работы Кернберга (*Kernberg, 1993*), Гилла (*Gill, 1982*), Пайна (*Pine, 1990*), Мертенса (*Mertens, 1990*), Моделла (*Modell, 1990*), Джекобса (*Jacobs, 1991*) и др.

² См. работы по методологии системного подхода А. Н. Северцова, В. И. Варшавского, Д. А. Поспелова, А. Г. Асмолова и др.

Как мне представляется, для современного этапа развития психоаналитической теории и техники становится все более характерна тенденция сбалансированного учета различных полюсов: эго-психологии и психологии объектных отношений, психологии одной персоны и психологии двух и более персон, переноса и экстрапереноса, бессознательных фантазий и инфантильных объектных отношений, бессознательного настоящего и бессознательного прошлого, классического и интеракционального типов сопротивления; контрпереноса как «слепого пятна» и контрпереноса как важнейшего инструмента понимания анализанда³, форсированного и отложенного анализа сопротивления переносу, пассивной и активной аналитических позиций, фрустрирующего молчания и эмпатического сопереживания, спонтанности в технике и стратегической направленности, углубления терапевтической регрессии и сохранения активного наблюдающего Эго анализанда, интерпретаций сопротивления и генетических интерпретаций, беспристрастного наблюдения трансферентной игры и вовлечения в нее и др.

Эволюция психоаналитической теории и техники привела к фундаментальным изменениям основополагающего аналитического инструментария – классических концепций невроза переноса, контрпереноса, сопротивления, аналитической позиции, роли прошлого и настоящего в аналитическом процессе и др.

Анализу некоторых аспектов этой эволюции и посвящена данная статья.

Невроз переноса – основной инструмент классической аналитической техники

Концепция переноса и его техническое использование в психоанализе со времени первого описания переноса Фрейдом как психического процесса, который спонтанно возникает в аналитической терапии и является «неизбежной необходимостью» (*Freud, 1905*), претерпели значительную эволюцию и имеют свою собственную сложную историю развития.

В широком смысле в психоанализе перенос рассматривается как универсальный феномен, проявляющийся в межличностных отношениях. В узком смысле под переносом понимается специфическое отношение пациента к психоаналитику, наиболее отчетливо обнаруживающееся в неврозе переноса. В последующих за статьей, описывающей анализ Доры, многочисленных работах Фрейда обнаруживается «довольно свободное использование термина перенос» (*Orr, 1954, p. 622*). Orr отмечает, что в статье «О "диком" психоанализе» (1910) Фрейд ссылается на перенос как на «аффективное отношение к врачу», под которым подразумевается не что иное, как раппорт, а в трех небольших работах по технике

³ Это психоаналитическое понятие подчеркивает различие между пациентом, получающим психиатрическую или психотерапевтическую помощь, и анализандом – человеком, проходящим психоанализ. В современных психоаналитических исследованиях активно используется, наряду с традиционным понятием «пациент».

(1913, 1914, 1915) он употребляет термин «перенос», отчасти смешивая разные понятия. «В одних примерах Фрейд, казалось бы, рассматривает перенос как раппорт; в других он ясно имеет в виду невроз переноса; в третьих он подразумевает под ним некоторые промежуточные разновидности аффективных взаимоотношений» (Orr, 1954, p. 623). Более определенно Фрейд раскрывает концепцию переноса в «Лекциях по введению в психоанализ». Он описывает раннюю фазу анализа с характерным для нее возрастанием интереса пациента к терапии и к аналитику. Такие факторы аналитического процесса, как то, что пациент всегда может рассчитывать на встречу с аналитиком в установленное время, получает полное и интенсивное внимание, имеет возможность говорить на такие темы, которых он никогда не касался ранее, и др., способствуют возрастанию надежды пациента на успех терапии (Blucourt, 1993). Происходит видимое улучшение психологического состояния пациента, ослабление симптомов, в анализе возникает ощущение устойчивого терапевтического сотрудничества. Гловер (Glover, 1955), вслед за Фрейдом, показывает, что очень часто аналитическая ситуация внезапно или постепенно изменяется. Пациент теряет интерес, становится враждебным и все чаще использует молчание, чтобы заставить аналитика сказать что-нибудь. Отношение к аналитику полностью меняется, пациент демонстрирует все проявления глубокого сопротивления. В этой фазе анализа возникающие эротические и другие примитивные чувства переносятся на аналитика, и это приводит к активизации сопротивления осознанию этих чувств, так как они не могут быть удовлетворены. Трансферентные отношения превращаются в невроз переноса – «аналитический медовый месяц» заканчивается (Blucourt, 1993).

Важнейшим следствием фрейдовской концепции переноса явилось понимание возможностей переноса как инструмента лечения. В статье «Начало лечения» (1913) Фрейд рекомендует не использовать интерпретации переноса до тех пор, пока перенос не будет использован пациентом в целях сопротивления, и избегать интерпретаций в целом, пока существует хорошо разработанный раппорт («не вызывающий возражений позитивный "перенос"»). Особо отмечая, что источники переноса находятся внутри пациента, Фрейд использует термин «невроз переноса» в техническом смысле – для обозначения оживления инфантильного невроза в аналитической ситуации. В «Лекциях по введению в психоанализ» он конкретизирует: «Когда лечение захватывает пациента, вся новая продукция его болезни концентрируется на единственном пункте – его отношении к терапевту... Когда перенос достигает такой интенсивности, мы имеем дело уже не с первоначальной болезнью пациента, но с вновь созданным и трансформированным [неврозом], который занял место прежнего... Все симптомы пациента утратили свое первоначальное значение и приобрели новый смысл, связанный с переносом...»

Вейншел (Weinshel, 1971) замечает, что в описании Фрейдом невроза переноса наряду с повторением различных аспектов инфантильных конфликтов особую важность имеет также элемент трансформации. Фрейд подчеркивает, что невроз переноса является вновь созданным продуктом

аналитического процесса, а не простым повторением инфантильного невроза в новых условиях. В неврозе переноса, согласно Фрейду, симптомы «обретают новый смысл», появляются «новые издания старых конфликтов». В результате место настоящей болезни занимает «искусственно созданное трансферентное заболевание».

Фрейд был полностью убежден, что невроз переноса имеет центральное значение для психоаналитической терапии. С технической точки зрения, согласно Фрейду, психоаналитик должен всячески стремиться усилить проявления переноса и перевести их в невроз переноса, который сосредотачивает инфантильный невроз вокруг личности аналитика. Предполагалось, что в ходе последующей проработки достигается разрешение невроза переноса путем полного осознания его инфантильного происхождения, приводящее к полному излечению пациента (*Bergmann, 1988*).

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд добавляет, что перенос является примером навязчивого повторения, которое многократно усиливается в неврозе переноса. Пациент, по его словам, навязчиво «повторяет вытесненный материал в виде новых переживаний, вместо того чтобы вспоминать его как нечто, принадлежащее прошлому, как хотел бы врач». С технической точки зрения Фрейд добавляет: «Врач должен позаботиться о том, чтобы ограничить размах такого невроза переноса настолько, насколько это в его силах, и как можно глубже проникнуть в воспоминания, оставив при этом как можно меньше места для повторения». Фрейд дает более подробное описание переноса в «Жизнеописании» (1925): «В каждом аналитическом лечении возникают, без вмешательства врача, интенсивные эмоциональные отношения между пациентом и аналитиком, которые не могут объясняться актуальной ситуацией. Они могут быть позитивного или негативного характера и могут варьировать от предельно страстной, полностью чувственной любви до разнузданного, озлобленного пренебрежения и ненависти. Этот перенос – если кратко обозначить эти особые отношения – позже замещает в пациенте желание быть излеченным, и, поскольку в этот момент перенос аффективно умеренный, он является фактором влияния врача и одновременно движущей силой совместной работы. Позже, когда перенос уже не сдерживается или преобразуется во враждебность, он становится главным средством сопротивления. Может так случиться, что он парализует стремление пациента к изменению, поставив под сомнение успех лечения... Это не предполагает тем не менее, что перенос создан посредством анализа и не может происходить вне его – перенос легко обнаруживается и изолируется с помощью анализа. Это универсальный феномен человеческой психики, от которого зависит успех всех медицинских влияний, фактически в целом доминирующий над отдельными отношениями человека к его социальному окружению...» (цит. по: *Orr, 1954, p. 625*).

Как отмечает Орр, «довольно свободное использование» Фрейдом термина «перенос» привело к возникновению большого количества разновидностей его определения и породило серьезные разногласия между ведущими психоаналитиками того времени. В частности, Хендрик полагал,

что практика использования переноса как синонима «раппорта» или «дружеского чувства» является неоправданной и запутывающей. В. Райх в своей книге «Характероанализ» (*Reich, 1933*) подверг критическому анализу позитивный перенос, описав различия трех видов псевдопозитивного переноса от истинной объектной любви. Фенихель в «Проблемах психоаналитической техники» (*Fenichel, 1940*) критиковал деление на «позитивный» и «негативный» переносы. Ссылаясь на то, что любой перенос амбивалентен и каждая его разновидность становится в анализе сопротивлением, он предлагал ограничиться определением «иррациональный перенос».

Подводя итог собственным многолетним исследованиям и результатам работ своих последователей, посвященным анализу переноса, Фрейд в посмертно изданном «Очерке о психоанализе» (1938) окончательно определяет основные характеристики переноса: «а) амбивалентность переноса; б) перевоплощение фигур из детства в персону аналитика; в) позиция аналитика как нового Суперэго, исправляющего ошибки раннего воспитания, – позиция, которой нельзя злоупотреблять, поскольку один вид зависимых взаимоотношений может заместить другой; и г) невроз переноса, отмеченный неразберихой настоящего и прошлого, вследствие чего аналитик должен вырывать пациента каждый раз из этой угрожающей иллюзии, показывать ему снова и снова, что все, что он делает, чтобы жить новой реальной жизнью, является отражением жизни прошлой» (*Orr, 1954, p. 628*).

В полном соответствии с этим Фенихель в «Психоаналитической теории неврозов» (*Fenichel, 1945*) сформулировал классическое, или, как отмечал Сильверберг, «официальное», принятое психоаналитиками понятие переноса: «Пациент неправильно понимает настоящее в терминах прошлого, и затем, вместо того чтобы вспоминать прошедшее, он стремится, без осознания причины своих действий, пережить прошлое и пережить его более удовлетворительно, чем он делал в детстве. Он "переносит" прошлые установки в настоящее».

Как уже было показано выше, такое понимание переноса в первую очередь отражает его главную психоаналитическую особенность – развитие в невроз переноса. Невроз переноса становится ключевым теоретическим и техническим понятием классического психоанализа. В своем выступлении на 20-м Конгрессе МПА, проходившем в 1957 году в Париже под названием «Изменения в классической психоаналитической технике», Гринсон утверждает, что уникальность психоанализа заключается в создании максимально благоприятных условий для развития у пациента полностью раскрытого невроза переноса (*Greenson, 1958*). Наиболее часто цитируемое в психоаналитической литературе определение психоаналитической техники, сформулированное Гиллом в 1954 году в статье «Психоанализ и исследовательская психотерапия», целиком основывается на концепции невроза переноса: «Психоанализ – это техника, применяемая нейтральным аналитиком и приводящая к развитию регрессивного невроза переноса и окончательному разрешению этого невроза при помощи одной лишь техники интерпретации» (*Gill, 1954, p. 775*).

Точно в этом же духе выдержано определение аналитической техники, данное Рэнджеллом (*Rangell, 1954*).

Подобно Гиллу и Рэнджеллу, Стоун (*Stone, 1954*) также указывает на важность невроза переноса, позволяющего продемонстрировать пациенту и эффективно прорабатывать «не соответствующие настоящей действительности» тревоги и опасения из прошлого. Вейншел (*Weinshel, 1971*) замечает, что наиболее сложные попытки дифференцировать психоанализ от психоаналитической психотерапии ограничиваются в основном различиями в техническом использовании невроза переноса.

Идея Фрейда о терапевтической необходимости развития трансферентных отношений в полный невроз переноса, его анализа, интерпретации и окончательного его разрешения в лечебной ситуации в 50-е годы стала краеугольным камнем психоаналитической техники.

Разрешение невроза переноса – утопия или реальность?

Триумф официальной концепции невроза переноса продолжался до середины 70-х годов, хотя критическое переосмысление этой концепции и ее постепенная эволюция начались задолго до этого времени.

Еще в 1955 году Гловер сожалеет, что во многих психоаналитических работах концепция невроза переноса оказалась скрытой за псевдонаучными лозунгами, второстепенными обобщениями, фетишистским отношением к переносу (*Glover, 1955*). Он подчеркивает тот факт, что предположение о неизбежном развитии невроза переноса в каждой клинической ситуации является теоретически и технически ошибочным, но он также предостерегает против возможности просмотреть его наличие и проявления. Гловер полагает, что последнее особенно легко может произойти в случаях, когда пациент оказывается способен скрыть свое амбивалентное отношение к аналитику, используя идентификацию с ним, а также в ситуациях, в которых явный тупик в аналитической работе был сам по себе решающим, но необнаруженным признаком невроза переноса (*Glover, 1955; Weinshel, 1971*).

Пересмотр классической концепции невроза переноса происходил сразу в нескольких направлениях. С одной стороны, было снято ограничение в применении психоанализа для лечения исключительно таких клинических случаев, в которых возможно развитие невроза переноса. Представители кляйнианской школы доказали, что эффективный анализ значительно более тяжелых форм психопатологии возможен без развития и проработки невроза переноса⁴ (*Bergmann, 1988*).

С другой стороны, была подвергнута сомнению и интенсивной критике сама сердцевина классической психоаналитической техники – идея о необходимости, возможности и желательности полного перевода

⁴ Мы не будем здесь рассматривать проблемы, связанные с различными видами переноса, возникающими при пограничных, нарциссических или психотических расстройствах личности.

инфантильного невроза в невроз переноса. Как уже отмечалось выше, в течение длительного времени развитие невроза переноса было разделительной линией между истинным психоанализом и психотерапией, а способность формировать невроз переноса была отличительным признаком хорошего анализанда (способного к аналитической работе пациента). Вейншел еще в 1971 году был уверен, что никто серьезно не оспаривает положение Валлерштейна (*Wallerstein, 1967*) о неврозе переноса как о «центральном техническом и концептуальном средстве психоанализа в качестве терапии». Он утверждает, что даже те аналитики, которые настаивали на необходимости значительных изменений в классической психоаналитической технике, формулировали свои нововведения, используя язык концепции невроза переноса.

В 1954 году Дуглас Опп, анализируя работы по проблеме технического использования переноса, высказывает предположение, что «большинство последних психоаналитических статей придерживаются технического соглашения, что работа с переносом продолжает являться обязательным условием лечения. Однако эта "работа" означает все большую "манипуляцию" в той или иной форме, в зависимости от интенсивности переноса или глубины терапевтической регрессии. Развитие, интерпретация и разрешение невроза переноса в аналитических отношениях – все еще отличительное свойство психоанализа для большинства аналитиков сегодня; но для значительного меньшинства это происходит при значительном ослаблении или модификации [невроза переноса]» (*Orr, 1954, p. 646*).

В этой осторожной формулировке Оппа нашло отражение усилие группы влиятельных психоаналитиков (*Alexander, 1925, 1950, 1954; Alexander, French, 1946; Silverberg, 1948; Weiss 1946; Nacht, 1957*), направленное на изменение фрейдовской концепции невроза переноса и уменьшение ее роли в аналитической технике.

Френч был одним из первых психоаналитиков, выступивших против официального подхода, согласно которому все происходящее в процессе анализа должно быть интерпретировано как перенос. В главе «Феномен переноса» в книге «Психоаналитическая терапия» (1946), написанной совместно с Александером, Френч, соглашаясь с фрейдовским определением переноса, тем не менее добавляет, что не все реакции пациента на аналитика являются невротическими трансферентными реакциями, основанными на повторении инфантильных стереотипов, – определенная часть поведения пациента в анализе является реалистичным ответом на соответствующее поведение аналитика, на черты его характера и личностные особенности. Френч усиливает акцент на настоящем, утверждая, что «чем больше мы сохраняем наше внимание сфокусированным на безотлагательных жизненных проблемах пациента, тем более ясно мы приходим к осознанию того, что невроз пациента есть безуспешная попытка решить проблему в настоящем посредством имеющихся паттернов поведения, которые не принесли успеха в решении этой проблемы в прошлом. Мы интересуемся прошлым как источником этих стереотипных паттернов поведения, но наш первичный интерес заключается в том,

чтобы помочь пациенту найти решение его настоящих проблем путем коррекции этих неудачных паттернов, помогая ему учитывать различия между настоящим и прошлым и давая благоприятную возможность приложения подлинных усилий для изменения внутритрансферентной ситуации. Затем, когда пациент попытается перенести свои новые установки в практику внешней жизни, он найдет, что они стали его второй натурой. Таким образом, психотерапия на самом деле становится процессом эмоционального перевоспитания» (*Alexander, French, 1946, p. 95; Orr, 1954*).

Этот новый взгляд на терапевтический процесс вел к значительным техническим изменениям: в «Психоаналитической терапии» Александер и Френч выступают в защиту большей гибкости в аналитической технике. Особое внимание они уделяют осложнениям, которые с их точки зрения неизбежно следуют за развитием в анализе регрессивного, зависимого отношения пациента к аналитику.

Эдуардо Вайсс, участвовавший в написании этой книги в разделе «Манипуляции с трансферентными отношениями» в главе «Принцип гибкости», утверждает, что во многих случаях аналитик должен избегать аналитической трансферентной ситуации, ограничиваясь анализом экстрааналитических трансферентных ситуаций (проявлений переноса в реальной жизни пациента в настоящее время за пределами аналитического кабинета). Вайсс отвергает неизбежность полного развития невроза переноса и настаивает на необходимости сознательного контроля за развитием трансферентных отношений. «Наш опыт подтверждает снова и снова, что нет необходимости для пациента проходить через полный невроз переноса, полный в каждой детали, относящейся к каждому поврежденному отношению, чтобы преодолеть свои невротические конфликты и фиксации. Терапевт может выполнить свою задачу, тщательно планируя манипуляции с трансферентными отношениями» (*Alexander, French, 1946, p. 54*). В качестве таких манипулятивных приемов Вайсс предлагает изменение времени и частоты сессий, планирование прерываний лечения, использование кресла или кушетки попеременно, выбор и регулирование интерпретаций, принятие аналитиком ролевых позиций, отличных от тех, которые ожидаются или требуются от него пациентом в переносе и др. Сосредотачивая свое внимание на анализе экстрапереноса, аналитик может также пытаться влиять на окружение пациента – это автоматически изменяет трансферентное отношение, «делая развитие громоздкого невроза переноса менее вероятным, поскольку акцентируется реальная ситуация настоящего» (*Alexander, French, 1946*).

Под настоящим как Френч, так и Вайсс, с моей точки зрения, в большей мере понимают не столько настоящее аналитической ситуации, то есть, говоря современным языком, «сознательное и бессознательное настоящее» (*Sandler, J., Sandler, A.-M., 1987*) или «здесь и теперь», сколько настоящее как реальную жизнь пациента вне стен аналитического кабинета. Мы могли бы по аналогии с понятиями «здесь и теперь», «тогда и там» назвать эту реальность как «там и теперь».

Обсуждая необходимую аналитическую работу с проявлениями негативного переноса у пациента, Вайсс утверждает, что реакции враждебности

часто создают ненужные осложнения для терапии и иногда выгодно создавать «разделенный перенос», когда аналитик, имея дело с реакциями, которые скрыто или явно направляются на него, анализирует тем не менее проявления подобных реакций по отношению к внешним объектам окружения пациента. Вайсс предпочитает найти в этом случае кого-то из текущей жизненной ситуации пациента (из «там и теперь»), кто потенциально является объектом такой невротической реакции. Оставаясь вне сражения, усиливая напряжение экстрааналитических ситуаций и прорабатывая экстраперенос, аналитик, согласно Вайссу, помогает пациенту «в его отношениях с внешним объектом враждебности и таким образом прорабатывает его более ранний конфликт». «Удерживая терапию вплотную к реальным проблемам пациента с помощью реалистического уравнивания аналитических и экстрааналитических трансферентных реакций и интерпретаций, аналитик стремится дать пациенту осознание его эмоций, сделать инсайт более реалистичным и убедительным и содействовать интегративной функции Эго» (*Alexander, French, 1946, p. 49; Orr, 1954*).

Вейншел (1971) уверен, что страсти, кипевшие в психоаналитическом сообществе в отношении концепций и технических новшеств Александера, Френча, Вайсса и др., уже улеглись, но тем не менее на поставленные ими вопросы так и не были получены окончательные ответы. Учитывая скрытые смыслы и опасности, которые несет для аналитической терапии проблема разрешения невроза переноса (учащающиеся покушения на фундаментальную классическую концепцию невроза переноса ведут, с точки зрения Вейншела, к разрушению фундаментальной терапевтической модели, на которой основывается психоанализ), он тем не менее замечает, что игнорировать тот факт, что значительное число аналитиков не согласны с традиционным техническим подходом, было бы ошибочным и недальновидным.

Критика технического подхода Александера, Френча и Вайсса с классических позиций наиболее полно представлена в работах Гилла (1954) и Рэнджелла (1954). От себя я хотел бы добавить следующее. На мой взгляд, чрезмерный акцент Вайсса на анализе экстрапереноса в технике работы с негативным переносом представляет собой рационализацию контртрансферентного желания избежать неприятных состояний, связанных с анализом негативного переноса пациента на аналитика. Нарастающее напряжение во взаимоотношениях аналитик – пациент, стремящееся разрушить псевдопозитивный перенос, при этом сознательно смещается в экстрааналитические ситуации: вторичным образом переносится из «здесь и теперь» в «там и теперь». С известной долей преувеличения мы могли бы сказать, что техника Вайсса – это анализ невроза переноса, вынесенного вовне из аналитической ситуации. Избегая анализа скрытого негативного переноса, Вайсс рассчитывает сохранить позитивный перенос⁵.

⁵ См. Россохин А. В. Роль анализа латентного негативного переноса в аналитической технике // Индивидуальность в современном мире. Смоленск, 1999.

По-видимому, новые для того времени акценты Александера, Френча и Вайсса были реакцией-противопоставлением на концепцию Стрэчи (см. ниже), в соответствии с которой единственными интерпретациями, обладающими мутационными свойствами, являются интерпретации переноса. Это мое предположение, но, возможно, Вайсс мог бы сказать, пользуясь метафорой Стрэчи, что в первую очередь интерпретации экстрапереноса являются мутационными и способными приводить к структурным изменениям.

Идеи Александера, Френча, Вайсса, может быть, в силу их некоторой односторонности, не были приняты психоаналитическим сообществом⁶. Подходы, в равной мере учитывающие важность интерпретаций как переноса, так и экстрапереноса, начали легитимно появляться в официальной психоаналитической литературе лишь с начала 80-х годов (см. *Blum*, 1983).

Более успешная попытка пересмотра концепции невроза переноса с других позиций предпринимается Гринакр в 1959 году. Еще в 1954 году она характеризует переживание невроза переноса как «наиболее убедительный способ демонстрации и интерпретации для пациента, который позволяет почувствовать значительно большее облегчение, возможно, потому, что актуально пережитые воспоминания несут более полный эмоциональный резонанс, чем просто высказанные, которые дают лишь частичное облегчение» (*Greenacre*, 1954, p. 674). А уже в 1959 году она приходит к мнению, что термин «невроз переноса» может иногда вводить в заблуждение и предлагает новое понятие – активные трансферентно-невротические проявления (*Greenacre*, 1959). Продолжая традицию, идущую от Штербы, Гринакр желает обуздать власть невроза переноса и усилить наблюдающее Эго как залог сохранения терапевтического союза. Она акцентирует важность поддержания автономии анализанда. Гринакр также утверждает, что не полностью проанализированные трансферентные отношения могут быть перенесены после окончания анализа на другие взаимоотношения в жизни анализанда и в результате оказать на них сильное влияние. Она добавляет, что непроанализированные трансферентные остатки восстанавливаются быстрее, чем рассеиваются невротические отношения (*Bergmann*, 1988).

По мнению Мартина Бергманна, с работы Гринакр начались постепенные важнейшие изменения в психоаналитической технике. В 1971 году Блюм предложил компромиссную формулировку: классический анализ требует поддержания интенсивного переноса («невроза переноса»), но вместе с тем одновременного поддержания терапевтического союза и соотнесения с реальностью. Инакомыслие Гринакр стало в 70-х годах господствующей тенденцией в американском психоанализе.

⁶ Бергманн (*Bergmann*, 1993) утверждает, что психология самости Кохута, сосредотачивающая внимание на интернализации пациентом эмпатического понимания его аналитиком, может быть рассмотрена как развитие концепции Александера.

В психоаналитических работах, направленных на пересмотр «центрального технического и концептуального средства психоанализа как терапии», критика невроза переноса осуществляется в отношении двух обстоятельств.

Во-первых, невроз переноса не может быть полностью проработан и окончательно разрешен. Во-вторых, полное развитие невроза переноса в анализе нежелательно, так как возникающая при этом сильная регрессия может привести к значительному ослаблению наблюдающего Эго аналитизанда. Основные проблемы, вокруг которых развернулась дискуссия, – «разрешение переноса» и «трансферентные остатки».

В психоаналитической литературе неврозу переноса отведено значительно больше места, чем проблеме его разрешения. Это понятие – «разрешение переноса» – отсутствует в предметном указателе к Полному собранию сочинений Фрейда⁷ (*Bergmann, 1988*). Бергманн обращает внимание на то, что, говоря о разрешении переноса, Фрейд использовал немецкое слово *Lösung*, которое подразумевает решение (англ. *solution*) – способ, с помощью которого может быть решена загадка. В отличие от этого, «разрешение» (англ. *resolve*) является метафорой, предполагающей устранение конфликтов. С точки зрения Бергманна, понятие «разрешение» имеет не только более сильную, но и более утопическую коннотацию, чем понятие «решение». Метафорическая природа многих психоаналитических понятий создает глубокие эмоциональные контексты, однако, с другой стороны, препятствует ясному и четкому определению терминов. Фрейдовский термин «решение» больше соответствует пониманию аналитического процесса как научного поиска решения проблемы, в то время как «разрешение» имплицитно акцентирует внимание на сложных и конфликтных, но глубоких и продолжающихся человеческих взаимоотношениях.

По мнению Бергманна, с технической точки зрения проблема разрешения переноса разработана крайне неудовлетворительно. В классических работах по аналитической технике (см. например, *Glover, 1955; Greenson, 1967* и др.) этой проблеме уделено незначительное внимание. Тем не менее в литературе существует описание идеального (смоделированного) разрешения переноса в классическом анализе, данное Меннингером (*Menninger, 1958*): «Гипотетический пациент говорит о том, что он реагировал на аналитика, как будто тот был его матерью, отцом, братом, учителем, сестрой, женой. Постепенно интенсивность подобных иллюзий ослабевает. Аналитик все больше становится для пациента настоящим аналитиком, "доктором, который терпеливо меня выслушал". Пациент начинает чуть благосклоннее относиться к аналитику как к человеку, который действует ради него. Эта объективность по отношению к аналитику увеличивается, в то время как магическое всемогущество великого человека (аналитика) уменьшается. В фантазиях это воспринимается

⁷ «The Standard Edition of the Complete Psychological Work of Sigmund Freud» – полное собрание работ Фрейда в 24 т., изданное под редакцией Дж. Стрэчи.

как его смерть; в более конструктивной формулировке это замена образом друга с его собственными недостатками, интересами и проблемами, но с наличием постоянных и надежных стремлений оказаться полезным. В этом случае прекращение анализа часто несет в себе мысль, выраженную Теннисоном: "Я надеюсь увидеть моего проводника, когда пересеку порог"» (цит. по *Bergmann*, 1988, р. 144). В отношении идеального классического завершения анализа по Меннингеру Бергманн замечает, что цитата Теннисона, содержащая ассоциации со смертью и Господом Богом, вряд ли соответствует оптимистическому взгляду, который сознательно пытается изложить Меннингер. Бергманн разбирает также два примера подобного, «классического», описания окончания реального анализа, сообщенные в работах Берга (*Berg*, 1947) и Девалда (*Dewald*, 1972).

Пациент Берга говорит: «Было адское количество переживаний. Этот ад был результатом моей слепой, глупой и настойчивой попытки заставить вас заменить мою умершую мать, как раньше я пытался заставить вас заменить умершего отца. Я чуть не сломался, пытаюсь слепо и настойчиво сделать вас своим главным другом и советником, прикрепиться к вам, как младенец к матери, и, забавнее всего, пытаюсь вынудить вас стимулировать и удовлетворять все мои эмоциональные и инстинктивные потребности. Конечно же, я не понимал при этом, что мое сердитое настроение, притворное безразличие и другие защиты, особенно моя ненависть и раздражительность, объяснялись тем, что вы не играли... ад был и в отказе от этих бесполезных попыток... в освобождении от их слепой принуждающей силы, чтобы не быть этим настойчивым ребенком, вечно стремящимся прицепиться к папочке или мамочке» (цит. по *Bergmann*, 1988, р. 145). Комментируя опыт пациента Берга, Бергманн отмечает, что, приняв сложное психоаналитическое путешествие и развив интенсивный невроз переноса, пациент чувствует раздражение и презрение к тому, чем он стал. Это может привести к значительному снижению его самооценки за счет сравнения со своим Эго-идеалом на фоне отсутствия реальной поддержки со стороны аналитика (правило абстиненции).

Предваряя свой пример, демонстрирующий с его точки зрения успешное разрешение невроза переноса, Девалд утверждает, что, в отличие от психотерапии, психоанализ убирает вытеснение и, прорабатывая невроз переноса, устраняет инфантильный невроз. Девалд следующим образом описывает окончание анализа: «Молодая замужняя женщина на заключительной фазе ее анализа прорабатывала свою печаль и траур в связи с его окончанием. Постепенно она становилась все более и более уверенной в самой себе, в ее отношении к мужу и в его любви к ней. Она говорила: "Здесь нет ничего для меня больше. Вы врач, вы лечили пациента, и я люблю вас за это, но я полностью контролирую себя и не нуждаюсь в вас. Все хорошее должно закончиться, и оно не может продолжаться вечно". Она продолжала описывать свое понимание, что любовные отношения между нами нереальны, что полное переживание она испытала в своей собственной душе и что, когда она узнала меня в реальности, она не была больше способна убедить себя, что любит меня. Испытав мимолетное чувство предательства по отношению ко мне, она указала, что теперь

чувствует, что ее муж более зрелый, привлекательный и сексуальный, чем я» (цит. по: *Bergmann*, 1988, p. 145).

Имплицитно в классическом подходе подразумевается, что осознание природы невротической привязанности к родительским фигурам делает новое Эго достаточно устойчивым к воздействию инфантильных прототипов. По мнению Бергманна, все, что пациенты Меннингера, Берга, и Девалда говорят на завершающей фазе анализа, – это феномены Эго-инсайта. Тем не менее это не дает, с его точки зрения, гарантии, что начиная с этого момента жизнь анализанда будет полностью определяться этим новым пониманием. Он утверждает, что убеждение классического психоаналитического подхода, что инсайт будет преобладать над старыми прототипами, так и осталось клинически не доказанным. Комментируя описание пациенткой Девалда своего состояния в момент завершения анализа, Бергманн замечает, что состояние Эго пациентки представляет собой только одно из многих возможных состояний (в том числе и невротических). Возможно, в случае обострения семейных проблем она вновь почувствует «реальность» и силу своей любви к аналитику. Тем не менее даже в этом случае у нее, в отличие от доаналитического периода жизни, будет реальный выбор между различными состояниями Эго и соответствующими жизненными стратегиями.

Используя язык теории объектных отношений, Уайт (*White*, 1992) говорит о той же возможности установления новых взаимоотношений в ходе анализа, позволяющей пациенту после завершения анализа вступать в принципиально новые постаналитические объектные связи (я бы добавил: или соответствующим образом преобразовывать старые), в которых перенос и, соответственно, инфантильные прототипы взаимоотношений уже не являются настолько доминирующими, как ранее. Перенос из бессознательного навязчивого повторения в ситуации, практически не дающей человеку выбора, превращается в результате анализа в одну из в достаточной мере осознаваемых возможностей.

Второе понятие, вызвавшее сильные разногласия среди психоаналитиков и напрямую связанное с проблемой полного разрешения переноса, – это «трансферентные остатки». Проблема «трансферентных остатков» впервые встала перед Рут Мак-Брунстик, которая в 1926 году взяла на повторный анализ Человека-Волка, знаменитого пациента Фрейда, переживавшего сильный рецидив старой болезни (*Brunswick*, 1928). Бергманн утверждает, что то, что произошло с Человеком-Волком, могло бы уже в то время открыть огромную власть переноса, сохраняющуюся в течение многих лет после завершения анализа. Он отмечает, что для того, чтобы достоверно понять степень, с которой другие пациенты Фрейда разрешили невротизацию переноса, необходимо дождаться открытия архива Фрейда. Тем не менее, ссылаясь на ставшую ему доступной переписку между

Фрейдом и его пациенткой К. Леви⁸, а также на известные взаимоотношения Фрейда с его бывшими пациентами, ставшими профессиональными психоаналитиками, Бергманн утверждает, что по крайней мере в некоторых случаях анализ трансформировался в прочную дружбу.

В 1950 году Макалпин одной из первых обращает внимание на то обстоятельство, что окончательное разрешение переноса или его постаналитическая судьба не были в достаточной мере поняты и изучены. Она критически заостряет проблему: «Всякий раз перенос наконец разрешался. Это происходило в течение неопределенного периода времени после окончания анализа. Эта особенность разрешения переноса избавляет от строгого научного наблюдения» (*Macalpine*, 1950, p. 534). Еще дальше идет Энни Райх, предупреждая, что перенос не всегда может быть разрешим. «Иногда отношение пациента к аналитику может стать первым действительно надежным объектным отношением в жизни пациента, что является чрезвычайным обстоятельством, влекущим за собой опасность, что это отношение может стать серьезной помехой возможности переносу быть когда-либо проанализированным» (*Reich*, 1958, p. 230). В теории техники считается, что аналитик способен разрешить невроз переноса, если в процессе анализа он прорабатывает перенос, владеет своим контрпереносом и остается инкогнито. Куби (*Kubie*, 1968) тем не менее сомневается, что даже строгая приверженность этим принципам гарантирует возможность разрешения переноса (*Bergmann*, 1988).

Первыми научными исследованиями этой сложной проблемы, продолжавшимися после окончания лечения, стали работы Пфедфера (*Pfeffer*, 1963), Нормана с соавторами (*Norman et al.*, 1976), Маклафлина (*McLaughlin*, 1981) и др. В пролонгированных исследованиях Пфедфера трансферентные остатки изучались не аналитиком, осуществлявшим терапию, а независимым исследователем, который, впрочем, также был профессиональным аналитиком. Результаты оказались неутешительными для последователей классической концепции невроза переноса, убежденных в возможности его полного разрешения: Пфедфер делает вывод, что постаналитическая связь продолжается в пассивном состоянии, готовая к переносу на любую подходящую замену аналитика. Испытуемые Пфедфер были склонны рассматривать научные эксперименты как продолжение аналитического процесса, а самого экспериментатора – как лечащего аналитика. В ходе длительного исследования они демонстрировали

⁸ Переписка между Фрейдом и миссис Леви, к тому времени уже завершившей свой анализ у Фрейда, имела место в 1920 году и носила личный характер. «Фрейд делился с ней событиями из своей жизни, в том числе скорбью, вызванной смертью его дочери Софи. Миссис Леви в свою очередь продолжала советоваться с ним по поводу различных вопросов в ее жизни. Фрейд непрерывно подбадривал ее, убеждая быть разумной и храброй. Он написал ей 18 августа 1920 года: «Я не могу выразить вам, какое для меня облегчение писать вам в простом, добросердечном тоне без той воспитательной жесткости, которая преобладала в ходе анализа, без необходимости скрывать мое теплое дружеское отношение к вам, отношение, в котором вы никогда не должны сомневаться» (*Bergmann*, 1988, p. 143).

интенсификацию различной степени остаточных симптомов, иногда полностью воспроизводя симптомы, для устранения которых они начали анализ несколько лет назад.

Обсуждая результаты проведенных исследований, Пфеффер утверждает, что «конфликты, лежащие в основе симптомов, не являются разрушенными или устраненными анализом, но скорее становятся лучше управляемыми при помощи новых и более адекватных решений, принимаемых пациентами» (Pfeffer, 1963, p. 234).

Исследование Пфеффера показало, что по крайней мере у тех испытуемых, которые участвовали в его экспериментах, полное разрешение переноса не было выявлено. Впрочем, я полагаю, что относительно методики экспериментов Пфеффера возникает много вопросов и сомнений, в особенности в отношении того обстоятельства, что исследователь сам являлся аналитиком и, следовательно, своим профессионально-аналитическим поведением мог спровоцировать активизацию переноса. В связи с этим обращает на себя внимание то, что Пфеффер в своей статье называет испытуемых пациентами, несмотря на то что они уже завершили свой анализ.

Тем не менее другое пролонгированное исследование этой проблемы Гэскелла с соавторами подтвердило высокую готовность для восстановления трансферентных отношений у испытуемых после успешного окончания ими анализа. Маклафлин, проведя очередное исследование и анализируя полученные результаты, также подтверждает, что невроз переноса ослабляется, но полностью не исчезает.

Результаты экспериментов Пфеффера, Нормана с соавторами и Маклафлина были не только обескураживающими. Они также выявили существенные для дальнейшего развития теории и техники психоанализа закономерности. После завершения анализа у пациента сохраняется сложный интрапсихический образ аналитика, и, что является чрезвычайно важным, этот образ связан не только с остаточным переносом, но также и с разрешенной частью невроза переноса (Bergmann, 1988).

Соглашаясь с классическим представлением о переносе как о центральном аналитическом инструменте, Уайт (White, 1992) тем не менее замечает, что «идея разрешения переноса вводит в заблуждение, если мы подразумеваем, что перенос количественно уменьшается или уничтожается. Скорее невроз переноса модифицируется и превращается в более зрелую объектную связь с аналитиком, в которой существует комбинация инсайта, восстановления памяти и опыта новых эмоций» (White, 1992, p. 335).

Пересмотр и преобразование психоаналитической теории невроза переноса отчетливо прослеживается в работах Лёвальда (Loewald, 1960, 1962, 1971). Его фундаментальное исследование «О терапевтической работе в психоанализе» (1960) целиком основано на неврозе переноса как ключевой психоаналитической концепции. В нем Лёвальд демонстрирует, в частности, некоторые интересные и важные параллели между аналитическим процессом как процессом развития и разрешения невроза переноса и процессом развития Эго.

В 1962 году Лёвальд подтверждает: «Анализ представляет собой пример стремления заменить потерянные объекты любви, и аналитик в переносе способствует такой замене. Цель, однако, состоит в том, чтобы разрешить невроз переноса, возрождая инфантильный невроз» (*Loewald*, 1962, p. 261). Однако уже в 1971 году Лёвальд описывает перенос по-другому: «Мы можем относиться к нему [неврозу переноса] как к повторному преобразованию психической болезни, которая проистекает из патогенных взаимодействий с важными людьми из внешнего окружения ребенка, в процессе взаимодействия с новым лицом – аналитиком. В ходе этого взаимодействия патологические инфантильные отношения и их интрапсихические последствия могут стать прозрачными и доступными для изменения, благодаря объективности аналитика и появлению новых интеракционных возможностей» (*Loewald*, 1971, p. 309).

Бергманн подчеркивает, что в работах 1960 и 1962 годов фокус внимания Лёвальда сосредотачивался на неврозе переноса и его разрешении, а в 1971 году, под влиянием теории объектных отношений, Лёвальд изменяет акцент – анализ направляется на процесс взаимодействия с аналитиком как новым объектом, в ходе которого становятся возможными новые взаимоотношения со значимыми людьми в реальной жизни пациента (*Bergmann*, 1988).

В отличие от Бергманна, я считаю, что Лёвальд, вводя в психоанализ определение психоаналитика как «нового объекта» (1960), подчеркивает связанные с этим новым понятием межличностные аспекты аналитической ситуации. В работе 1971 года Лёвальд не меняет акценты, а продолжает и усиливает линию своих рассуждений, в соответствии с которой аналитический процесс представляет собой постепенное открытие и переживание пациентом нового и неизвестного взаимодействия с аналитиком как с объектом, которого он никогда не знал ранее. Именно эти новые объектные отношения с аналитиком посредством интернализации и приводят к структурным изменениям в личности пациента.

Со временем среди психоаналитиков росло понимание, что процесс разрешения невроза переноса и внутриспсихического изменения оказался значительно более трудным, чем предполагали Фрейд и другие пионеры психоаналитического движения. Клинически не доказанное убеждение в целительной силе невроза переноса в 50-х годах породило в 70-х кризис эго-психологического направления, доминировавшего в американском психоанализе, и привело к смещению акцентов в сторону теории объектных отношений. В настоящее время, по свидетельству Бергманна, определение, данное Гиллом (1954) психоанализу как терапии, в которой должен быть полностью развит и впоследствии разрешен невроз переноса, больше не удерживает доминирующее положение.

Бессознательное прошлое и бессознательное настоящее

В отличие от классического подхода, сосредотачивающего свое внимание на вытесненных фантазиях анализанда и особенно на фантазиях, ассоциирующихся с эдиповым комплексом, теория объектных отношений изучает влияние на психику младенца самых ранних взаимоотношений с матерью. Взаимоотношения между Я и интернализированными репрезентациями объектов, являющиеся ядром психоаналитической теории объектных отношений, становятся все более актуальными и значимыми и для других психоаналитических направлений. Акцент на объектных отношениях вводит в анализ фактор, имеющий равную значимость с интерпретацией, – отношения между аналитиком и анализандом⁹.

Открытие и разработка роли и значения последних в психоаналитическом процессе связано с аналитиками «средней группы» – представителями британской независимой школы психоанализа Балинтом, Фэрберном, Гантрипом, Винникоттом – и позднее с работами Кохона (*Kohon, 1986*), Стюарта (*Stewart, 1992*), Кэйсмента (*Casement, 1991*), Рэйнера (*Rayner, 1991*), Огдена (*Ogden, 1989*), Болласа (*Bollas, 1987, 1992*) и др. В отличие от классического психоанализа, в котором интерпретация является единственным и центральным инструментом, эти аналитики разрабатывают технический подход, в большей мере ориентированный на терапевтическое использование объектных отношений.

В интерактивной, учитывающей невербальные аспекты взаимодействия в технике, до недавнего времени осуждавшейся как «неаналитическая» и «психотерапевтическая», гораздо большее значение придается факторам поддержки аналитического процесса и значительно большее внимание уделяется реальности – не только реальности прошлого, но также самой аналитической ситуации – в которой не все автоматически оценивается как перенос анализанда (*Treurniet, 1993*).

Под влиянием теории объектных отношений и психологии двух и трех персон (Балинт) стало уделяться больше внимания бессознательным значениям «здесь и теперь» – «бессознательному настоящему» (Сэндлер) во взаимодействии аналитика и анализанда. Лёвальд (1960, 1971) разрабатывает в рамках эго-психологии концепцию нового объектного отношения между анализандом и аналитиком, которая и становится, на мой взгляд, предвестником вновь возникшего (после работ Ференци, Райха, позднее – Стрэчи, Штербы, Балинта и др.) технического интереса к «настоящему» аналитической ситуации. Тем не менее еще в 1976 году Клаубер подчеркивает, что отношения аналитик – пациент являются наиболее

⁹ См. пионерские работы в отечественной психологии Е. Т. Соколовой, посвященные исследованию объектных отношений: «Самосознание и самооценка при аномалиях личности» (1987) и «Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях» (в соавторстве с В. В. Николаевой, 1995).

пренебрегаемыми аспектами аналитической ситуации¹⁰, хотя от качества этих отношений в значительной степени зависят результаты анализа (Kohon, 1986).

Основной технической целью раннего этапа развития классического анализа считалась эффективная интеграция личного прошлого пациента в его психическую жизнь. Позднее реконструкция прошлого опыта хотя и сохранила свое значение, но перестала быть единственным и даже основным рабочим инструментом аналитика. Первыми аналитиками, отстаивавшими приоритет анализа текущих переживаний, раскрывающихся в переносе, по сравнению с генетическими интерпретациями, были Ференци, Ранк, Райх¹¹. Они выступали против «интерпретационного фанатизма», превращающего, с их точки зрения, психоанализ в вошедшее в моду эмоционально-бесплодное интеллектуальное исследование. В «Развитии психоанализа» (1924) Ференци и Ранк предложили сместить фокус аналитического внимания с интеллектуальной реконструкции прошлого на текущие эмоциональные переживания в аналитическом процессе. Они утверждали, что эффективность анализа практически полностью зависит от интенсивности повторного переживания того опыта, который никогда не был полностью сознательно пережит в прошлом. Этих переживаний предлагалось добиваться, воздерживаясь от интерпретаций переноса или значительно ограничивая их при одновременной поддержке эмоций анализанда, связанных с переносом (Stone, 1981).

Фокус внимания Ференци, Ранка и их последователей на «драматизации» в настоящем в противовес «интерпретации» прошлого в свою очередь мог привести к усилению сопротивления. Фенихель (1941) следующим образом описывает два противоположных проявления сопротивления в анализе: интеллектуальное понимание интрапсихического конфликта как защиту от эмоциональных переживаний, связанных с ним («интерпретационный фанатизм»), и интенсивное переживание как защиту от осознания внутреннего конфликта (этот вид сопротивления можно было бы назвать «аффективный фанатизм»).

Современное отношение к аффективному опыту анализанда уже в меньшей степени определяется экономическим критерием интерпретации Фенихеля. Аналитическое внимание с аффективной напряженности бессознательных конфликтов пациента все больше переносится на подробный анализ преобладающего в данной клинической ситуации

¹⁰ Это, конечно, неверно в отношении таких современных психоаналитических школ, как британская независимая («средняя группа»), интерперсональная (бывшие «культуралисты»), психология самости. Модификации аналитической техники, основанные на терапевтическом использовании объектных отношений, разрабатываемые в рамках этих школ, до недавнего времени считались относящимися к психотерапии, а не к психоанализу (Treurniet, 1993).

¹¹ Я не буду в этой статье рассматривать значительный вклад Райха в развитие как классической, так и, во многих аспектах, постклассической аналитической техники, так как он частично описан мной в работе: Вильгельм Райх: по ту сторону осуждения и поклонения // В. Райх. Характероанализ. М.: Республика, 1999. С. 5–32.

«здесь и теперь» аффективного материала. Кернберг с современных позиций вносит изменения и дополнения в динамический и экономический критерии выбора интерпретаций Фенихеля (динамический критерий – сопротивление раньше содержания; структурный – Эго раньше Ид; экономический – наиболее важны текущие конфликты влечений) (Fenichel, 1941). По мнению Кернберга, при использовании интерпретации аналитик должен исходить из следующего: «Интерпретация должна осуществляться через оценку аналитиком доминирующего аффективного вклада в каждый конкретный момент времени; преимущественно, но не исключительно, через анализ переноса, в направлении от поверхности вглубь, с пониманием существования различных [аналитических] поверхностей и с учетом возможности того, что одно и то же сочетание импульс-защита может разрабатываться с разных поверхностей¹² в общую глубину» (Kernberg, 1993, p. 664).

Техническая позиция, ориентированная на исследование доминирующего в бессознательном настоящем аффективного материала как наиболее соответствующей точки для аналитического вмешательства, представляет собой, согласно Кернбергу, конкретный анализ переноса и контрпереноса в текущей аналитической ситуации на каждом сеансе. Этот подход наиболее активно развивается аналитиками из Британской независимой группы: Стюартом, Кэйсментом, Огденом, Болласом (подробнее см. ниже) и поддерживается практически всеми основными современными психоаналитическими школами.

Возвращаясь к тенденции, связанной с работами Райха, Ференци и Ранка, отметим, что приоритет «настоящего» в аналитической ситуации подчеркивается также в двух других оказавших значительное влияние на развитие психоанализа технических подходах, разработанных десятью годами позже, – концепциях Стрэчи (Strachey, 1934) и Штербы (Sterba, 1934), находящихся в значительном противоречии как друг с другом, так и с техникой Ференци и Ранка («интерпретация» против «драматизации»).

В противовес концепции Ференци и Ранка, настаивавших на достижении в анализе максимально возможных эмоциональных переживаний, связанных с переносом, техника Штербы направлена на формирование у пациента способности в моменты сильного аффекта вызывать «терапевтическое расщепление» Эго – отстраняться от переживаний, наблюдать их со стороны и стараться рефлексивно переосмысливать (анализировать вслед за аналитиком, но все больше самостоятельно и независимо от него) регрессирующую часть Эго – процесс, помогающий аналитику проработать трансферентное сопротивление (ср. с проработкой сопротивления осознанию переноса по Гиллу).

¹² Здесь Кернберг имеет в виду понятие аналитической поверхности, введенное Леви (Levy et al., 1990), и четыре типа поверхности: перенос в ситуации «здесь и теперь» (Гилл), поверхностные манифестации сопротивления (Грэй), прерывания в свободных ассоциациях (Крис) и эмпатическое слушание (Швабер).

Стрэчи, также оппонировав Ференци и Ранку, существенно модифицирует аналитическую технику, приписывая центральное значение с терапевтической точки зрения интроективным изменениям Суперэго и со стороны техники – интерпретациям переноса как единственно «мутационным», то есть способным приводить к структурным изменениям в личности.

В статье «Судьба Эго в аналитической терапии» (1934) Штерба разрабатывает концепцию, ставшую самым ранним исследованием терапевтического союза. В отличие от расплывчатого представления о терапевтическом союзе как о сотрудничестве между пациентом и аналитиком, Штерба определяет союз предельно конкретно: это временное, а не постоянное взаимодействие наблюдающего Эго анализанда с аналитиком (сейчас мы бы сказали с «рабочим», или «аналитическим», Эго аналитика), возникающее в процессе интерпретации сопротивления переноса и основывающееся на временном и частичном выходе анализанда из конфликтных трансферентных отношений с аналитиком (терапевтическом расщеплении Эго) и его способности увидеть свое трансферентное поведение более объективно. Терапевтическое расщепление Эго у анализанда становится возможным благодаря специально направленным на достижение этой цели интерпретациям и возникающей в ходе аналитической работы идентификации наблюдающего, ориентированного на реальность Эго пациента с рабочим Эго аналитика.

Эта безусловно оригинальная концепция Штербы появилась, на мой взгляд, во многом под влиянием теоретических и технических идей В. Райха¹³. Для сравнения я сошлюсь на описание Райхом техники анализа сопротивления характера: «При характероанализе мы должны неоднократно изолированно показывать пациенту черту его характера до тех пор, пока он не обретет к ней дистанцию и не настроит себя к ней как, скажем, к мучительному симптому навязчивости. Потому что благодаря дистанцированию и объективированию невротического характера последний начинает восприниматься пациентом как некое инородное тело и наконец образуется некоторое понимание болезни» (Райх, 1999, р. 78).

Фридман, анализируя различия в подходах Стрэчи и Штербы, отмечает, что Стрэчи уверен, что прежде, чем пациенту можно позволить самостоятельно приобретать новый опыт (к чему с помощью интерпретаций подводит пациента Штерба), аналитик должен изменить Суперэго анализанда, если он хочет, чтобы его интерпретации были восприняты. Штерба отстаивает противоположную точку зрения. Он уверен, что нет нужды заниматься ни изменением (повышением реалистичности) Суперэго (Стрэчи), ни тем более его устранением или заменой (Александр). Стереотипные реакции Суперэго, сформировавшиеся на определенном

¹³ Штерба был членом Венского технического семинара по психоаналитической терапии, который с 1924 по 1930 год возглавлял В. Райх. К функциям Технического семинара относились как обучение начинающих психоаналитиков, так и проведение научных исследований и разработка методик аналитической работы.

этапе индивидуального развития, не могут быть изменены или отменены. Все, что можно сделать, – это дать пациенту действительную возможность внутреннего выбора между старым ригидным и новым, возникающим в анализе, отношением к себе, сделать действие Эго менее автоматическим и навязчивым. Используя понятие «Мы», Штерба облегчает идентификацию и способствует пониманию пациентом совместной аналитической работы, которая постепенно интернализируется и становится основой способности к терапевтическому расщеплению и последующей интеграции Эго. Совместная с пациентом работа аналитика, которую, используя язык Штербы, можно назвать «Мы-работой», направлена не только на анализ и интерпретацию той части Эго, которая погружается в невроз переноса, но и на противодействие ригидным стереотипам Суперэго. «Использование слова "мы" всегда означает попытку аналитика показать [пациенту], что часть Эго [пациента] на его стороне [аналитика]» (*Friedman, 1992, p. 121*).

Штерба согласен со Стрэчи в том, что пациент, развивая невроз переноса, ассимилирует аналитика в качестве прототипа в своей жизненной драме. Разногласия между ними возникают в отношении трудной проблемы проработки и разрешения переноса. Стрэчи предлагает решать ее путем добавления небольшого количества объективной реальности, а Штерба – с помощью вычитания небольшого количества субъективной реальности анализанда. Согласно Штербе, для обретения новых возможностей пациенты нуждаются в том, чтобы на короткое время освободиться от идентификаций со своими страхами и/или от идентификаций со своими защитами. Такое освобождение достигается аналитиком через использование механизма диссоциации с помощью интерпретаций трансферентного сопротивления – например, пациент ощущает себя одновременно прячущимся за маской (сопротивление) и выглядывающим из-за нее. Соприсутствие пристрастного и беспристрастного способов восприятия более важно для Штербы, чем для Стрэчи. Согласно Стрэчи, пристрастность («своевременность») полезна только потому, что переключает внимание анализанда от иллюзорного аналитика к реальному. В противоположность Стрэчи, ориентирующему пациента на более реалистичное восприятие аналитика, Штерба старается дать возможность пациенту посмотреть на самого себя (*Friedman, 1992*). Аналитическая позиция, согласно Штербе, должна сочетать пристрастность как открытость напряженному аффективному опыту в актуальной ситуации анализа (здесь и теперь) и беспристрастность как сохранение отстраненности, нейтральности и объективности. Подобный взгляд на концепцию Штербы позволяет нам увидеть, что его исследования, несмотря на сопровождавшую их появление «бурю негодования и неприятия», явились предтечей не только современных представлений о терапевтическом союзе, но также возрастания внимания к анализу переноса и контрпереноса в «здесь и теперь» и нового понимания принципа нейтральности в современной аналитической технике (см. ниже).

Думая о реализации технической стратегии Штербы, я предполагаю, что залогом успеха в формировании у анализанда способности к

диссоциации служит наличие у аналитика профессионально выработанного навыка «аналитического расщепления» своего собственного Эго – на регрессирующую вместе с пациентом часть Эго – «эмпатическое» Эго («Мы-переживание», «Мы-отношение» или «Мы-сопротивление») и часть Эго, занятую проведением аналитической работы, – «аналитическое» Эго («Мы-анализ»). Такое инициированное аналитиком одновременное существование в анализе совместного трансферентного переживания, совместного сопротивления и совместных взаимоотношений, с одной стороны, и их совместного анализа, проработки и переосмысления, с другой стороны, постепенно интернализируется пациентом и облегчает формирование у него одновременно пристрастного и беспристрастного восприятия самого себя.

Вместе с тем, как мне кажется, существует опасность чрезмерного как теоретического, так и технического внимания к терапевтическому расщеплению и достигаемому в результате этого «усилению Эго» анализанда. Чрезмерный акцент на «расщепленном Эго» способен привести, на мой взгляд, к игнорированию следующего после терапевтического расщепления этапа – во многих отношениях ключевого и абсолютно необходимого, – этапа постепенной интеграции (синтеза) Эго. Здесь имеется в виду не глобальный процесс интеграции личности, а способность к восстановлению определенного уровня целостности после необходимого и сознательного расщепления. На первом уровне идентификации (в аналитических ситуациях, требующих расщепления) наблюдающее Эго пациента идентифицируется с аналитическим Эго аналитика и в таком виде интроецируется. Второй уровень идентификации достигается в такие моменты аналитического процесса, которые требуют от аналитика восстановления определенной целостности своего собственного Эго¹⁴. Идентификация в эти моменты анализанда с предположительно более целостным Эго аналитика облегчает формирование соответствующей интегративной способности у пациента (см. также рассуждения Нунберга о синтетических функциях Эго).

Возрастающая идентификация с функциями аналитика позволяет пациенту принимать больше ответственности за происходящий аналитический процесс. Это повышает его уверенность, помогает ему освободиться от инфантильной зависимости, реактивированной в неврозе переноса, и постепенно обретать независимость. Впрочем, как мы уже видели выше, это отчасти идеально желаемое, но во многом утопическое представление об окончании анализа.

Под влиянием работ Стрэчи и Штербы, делающих акцент на разных технических аспектах в качестве центральных для аналитической работы, дальнейшее развитие психоаналитической техники происходит в двух конкурирующих направлениях. Одно направление, продолжающее в рамках эго-психологии традицию, заложенную Райхом, Штербой, Фенихелем

¹⁴ См. подробнее: Россохин А. В. Динамические аспекты аналитической позиции // Зигмунд Фрейд в контексте австрийской и русской культур. М., 2000.

и др., представляет собой последовательный и систематический анализ сопротивлений, в том числе и сопротивлений характера. Здесь особое внимание в анализе уделяется формальному материалу и интерпретациям трансферентных сопротивлений. При этом считается, что проработка последних полностью решает задачу анализа и проработки переноса.

Большой акцент на сопротивлении, чем на переносе в первом направлении, полностью инвертируется во втором направлении развития аналитической техники, поддерживаемом последователями Стрэчи в эго-психологии, кляйнианскими аналитиками и аналитиками из «средней группы». Здесь центральным инструментом анализа становится перенос, причем в кляйнианской школе он практически полностью вытесняет из теории и техники понятие сопротивления. При этом интерпретации переноса используются в анализе как можно раньше, проводятся последовательно и систематически, с упором на полное и быстрое развитие невроза переноса. Вместе с тем внутри этого второго направления развития психоанализа кляйнианская техника интерпретации переноса значительно отличается от эго-психологической. Кляйнианцы ориентированы на ранние и глубокие интерпретации переноса, включающие прямые ссылки на генетический материал, в то время как эго-аналитики прорабатывают перенос постепенно, в направлении от поверхности вглубь, фокусируя внимание на актуальных проблемах аналитических взаимоотношений.

Как мне представляется, современный этап развития аналитической техники во многом сформировался в результате взаимовлияния и взаимопроникновения этих двух направлений: отчетливо прослеживается движение от ригидного противостояния противоположных крайностей, антитезисов к их динамическому, интерактивному взаимодействию. В процессе взаимодействия теорий и техник различных школ психоанализа хотя и зачастую болезненно, но неуклонно происходит их взаимное сближение и поиск динамической «точки равновесия».

В настоящее время, по свидетельству Кернберга (*Kernberg, 1993*), существуют общие для различных школ («общая почва» – *Wallerstein, 1992*) тенденции в аналитической технике. Одна из них – более систематический анализ сопротивления характера и его отношения к переносу, возрастание внимания к переносу и его более ранняя интерпретация, более тщательный анализ ассоциаций анализанда и его невербального поведения от поверхности вглубь, избегая при этом ранних генетических интерпретаций. Повышенное внимание к анализу переноса сближает американскую эго-психологическую технику с методами британских школ – кляйнианской и «независимой». Яркое свидетельство этому – эго-психологические исследования Гилла (см. ниже). С другой стороны, в кляйнианской школе растет понимание опасности использования глубокого генетического материала на ранних стадиях интерпретации переноса. Обход сопротивлений характера и недооценка их действий часто приводит к интеллектуализации анализанда и росту его теоретической и технической осведомленности при отсутствии действительных структурных изменений в личности. Возрастание внимания в кляйнианской технике к анализу характера

(см. *Rosenfeld*, 1987; *Joseph*, 1989; *Segal*, 1992) в свою очередь приближает ее к методам эго-психологии.

Другая общая тенденция, тесно связанная с первой и противодействующая опасности интеллектуализированной реконструкции прошлого на основе сознательных воспоминаний анализанда, заключается в идее о необходимости тщательно анализировать бессознательные значения в ситуации «здесь и теперь», прежде чем связывать их с бессознательным прошлым и использовать для этого генетические интерпретации (*Kernberg*, 1993).

Предотвращению интеллектуализации пациента в эго-психологической технике служат динамический, структурный и экономический критерии выбора интерпретаций (*Fenichel*, 1941). Фенихель подчеркивает необходимость движения от «от поверхности вглубь», рекомендует интерпретировать «слои, доступные Эго в данный момент» и «искать место, где находятся аффекты». Эти аффекты сигнализируют о конфликте между производными влечений и защитами Эго и составляют аналитическую поверхность (*Levy et al.*, 1990), с которой начнется процесс интерпретаций.

В этом аспекте также видно сближение эго-психологической и кляйнианской техник. Характерное ранее для кляйнианской школы стремление к быстрой генетической реконструкции заменяется в современном мейнстриме кляйнианцев анализом бессознательных значений «здесь и теперь» на уровне текущих переживаний анализанда (см. ниже *Etchegoyen*, 1991), возрастанием внимания к проявлениям патологии характера в переносе и избеганием ранних, преждевременных генетических интерпретаций.

Сказанное выше не подразумевает пренебрежения бессознательным прошлым и детскими детерминантами переноса. Тем не менее, в отличие от классического представления о ситуации «здесь и теперь» как о проявлении бессознательного прошлого пациента, «переиздании старых конфликтов в новых условиях» (Фрейд), в постклассический период возрастает понимание текущей аналитической ситуации «здесь и теперь» как сознательного и бессознательного настоящего (*Sandler*, 1983), включающего в себя все аспекты взаимоотношений аналитик – пациент и качественно отличающегося от сознательного и бессознательного прошлого.

Современный акцент на «здесь и теперь» в аналитической технике связан с работами Гилла и Маслина (*Gill, Muslin*, 1976), Гилла (*Gill*, 1979; 1982), Гилла и Хоффмана (*Gill, Hoffman*, 1982), которые были восприняты как техническое новшество (*Stone*, 1981) и «получили первоначально неоднозначный прием, но оставили след не только в американской эго-психологии, но и в интерперсональном психоанализе и в теориях Томе и Кехеле» (*Kernberg*, 1993, p. 663). По мнению Стоуна, Гилл в своих работах, направленных на реабилитацию невроза переноса, возрождает акцент на здравые предписания классической техники.

Спустя 50 лет после работ Ференци и Ранка Гилл, сохраняя фокус внимания на текущих трансферентных переживаниях, предлагает во многом противоположный технический подход, ориентированный на «раннюю интерпретацию переноса». Как мы увидим ниже, подход Гилла,

так же как и другие современные инновации, представляет собой повторное, значительно переосмысленное и сбалансированное в отношении крайностей «открытие» прежних, подвергшихся вытеснению и отрицанию технических тенденций.

Оставаясь верным основным принципам эго-психологического направления психоанализа, Гилл вместе с тем становится одним из наиболее активных сторонников психологии двух и более персон (Балинт). Это сказывается и на разрабатываемых им принципах аналитической работы – они в значительной степени также являются постклассическими и модифицированными по сравнению с ортодоксальным «прародителем».

Гилл считает анализ переноса в ситуации «здесь и теперь» центральной технической задачей и главным фокусом аналитической работы. Его технические рекомендации основываются на представлении о переносе как основном средстве выражения сопротивления. Следуя, на мой взгляд, во многом за Райхом, Гилл утверждает, что анализ сопротивления – это в сущности анализ переноса и для его успешного осуществления необходимы два типа интерпретаций: «интерпретация сопротивления осознанию переноса» и «интерпретация сопротивления разрешению переноса» (Gill, 1979). Проработка «сопротивления осознанию переноса», с его точки зрения, является крайне важной и обычно пренебрегаемой частью аналитической работы, в особенности в начальной фазе аналитического процесса.

В это же время Стоун (1981), ссылаясь на Маслина и Гилла, утверждает, что «теперь мало кто твердо поддержал бы принцип, что перенос должен интерпретироваться только тогда, когда он начинает использоваться пациентом в целях сопротивления (Фрейд). Он фактически всегда сопротивление и в то же время движущая сила... Неуместная задержка хорошо обоснованной интерпретации переноса (независимо от состояния свободных ассоциаций анализанда) может серьезно препятствовать прогрессу в анализе и, кроме того, увеличить опасности отыгрывания или невротического ухода от анализа пациента» (Stone, 1981, p. 723).

В 1979 году, оставаясь верным своему классическому определению психоанализа, сформулированному 25 лет назад и подвергнутому впоследствии сильной критике, Гилл продолжает считать необходимым настолько полное развитие переноса, насколько это возможно в ситуации «здесь и теперь». Именно на достижение этой цели направлены интерпретации первого типа – интерпретации сопротивления осознанию переноса. В этом названии интерпретации обращает на себя внимание акцент на усиление наблюдающего Эго анализанда, которое, с точки зрения Гилла, должно активно участвовать в аналитической работе и помогать аналитику превратить перенос из пассивного навязчивого повторения в активный мощный инструмент личностного изменения анализанда. Эту проблему – проблему разрешения невроза переноса – Гилл предлагает решать, используя интерпретации второго типа – интерпретации сопротивления разрешению переноса. Наблюдающее Эго анализанда, не только не «растворившееся» в регрессивных переживаниях невроза переноса, но даже окрепшее в ходе проработки первого типа, будет способно

более эффективно подойти к разрешению трансферентных взаимоотношений «здесь и теперь».

Гилл уверен, что интерпретация переноса в ситуации «здесь и теперь» позволяет пациенту обрести новый опыт, который в сочетании с более глубоким пониманием становится критически важным для разрешения переноса (Levy, Inderbitzin, 1990). Соответственно, генетическим и экстратрансферентным интерпретациям в концепции Гилла придается второстепенная важность: «Я утверждаю, что основная масса психоаналитической работы должна производиться с переносом в ситуации "здесь и теперь"» (Gill, 1979, p. 286). Леви и др. отмечают, что Гилл, подобно Грэй (Gray, 1982), уверен, что смещение вовне и в прошлое является общим защитным средством, используемым как аналитиком, так и пациентом, чтобы избежать эмоционально напряженных трансферентных отношений в ситуации «здесь и теперь».

Отличие подхода Гилла, разработанного в рамках психологии двух и более персон (Балинт, 1950), от ортодоксальной теории техники наиболее отчетливо прослеживается в его убеждении, что аналитическая ситуация остается прежде всего межличностными отношениями, несмотря на попытки аналитика подвести свое поведение под определенные рамки. Гилл уверен, что все аналитики согласились бы, что перенос не может произойти без некоторой связи с межличностными отношениями в аналитической ситуации, но тем не менее необходимость использования этих объектных отношений в аналитической технике не является общепризнанной. Сказанное не означает, что Гилл, вслед за Гринсоном, считает необходимым поддерживать реальные взаимоотношения между аналитиком и пациентом. Он не рекомендует их поддерживать, но утверждает, что эти отношения, несмотря ни на что, существуют и должны учитываться в аналитической технике (Gill, 1982).

На мой взгляд, в предлагаемом Гиллом подходе нетрудно увидеть сбалансированное сочетание концепций аналитической работы Штербы и Стрэчи. Важность терапевтического расщепления и подключения к анализу сопротивления переносу наблюдающего Эго анализанда дополняется Гиллом приданием интерпретациям переноса статуса мутационных. Тем не менее ориентированные на разрешение многочисленных противоречий в различных психоаналитических подходах работы Гилла сами порождают новую волну критических замечаний. Убеждение Гилла в необходимости ранней интерпретации переноса подвергается сомнению сторонниками «генетически ориентированного» психоанализа, утверждающими, что подобная техника будет усиливать сопротивление пациента и, соответственно, замедлять развитие переноса. На мой взгляд, это действительно будет происходить, если слепо следовать инструкциям Гилла и форсировать анализ переноса в отсутствие понимания динамики развивающегося психоаналитического процесса. Кроме того, фокусирование Гиллом внимания на ситуации «здесь и теперь» может быть расценено как свидетельство относительной ненужности генетической реконструкции для достижения аналитических целей. Этот, конечно, неверный вывод из концепции Гилла может привести к техническому злоупотреблению

«настоящим» в ущерб «прошлому». Чрезмерно сконцентрированная на аналитических взаимоотношениях работа в этом случае рискует стать сопротивлением исследованию как прошлого, так и экстрааналитического настоящего, изолируя анализ и новый опыт, получаемый пациентом, от реальной жизни за стенами аналитического кабинета.

Стоун согласен с Гиллом в том, что роль реалий аналитической ситуации в анализе «здесь и теперь» чрезвычайно велика. Он начинает настаивать на усилении внимания к аналитическому настоящему несколько раньше Гилла (*Stone, 1967, 1973*). От того, получает ли пациент в аналитических отношениях беспристрастное, непредубежденное внимание к своему эмоциональному опыту как к чему-то реальному, отличающемуся от невротического или специфически трансферентного, зависит «эмоциональное здоровье аналитических отношений». Стоун утверждает: «С риском легкого – очень легкого! – преувеличения я должен сказать, что, исключая случаи патологической невротической покорности, я еще не видел анализанда, который искренне принимал бы значение своих невротических или мотивированных переносом отношений или поведения, если он чувствовал, что "его реальности" не отдавалось должного. Поэтому в современном анализе не только качество и тональность использования интерпретаций, но в конечном счете и искусность перехода от отношений переноса к фактам реальных отношений зависят от когнитивных и эмоциональных аспектов текущего реального опыта в большей степени, чем это кажется на первый взгляд» (*Stone, 1981, p. 730*).

Возвращаясь к проблеме разрешения невроза переноса, описанной выше, мы можем увидеть, что внутри эго-психологии многие аналитики, принимая в целом теорию объектных отношений и акцентируя внимание на важности анализа взаимоотношений аналитика и пациента в настоящем, продолжают настаивать на положении о решающей роли невроза переноса в аналитической терапии. Тем не менее расстановка акцентов по отношению к классической точке зрения существенно изменилась. Это видно и в концепции Гилла, и в исследованиях Стоуна. Стоун в полном согласии с классической точкой зрения считает, что первоначально интрапсихическая конфликтная ситуация, принадлежащая внутренней реальности анализанда, в аналитическом процессе воспроизводится в неврозе переноса. Но при этом он добавляет, что «с технической точки зрения аналитик должен помочь пациенту осознать искажения, которые он вносит в настоящее, и защитные способы и механизмы, которые поддерживают эти искажения, а не стремиться к полному и окончательному разрешению невроза переноса» (*Stone, 1981, p. 715*).

Фокусируя внимание на «реальности» анализанда во всем множестве отношений в настоящем, Стоун утверждает, что «здесь и теперь» – опыт отношений пациента с врачом, – это ключевая для психоанализа тема. В 1981 году он отмечает, что «в некотором смысле сегодняшний акцент на этой проблеме – историческая вершина длинного и постепенного, без колебаний развития в истории психоанализа» (*Stone, 1981, p. 729*).

Основной технической целью раннего этапа развития классического анализа считалась эффективная интеграция личного прошлого анализанда

в его психическую жизнь. Стоун полагает, что с точки зрения терапевтической эффективности этот подход себя не оправдал, особенно в серьезных случаях очень раннего патогенеза. В подобных случаях он рекомендует вести кропотливую аналитическую работу в «здесь и теперь», имея дело в большей степени с защитными механизмами Эго, чем с бессознательными фантазиями.

С этим мнением Стоуна согласны многие современные психоаналитики. Так, например, Кернберг считает, что «главная задача состоит в том, чтобы посредством интерпретации сделать бессознательное значение переноса "здесь и теперь" полностью осознанным. Это первый шаг на пути анализа отношений между бессознательным настоящим и бессознательным прошлым» (Кернберг, 1998, р. 133).

При этом Этчегоен (я думаю, с ним согласились бы и Стоун, и Кернберг) добавляет, что ранние конфликты, приводящие к психотическим расстройствам, также «могут анализироваться с применением классической техники, хотя это значительно труднее, чем в случае невротических нарушений, которые, кстати, никогда не бывают чистыми» (*Etchegoyen, 1982*).

Реконструкция прошлого опыта, по мнению Стоуна, хотя и сохранила важнейшее значение в аналитической теории и технике, перестала быть единственным и даже основным рабочим инструментом аналитика. Продолжая линию рассуждений Гилла, в соответствии с которыми проработке текущего конфликта в ситуации «здесь и теперь» должно уделяться приоритетное внимание по сравнению с работой по реконструкции прошлого, Стоун замечает: «Я думаю, что немногие усомнились бы в том, что непосредственный или близкий к ним опыт ("сегодня" или "вчера") привносит большую живость и чувство уверенности, чем изолированное воспоминание или реконструкция отдаленного прошлого. Таким образом, "здесь и теперь" в аналитической работе – непосредственный обмен мыслями и важные текущие эмоциональные переживания – может при благоприятных условиях внести в другие элементы процесса (например, в восстановление или реконструкцию прошлого) качество живости, которое может наполнить прошлое жизнью» (*Stone, 1981, р. 718*). Продолжая, Стоун полемически заостряет проблему определения роли «настоящего» и «прошлого» в аналитическом процессе: «Есть что-то привлекательное априори в идее о том, что личность должна противостоять своим основным конфликтам и решать их непосредственно в ситуации, в которой они возникают, независимо от их исторического фона. Это, конечно, верно в отношении реальных жизненных ситуаций пациента (или кого-нибудь другого). Возможным выводом из таких представлений может быть то, что преобладание обращений к прошлому, будь то воспоминание или реконструкция, по большей части будет находиться на службе у сопротивления, в смысле обесценивания настоящего и уклонения от его неизбежных требований» (р. 720). Стоун иллюстрирует эти рассуждения, используя в качестве примера-анalogии конфликтную ситуацию между Великобританией и Ирландией. Относительно превращения усилий по аналитической проработке прошлого в усиление сопротивления терапии он замечает, что это было бы подобно попытке решать текущие проблемы

в Ольстере путем детального анализа поступков Кромвеля, совершенных несколько столетий назад. «Допустим, что анализ поступков Кромвеля мог бы действительно осветить влияние исторического прошлого на некоторые текущие аспекты социально-политического конфликта. Однако существуют современные проблемы большой сложности и напряженности, по отношению к которым дискуссия о Кромвеле была бы только отвлечением внимания, если преувеличивать ее определенный, но очень ограниченный вклад, уступающий в важности запутанным социально-политико-экономическим столкновениям настоящего» (р. 721).

К этому я бы добавил, что приведенный Стоуном пример может продемонстрировать и другую крайность – чрезмерный акцент на текущих проблемах без учета их исторических корней аналогичным образом обречен на неудачу. Более того, это также было бы проявлением сопротивления действительной попытке разрешения конфликта.

В новейшей российской истории тоже есть хороший пример для лучшего понимания очень сложного и тонкого взаимодействия прошлого и настоящего, являющегося сущностью аналитического процесса. Разрешение конфликтных взаимоотношений между Россией и Чечней, богатых как своими генетическими корнями, так и текущими, чрезвычайно напряженными проблемами, возможно только при гибком учете обоим взаимодействующих друг с другом факторов – настоящего и прошлого. Насколько верно то, что недостаточный учет реальных проблем настоящего момента на фоне бесконечных рассуждений об исторических источниках конфликта может грозить катастрофой, настолько же верно и обратное.

В отношении обсуждаемой проблемы Крис отмечает, что «как заикливание пациента на прошлом, так и его устойчивая приверженность настоящему могут функционировать как сопротивление» (*Kris*, 1956, р. 56). Блум (*Blum*, 1980), в отличие от одностороннего подхода Райха (1933), настаивавшего на приоритете интерпретаций сопротивления переносу в сравнении с генетическими интерпретациями, считает необходимым достижение «синергетического взаимодействия» между анализом сопротивления и реконструкцией для восстановления непрерывности и целостности личности анализанда.

Основываясь на предположении, что перенос возникает как результат взаимодействия прошлого и настоящего, Этчегоен подчеркивает, что в техническом смысле ни интерпретация настоящего не может даваться без учета прошлого, ни реконструкция не может быть осуществлена без привлечения настоящего. «Очень важно не только объяснить, что случается в настоящем, чтобы прояснить прошлое, но и использовать воспоминание и память, чтобы пролить свет на перенос» (*Etchegoyen*, 1982, р. 68). Он ссылается на Рэкера (*Racker*, 1958), который обычно с юмором говорил, что есть аналитики, которые рассматривают перенос только как препятствие к раскрытию прошлого, в то время как другие используют прошлое как простой инструмент для анализа. В согласии с Этчегоеном Де Беа и Ромеро, отвечая на вопрос, что необходимо интерпретировать – прошлое или настоящее либо в какой-то мере одно и в какой-то мере другое,

следуют за Райхом, Стрэчи и др., утверждая, что необходимо интерпретировать перенос в ситуации «здесь и теперь», в точке взаимодействия прошлого и настоящего (*De Bea, Romero, 1986*). Они описывают моменты в аналитическом процессе, когда пациент находит убежище в прошлом, он вспоминает и вновь переживает его, используя как защиту против настоящего. Погружаясь в прошлое с целью избегания настоящего, пациент не обращает внимания на настоящее – отношения с аналитиком «здесь и теперь» – и вследствие этого теряет то, что в текущих переживаниях составляет новизну. «Прошлое затем захватывает настоящее и рискует быть переизданным посредством него. Анализанд будет затем стремиться использовать проективную идентификацию с целью вынудить аналитика принять проекцию его внутренних объектов и заставить аналитика попасть в паутину его экстернализованных психических конфликтов. Этими средствами он бессознательно пытается включить аналитика в свою защитную организацию, что в случае успеха, несомненно, приведет к усилению его психопатологии» (p. 315).

Так же как прошлое может служить средством для избегания настоящего, настоящее в свою очередь может составить защиту против прошлого. Текущие эмоции, переживания «здесь и теперь» могут приобрести такую степень интенсивности, которая не оставит пациенту никакой возможности вспоминания других, более ранних переживаний, без которых эффективный анализ «здесь и теперь» становится невозможен. Пациент при этом ощущает происходящее как нечто совершенно новое, никогда прежде им не испытанное. Думаю, что необходимо подчеркнуть, что это защитное восприятие не имеет никакого отношения к появляющемуся в ходе успешного анализа переноса переживанию пациентом ситуации «здесь и теперь» как нового и неожиданного взаимодействия с аналитиком – объектом, которого он никогда не знал ранее.

Стоун замечает, что, как и во многих других случаях, Фрейд был первым, кто заметил, что обращение к прошлому может быть использовано пациентом, чтобы уклониться от давления и непосредственных текущих проблем. Однако наибольшее значение текущему конфликту, с его точки зрения, придавала Хорни (*Horney, 1939*), утверждавшая, что акцент на воспоминаниях поддерживает сопротивление. Стоун в связи с работами Хорни отмечает, что некоторые технические рекомендации и нововведения, фокусирующие аналитическую работу на «здесь и теперь», «иногда, кажется, обесценивают операциональную важность генетического фактора», и полагает, «что это обесценивание не поддерживается клиническим опытом большинства из нас» (*Stone, 1981, p. 721*). И далее: «Сейчас важен тот факт, что, несмотря на этом сосредоточении на настоящем, непосредственном, значение прошлого никогда полностью не отбрасывалось и не аннулировалось, даже при том, что роль, которая ему придавалась, могла быть бледной или вторичной» (p. 722). Он утверждает, что проблема мобилизации раннего индивидуального опыта для эффективного изменения его влияния на настоящее – «это сама по себе большая техническая проблема, во многом опирающаяся – что кажется парадоксом – на умелое обращение со "здесь и теперь"» (p. 731).

Соглашаясь со Стоуном, Этчегоен, вслед за ним, Рэкером, Крисом и др., отстаивает технический подход, в равной мере учитывающий влияние на аналитический процесс обоих факторов – прошлого и настоящего. Такой анализ возможен с его точки зрения при применении мутационных интерпретаций переноса (*Strachey, 1934*), в которых настоящее и прошлое соединяются на некоторый момент времени, демонстрируя пациенту, что он ошибался, считая настоящее точным повторением прошлого. Мутационная интерпретация проливает свет на прошлое из настоящего и на настоящее из прошлого: интерпретация и реконструкция – взаимно дополняющие фазы одного процесса (*Etchegoyen, 1982*). Это же в менее категоричной форме утверждает и Гринакр: «Любая разъясняющая интерпретация обычно включает некоторую ссылку на реконструкцию» (1975, p. 703).

А. Жибо уточняет, что интерпретации «здесь и теперь», устанавливающие связь между настоящим и прошлым, организуют время и психическое пространство аналитической ситуации и обеспечивают тем самым условия для того, чтобы «перенос стал не только фактором повторения, но также фактором изменения» (*Gibeault, 1991*).

Этчегоен, привлекает внимание к тому, что не только прошлое проявляется в настоящем, искажая и трансформируя его, но и настоящее (в том числе и изменения, происходящие в анализе) воздействует на прошлое, значительно модифицируя его. Из этого кажущимся на первый взгляд тривиальным факта могут быть сделаны важнейшие технические выводы, один из них следующий: сообщения пациента о фактах прошлого, несмотря на его, возможно, полное убеждение в их подлинности и достоверности, должны рассматриваться аналитиком как покрывающие воспоминания. Необходимо не забывать при этом, «что психоаналитический метод показывает историческую истину (психическую действительность), а не физическую истину, которая недостижима в своей бесконечной изменчивости. Каждый из нас хранит комплексы воспоминаний и убеждений, которые, будучи пропущенными через многочисленные теории, регулируют наши отношения с миром. Цель анализа – не корректировать факты из прошлого, а вновь концептуализировать их» (*Etchegoyen, 1982, p. 71*).

Рой Шефер выражает эти же мысли другими словами: «Психоаналитик помогает своему пациенту развивать психоаналитическое жизнеописательное повествование. Каждое жизнеописательное повествование восстанавливается в соответствии с аналитическими целями, задачами и индивидуальными критериями уместности, пользы и безопасности. Аналитики с различными теоретическими подходами разрабатывают различные типы аналитических историй. Представители других дисциплин (социологии, биологии) разрабатывают неаналитические истории. Поскольку конструирование аналитического прошлого обязательно происходит в "здесь и теперь" аналитического диалога, оно остается интерпретационной и реинтерпретационной характеристикой этого "здесь и теперь" (*Schafer, 1982, p. 79*). По мнению Шефера, в идеале в каждом психоаналитическом процессе, вплоть до его завершения, аналитик должен, используя интерпретации, продолжать разрабатывать, казалось бы,

уже полученную в ходе проработки аналитическую историю жизни анализанда.

Шефер излагает собственный взгляд на проблему прошлого и настоящего в анализе. Прошлое и настоящее не могут быть рассмотрены как независимые переменные, и, соответственно, реконструкции инфантильного прошлого и трансферентного настоящего являются взаимозависимыми. Из этого следует, что аналитическая работа является скорее циклической, чем просто ретроспективно направленной.

Треурнит своими работами, как я полагаю, подтверждает выводы Шефера, подчеркивая «замечательный факт, что психическое настоящее может оказывать формирующий эффект на психическое прошлое» (*Treurniet, 1993, p. 885*). Психическое прошлое, по Треурниту, – это не «объективное» прошлое, а его активная в настоящий момент версия. Соответственно, психическое настоящее влияет на психическое, а не объективное «прошлое» и способно изменять его.

Относительно высказываний анализанда о настоящем Шефер заявляет, что они так же, как и рассказы о прошлом, представляют собой реконструкции. Соответственно, аналитик не должен рассматривать «здесь и теперь» как самоочевидную реальность, не зависящую от повествовательной стратегии рассказа о прошлом, которую использует пациент или которая разрабатывается в анализе. Факты «здесь и теперь», по мнению Шефера, существуют только в их версиях. Он обостряет проблему до предела: «Перенос в "здесь и теперь" – это реконструкция в этом же смысле... психоаналитическая версия фактов, которые были рассказаны и всегда могут быть рассказаны другим образом» (*Schafer, 1982, p. 79*). Соответственно, настоящее («здесь и теперь») аналитической ситуации является достижением анализа точно так же, как и аналитически восстановленное прошлое.

В отличие от кляйнианца Этчегоена, который считает, что эффективность анализа зависит от того, насколько успешно анализ переноса позволит пациенту разграничить прошлое и настоящее, различить объективное и субъективное, эго-психоаналитик Шефер утверждает, что работа аналитика, способная привести к такому различению, становится возможной только при условии достижения пациентом вневременной формы опыта, характерной для невроза переноса. Из предположения, с которым, по-видимому, согласился бы, и Этчегоен, что рассказанное настоящее происходит от рассказанного прошлого и наоборот, Шефер делает вывод, что в рабочих целях, чтобы развить невроз переноса по возможности полно, аналитик должен размышлять с вневременной точки зрения, без различения прошлого и настоящего. К выводу Фрейда, что необходимые эмоциональные аспекты инсайта и проработки могут быть развиты и интерпретированы только в трансферентном настоящем, Шефер добавляет, что «все больше и больше по мере того, как развивается невроз переноса, это настоящее ("здесь и теперь") становится конденсированной, согласованной и вневременной версией прошлого и настоящего» (*Schafer, 1982, p. 81*).

Основываясь на своей вневременной концепции психоаналитического процесса, Шефер предлагает, на мой взгляд, чрезвычайно интересный и актуальный вариант решения сложной и запутанной проблемы разрешения невроза переноса. То, что раньше рассматривалось как терапевтическая регрессия, он считает необходимым рассматривать как особый тип развития личности, характерный для аналитической работы. Шефер имеет в виду следующее: вневременная форма опыта и понимания, возникающая «здесь и теперь», не является продуктом регрессии, а представляет собой результат совместной работы аналитика и пациента в условиях контролируемой аналитической ситуации. Именно эта, возникающая в ходе успешного анализа, вневременная форма опыта и понимания и должна быть рассмотрена, с точки зрения Шефера, в качестве нового типа опыта, приводящего к развитию личности: начиная с этого момента «прошлое появляется как никогда прежде не переживавшееся, а настоящее становится тем, что никогда не могло бы быть испытано без этого анализа» (*Schafer, 1982, p. 82*).

Завершая рассмотрение сложных взаимоотношений между бессознательным настоящим и бессознательным прошлым в современной теории аналитической техники – проблемы, в отношении которой в настоящее время ведутся интенсивные, иногда переходящие в ожесточенные дискуссии между представителями различных психоаналитических направлений, – хочу заметить, что все технические подходы, вводящие инновации в аналитическую технику, в большей или в меньшей степени фокусирующие внимание на настоящем аналитической ситуации, – Ференци и Ранка, Райха, Стрэчи, Вайсса, Штербы, Гилла и др. – критикуются в психоаналитической литературе зачастую с позиции злоупотребления новыми техническими рекомендациями. Стоун отмечает этот момент, подчеркивая, что при использовании гипертрофированной технической стратегии, которая усердно разрабатывается аналитиком, имеется опасность стимулирования упрямого, хорошо рационализированного сопротивления (*Stone, 1981*). Такие негативные последствия неизбежны при механистичном применении любой техники и доведении ее до крайнего выражения (иногда вплоть до абсурда).

С другой стороны, по мнению Леви и Индербитцина (*Levy, Inderbitzin, 1990*), реакция психоаналитического сообщества на появление новой модификации классической техники, подчеркивающей основополагающую роль определенных аспектов аналитической процедуры, представляет собой интенсивную критику опасностей, порождаемых этим нововведением. Когда какому-то одному из аналитических инструментов – реконструкции, эмоциональному переживанию, анализу сопротивления, интерпретации переноса, фокусировке на «здесь и теперь», эмпатии, контрпереносу и др. – придавалось в новом техническом подходе наибольшее значение и отводилось центральное место, это вызывало резкую критику с противоположных технических позиций.

Я проиллюстрирую проблему технических инноваций на нескольких примерах. Критикуя раннюю стратегию проведения анализа, основанную на реконструкции прошлого пациента путем генетических

интерпретаций, – «интерпретационный фанатизм», – Ференци и Ранк предложили технику, в которой центральным моментом становится анти-тезис рациональной интерпретации – эмоциональное переживание. Под влиянием Ференци и Ранка усиленное внимание к эмоциональным переживаниям при переносе стало в одно время своего рода «модой», превращаясь практически в самоцель и затемняя истинные психоаналитические задачи. Эффективность терапии измерялась страстностью эмоциональных проявлений анализанда. Это в свою очередь привело к резкой критике их идей. Одновременно с модой на «драматизацию» развивалась мода на последовательный анализ сопротивлений, который должен осуществляться раньше, чем анализ содержания (*Reich, 1928*), а несколько позднее – мода на характероанализ (*Reich, 1933*). Еще один пример: «отец терапевтического союза» – Штерба – был подвергнут жесточайшей репрессивной критике, и только в последнее время его вклад в развитие психоанализа начал признаваться и отмечаться (*Friedman, 1992*)¹⁵.

Аналогично активный, форсированный анализ переноса в начальной фазе терапии, со ссылкой на технические рекомендации Гилла, иногда превращается в пародию, которая еще больше искажается чрезмерным операциональным акцентом на контрперенос (см. ниже) (*Stone, 1981*). Тем не менее, несмотря на опасности, связанные с возможными техническими злоупотреблениями, по мнению Стоуна, тенденция начинать анализ переноса в ситуации «здесь и теперь» как можно раньше (при обнаружении даже незначительных признаков скрытого переноса) должна расцениваться как важный составной компонент прогрессивно развивающегося психоаналитического метода.

Вместе с тем, как отмечает Стоун, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что существует также «ностальгическая контртенденция среди аналитиков, которые стремятся восстановить прежний акцент на центральную важность раннего исторического материала и предотвратить раннюю или "чрезмерную" интерпретацию переноса» (*Stone, 1981, p. 731*).

Процесс критического осмысления нововведений, основанный не на отрицании новых предложений с позиции злоупотреблений, а на понимании ограничений и опасностей, связанных с односторонне ориентированными подходами, представляется мне необходимым как для сохранения целостности психоанализа и его отличия от психотерапии, так и для его постепенной эволюции и углубления благодаря учету того ценного, что вносит каждая модификация, и вследствие динамического взаимодействия альтернативных, а зачастую и взаимодополняющих теоретических точек зрения и соответствующих им технических подходов.

Каждый из акцентов, возникающих в процессе эволюции аналитической техники, не исчезает полностью под давлением иногда принимавшей деструктивные формы волны критики, но возрождается в новых,

¹⁵ Фридман, пересмотрев в 1992 году свои ранние взгляды, честно и открыто заявляет: «К сожалению, эта важная для развития психоанализа работа Штербы подвергалась репрессивной критике, в которую я внес свой вклад» (*Friedman, 1992, p. 5*).

более сбалансированных в отношении крайностей технических подходов. Я уверен, что в настоящее время мы являемся свидетелями и участниками интенсивного поиска более благоприятного для творческого развития психоаналитического климата, не допускающего, с одной стороны, полного размывания границ психоанализа и потери психоаналитической идентичности и, с другой стороны, не препятствующего возникновению новых идей, концепций, технических инноваций.

Трансферентная игра одного, двух или многих участников (влияние личности аналитика и применяемой им техники на развитие и разрешение переноса)

Влияние личности аналитика и применяемой им техники на развитие и разрешение переноса – один из наиболее трудных и злободневных вопросов современного психоанализа, вместе с тем играющий важнейшую роль в развитии теории и техники психоанализа. Дискуссия 20-х годов между Ференци, Ранком, Райхом, Штербой и др., настаивающими с разных технических позиций на более активной личностной позиции аналитика, с одной стороны, и более ортодоксальными аналитиками, отстаивающими пассивную позицию, – с другой, воспроизводится новыми участниками дебатов на каждом этапе развития аналитической техники. В 50-е годы акцент на влиянии личности аналитика на развитие невроза переноса был связан с работами Александера, Френча, Вайсса и др. (см. выше), в 80-е – в связи с усилением фокуса внимания на бессознательном настоящем в работах Гилла, Стоуна, Сандлера и др. Вызывающая разногласия проблема с точки зрения сторонников пассивной позиции наиболее отчетливо сформулирована Гловером: «Можно спросить: разве активное вмешательство со стороны аналитика не сбивает картину переноса как спонтанного навязчивого повторения, в то время как признание пациентом трансферентного материала во многом смягчается пассивной ролью аналитика и его безличностью? Другими словами, когда образ отца оживлен фигурой, которая не дает советы, не убеждает, не обращает на путь истины и не командует, эту ситуацию легче распознать, нежели когда происходит фиксация в настоящем реальной ситуации, в которой аналитик на самом деле советует, убеждает, поучает или командует. С этой точки зрения возможность грубых ошибок присутствует даже в ортодоксальном анализе и повышает риск возникновения более сильных сопротивлений. Пока пациент находится в состоянии "трансферентного невроза", под влиянием аффективной реакции на аналитика, повторяющей инфантильную навязчивую идею, он «чувствителен» даже к обычному тривиальному поведению со стороны аналитика и реагирует на это сильным аффектом, то есть психически сверхчувствительной реакцией» (Glover, 1924, p. 280).

Как мы видим, аргументы Гловера, критикующие активную позицию аналитика, основаны на представлении о последней как об авторитарной и имеющей своим источником контртрансферентные проблемы. На мой взгляд, это не продуктивная критика, а взгляд с позиции возможного

злоупотребления. Подобная «активно воспитывающая» пациента позиция аналитика критиковалась, в частности, отстаивавшим активную технику В. Райхом (1933). Райх, например, настаивал на необходимости обучения будущих аналитиков навыкам «воспитания [пациента] для анализа с помощью анализа», чтобы не убеждать пациентов в том, что они могут довериться аналитику, а прорабатывать причины скрытого недоверия, настороженности и критичности.

Как я уже отмечал выше, основу классической аналитической техники, как эго-психологического, так и кляйнианского направлений, составляет ортодоксальная концепция невроза переноса, стержнем которой является представление о переносе как о феномене, причина возникновения которого в аналитической ситуации «здесь и теперь» заключается исключительно в интрапсихических конфликтах анализанда и патогенных объектных отношениях из его прошлого. В статье Рэнджелла (1954) используется метафора магнитного поля для наглядной демонстрации соответствующей классическому подходу позиции аналитика, который должен оставаться практически за пределами конфликтов анализанда, не слишком далеко и не слишком близко от них. Под этим понимается, что аналитик должен находиться несколько за границей переноса, что позволяет ему, не подвергаясь опасности быть вовлеченным в трансферентную игру пациента, проработать бессознательные конфликты последнего путем анализа и интерпретации переноса.

Другими словами, пользуясь терминологией, введенной в психоанализ Балинтом (1950), вслед за Джоном Рикманом, традиционное представление о переносе – это понимание его с позиции психологии одной личности. Первая критика подобного представления о переносе началась внутри самой эго-психологии. Как мы уже отмечали выше, в конце 40-х годов исследователи (в первую очередь Александер, Френч, Вайсс и др.), настаивавшие не только на рассмотрении возможного влияния аналитика на развитие невроза переноса, но и на необходимости активного осуществления такого влияния в целях терапии, подверглись резкой критике. В отношении их взглядов преимущественно выражается сожаление, а результаты их работ рассматриваются как артефакты (Orr, 1954). Макалпин (1950), несмотря на это, считает, что перенос в аналитической ситуации не возникает совершенно естественно, спонтанно и независимо от влияния личности аналитика. Она настаивает на том, что характер и особенности развития невроза переноса определяются поведением аналитика и его техникой.

Райх (1933), несмотря на отчетливые акценты на важности анализа «здесь и теперь» и роли аналитика в развитии переноса, не идет дальше традиционного понимания невроза переноса. В отличие от него, Ференци позднее во многом пересматривает свои ранние взгляды и закладывает основы для того нового понимания психоаналитических феноменов с перспективы объектных отношений, которое так блестяще формулирует его ученик Балинт (1950). С начала 50-х годов аналитики независимого и интерперсонального направлений активно критикуют классическое понимание переноса и разрабатывают новую концепцию переноса

с позиции психологии двух и более персон, в полной мере учитывающую роль и влияние аналитика на развитие психоаналитического процесса.

Изменения происходят и в эго-психологической школе. Выше уже отмечалось, что Лёвальд (1960) одним из первых эго-психологов вводит в аналитическую технику фактор отношений аналитик – пациент и дополняет тем самым классическое определение Гилла (1954) о разрешении невроза переноса исключительно средствами интерпретации. Позднее Гилл (1982), частично пересматривая и расширяя собственные ранние взгляды, разрабатывает технический подход к проработке невроза переноса с позиций психологии двух персон Балинта. Согласно Лёвальду, Гиллу и др., роль и влияние аналитика обуславливаются не только интерпретациями, которые он дает, но также тем новым опытом взаимоотношений, который позволяет компенсировать нарушения и задержки развития и облегчает возобновление развития анализанда, способное приводить к структурным изменениям личности. Современные исследования Томэ и Кэхеле (1996) также направлены на разработку проблемы влияния аналитика и применяемой им техники на развитие психоаналитического процесса.

Кернберг, обосновывая свою собственную позицию в отношении проблемы влияния личности аналитика на перенос, утверждает, что «изучение личности аналитика становится важным только потому, что она служит в качестве места крепления якоря для переноса, что требует постоянного изучения аналитиком своего собственного поведения и реакций контрпереноса» (*Kernberg, 1993, p. 667*).

Аналитик, используя различные манипулятивные процедуры, в том числе контролируя и изменяя степень своего влияния, может стремиться к искусственному обеспечению анализанда «корректирующим эмоциональным опытом», следуя, например, Александеру, Френчу, Эдуардо Вайссу и др. Выступая против подобного манипулятивного использования влияния конкретной личности аналитика на развитие переноса, Кернберг в полном согласии с Лёвальдом замечает, что «сущностью анализа является обеспечение пациента истинным, подлинным отношением, в котором проявляются личности обоих участников и в котором, несомненно, происходит анализ переноса и контрпереноса» (*Kernberg, 1993, p. 663*).

Обращаясь к исследованиям представителей интерперсонального направления психоанализа, в частности к работам Гринберга (*Greenberg, 1991*) и Митчелла (*Mitchell, 1988*), он замечает, что разрабатываемый этими аналитиками подход основан на практически полной взаимозависимости двух психоаналитических феноменов – переноса и контрпереноса, что приводит к техническим рекомендациям в равной мере фокусировать внимание как на анализе переноса, так и на анализе контрпереноса. В работах Гринберга и Митчелла предполагается, что личность аналитика неизбежно влияет на перенос и для того, чтобы это влияние было продуктивным, то есть способствующим восприятию пациентом аналитика как «безопасного» объекта, аналитику нужно динамически корректировать свое поведение, стремясь быть равноудаленным от опасности стать «небезопасным» (в смысле авторитарным) и от опасности подыгрывания переносу. Кернберг вслед за Этчегоеном (1991) критикует такое, с его

точки зрения, чрезмерное внимание к влиянию личности аналитика в интерперсональном методе, способное приводить к манипулятивной адаптации аналитиком переноса анализанда. По моему мнению, эта критика Кернберга направлена также на исследования Джозефа Вайсса¹⁶ (Вайсс, 1998; *Weiss, Sampson*, 1986) и на разрабатываемые ими технические методики.

Задавая себе вопрос, может ли перенос быть реальным и ярким повторением прошлого в «здесь и теперь» без участия и вовлечения аналитика, Уайт отвечает на него, вслед за Джекобсом (*Jacobs*, 1991) описывая перенос как переживания в аналитической ситуации «здесь и теперь», которые пациент разворачивает в виде представления (игры), где аналитику отводится конкретная и важная роль. «Участие анализанда в представлении состоит из бессознательных трансферентных реакций, сознательных аспектов терапевтического союза и реальных взаимоотношений с аналитиком. Реальные отношения включают реакцию на личность и стиль аналитика и на контрперенос аналитика. Бессознательный перенос пациента формирует первичную динамику в содержании большинства представлений» (*White*, 1992, p. 340).

Пациент или пассивно ожидает, что аналитик присоединится к игре, или активно провоцирует его занять соответствующую ролевую позицию. Эффективная аналитическая позиция при этом не заключается в выборе между двумя крайними альтернативами: участие или неучастие в разыгрываемом пациентом представлении. В техническом смысле более значим ответ на вопрос: как аналитик участвует в представлении?

С этих же технических позиций рассуждает Бирд, в согласии с Винникоттом утверждающий, что «пациент должен иметь возможность включить аналитика в свой невроз, чтобы разделить его с аналитиком» (*Bird*, 1972, p. 279). Треурнит (1993) акцентирует внимание на очень важном моменте, добавляя, что в определенной фазе развития аналитического процесса наступает «момент истины, когда пациенту необходимо чувствовать, что он может пробудить подлинные эмоции в аналитике... Сознательно или бессознательно пациент наблюдает, как его аналитик справляется с этими трудными периодами: примет ли и как он примет проекции своего пациента, "переживет" ли и как "переживет" агрессию и всемогущество своего пациента» (p. 879). От этого, с его точки зрения, зависит или возможность продуктивного использования (в духе Винникотта) пациентом своего аналитика как объекта, или возрастание у анализанда тревожности и бегство в «карающую самокритику» или патологическую уверенность (*Adler*, 1989). Ссылаясь на исследование Вайсса и Сэмпсона (*Weiss, Sampson*, 1986), Треурнит, в противоположность взглядам Кернберга, утверждает, что аналитик становится для анализанда новым терапевтически эффективным объектом только тогда, когда успешно проходит испытание, которое ему устраивает пациент.

¹⁶ Не путать с Эдуардо Вайссом!

Уайт описывает вступление пациента в трансферентную игру как результат традиционного анализа и проработки сопротивления переносу. Вслед за Гиллом он понимает анализ сопротивления разрешению переноса как взаимные усилия пациента и аналитика по проработке трансферентной игры, в результате чего становится возможным прекращение навязчивого повторения переноса и открытие новых межличностных взаимоотношений. Техническую проблему представляет собой формирование у анализанда способности прорабатывать трансферентную игру. Как отмечает Уайт, цель сопротивления в этой точке психоаналитического процесса – поддержать повторение и представление: пациент находится под влиянием невроза переноса и еще должен понять, что это искажение, которое требует проработки. Основываясь на понятии игры, Уайт, не ссылаясь, однако, ни на Штербу, ни на Гилла, предлагает метафорический выход из этой дилеммы: «Пациент как главный герой и режиссер одновременно назначает роль аналитику и ожидает соответствующей реакции. Когда аналитик реагирует иначе, чем ожидалось, пациент удивляется. Удивление часто является тем самым фактором, который запускает процесс вытягивания пациента из его роли. Способность аналитика выйти из игры помогает привлечь внимание пациента к различным исполняемым ролям, постепенно обучая его таким образом развивать аналогичную способность (разделение между наблюдением и переживанием)» (White, 1992, p. 437).

Исследуя сложную динамику взаимоотношений в диаде аналитик – анализанд, Лёвальд (1986) усиливает свои прежние формулировки, утверждая, что возникающий «здесь и теперь» опыт бессознательного взаимодействия между пациентом и аналитиком (перенос – контрперенос) является необходимым условием для более глубокого понимания бессознательных конфликтов анализанда. Он отмечает, что как аналитик, так и анализанд осуществляют не только переносы друг на друга, но также и контрпереносы – реакции на перенос другого участника аналитической диады. Стараясь осуществить перенос, пациент вызывает в аналитике эмоциональную реакцию, а не продуманный аналитический ответ (McLaughlin, 1991; Chused, 1991). Маклафлин (1981) и Лёвальд (1986) утверждают, что эмоциональные реакции аналитика (или их отсутствие), которые обычно называются контрпереносом, в действительности состоят из смеси переноса аналитика на пациента и его контрреакции на перенос пациента (эмпатического ответа на давление переноса анализанда).

Подтверждая взгляды Маклафлина и Лёвальда, Треурнит (1993), ссылаясь на Райкрофта и Байона, замечает, что проблема взаимоотношений в аналитической диаде – это в первую очередь проблема аффектов, которые представляют собой одну из немногих вещей, на которую аналитики могут позволить себе роскошь взглянуть как на факт. Согласно Райкрофту, аффекты наряду со свойством быть видимыми и наблюдаемыми фактами обладают способностью вызывать у наблюдателей аффективный отклик. Плач ребенка является верным признаком того, что он испытывает определенный дискомфорт, и вместе с тем он порождает соответствующие эмоциональные реакции у матери. Райкрофт убежден, что во многом

в результате эмоционального взаимодействия возникает (или не возникает) чувство контакта между аналитиком и пациентом (*Rycroft, 1958*).

Завершить краткое рассмотрение различных точек зрения на проблему «участия» личности аналитика в аналитическом процессе, на мой взгляд, в настоящее время можно, не столько ответив на возникающие вопросы, сколько поставив новые. Я процитирую в связи с этим Треурнита, который остроумно утверждает, что, несмотря на то что влияние личности аналитика на отношения «здесь и теперь» в анализе было далеко не сразу осознано в теории и технике, отрицать его «намного более вредно, чем допускать тот факт, что аналитик втягивается в мир внутренних объектов своего пациента аффективным лассо и что он должен что-то делать с этим миром, затрагивая как психическое равновесие пациента, так и свое собственное, если он хочет добиться хоть какого-то терапевтического эффекта».

Перенос-контрперенос: интерактивный инструмент современной психоаналитической техники

Начало описанному выше отношению к контрпереносу было положено работами аналитиков кляйнианского (*Heimann, 1950; Little, 1951; Racker, 1953, 1957* и др.), британского независимого (*Winnicott, 1949* и др.) и интерперсонального направлений. В дискуссию с ними вступили представители эго-психологической школы (*Reich, 1951; Fliess, 1953*, и др.).

Негативное отношение к контрпереносу в классическом анализе, иногда переходящее даже в фобическую установку, в новой концепции контрпереноса, возникшей в начале 50-х годов, трансформировалось сначала в свою полную противоположность. Наиболее ясно это сформулировала Хайманн: «Эмоциональная реакция аналитика на пациента в аналитической ситуации является одним из наиболее важных инструментов в его работе. Контрперенос аналитика – это инструмент исследования бессознательного у пациента» (*Heimann, 1950*).

Еще больше обостряя формулировку Хайманн, обосновывающую техническое использование контрпереноса, Лёвальд (*Loewald, 1986*) утверждает, что «способность к контрпереносу является мерой умения аналитика анализировать. Контрперенос в этом общем значении является техническим условием для отзывчивости аналитика к любви или ненависти пациента по отношению к аналитику» (р. 286). Продолжая техническую традицию, связанную с Т. Райком, Лёвальд указывает, что любая эффективная интерпретация является следствием «истинного психоаналитического понимания», которое может возникнуть только при условии «резонанса между бессознательным анализанда и бессознательным аналитика» (р. 283). Треурнит (1993) добавляет, что явная или скрытая эмоциональная коммуникация, которую пациент пытается установить с аналитиком, в техническом смысле является эквивалентом свободной ассоциации и, следовательно, столь же эффективным материалом для аналитической работы.

Молчаливое участие аналитика в разворачиваемом представлении (в переносе анализанда), согласно Чусед (*Chused, 1991*), дает ему возможность отрефлексировать свои собственные эмоциональные реакции, мысли, фантазии, воспоминания, сравнивая их с характерными для него, привычными и обыденными реакциями. Это позволяет аналитику отделить перенос на пациента от своих реакций на его перенос (реакций на провоцирование пациентом у аналитика того или иного «ролевого» отклика или на пассивное ожидание того, что аналитик примет отведенную ему роль в трансферентном представлении). Сознательное переживание реакций на перенос позволяет аналитику лучше прочувствовать внутренние конфликты анализанда и патологичность создаваемых им объектных отношений. Внутренний анализ и проработка этих реакций (самоанализ) делают возможными более глубокое понимание анализанда и путей помощи ему, что в конечном счете помогает выбрать нужную стратегию аналитической работы и скорректировать технику ее проведения (*White, 1992*).

Эренберг (*Ehrenberg, 1984, 1992*) также настаивает на активной работе с эмоциональными аспектами опыта «здесь и теперь» как пациента, так и аналитика. Одна из важнейших стратегий аналитической работы, согласно Эренбергу, состоит в постоянной рефлексии аналитиком собственного эмоционального состояния, индуцированного пациентом, анализе этого состояния и – при достижении понимания его причин – предъявлении пациенту напрямую без метапсихологической путаницы и дистанцирования эмоционально сбалансированных интерпретаций в «здесь и теперь». Эренберг полагает, что иногда аналитик должен быть способен некоторое время работать, находясь под влиянием осознаваемого им контрпереноса. Это необходимо, чтобы лучше понять скрытый эмоциональный материал бессознательного настоящего. «Даже если мы сами не знаем, почему мы реагируем данным образом, мы можем все еще использовать нашу реакцию как подсказку к тому факту, что нечто во взаимодействии [аналитика и пациента] должно быть разъяснено и проинтерпретировано» (*Ehrenberg, 1992, p. 36*). Аналитик, согласно Эренбергу, должен идти на риск, адресуя пациенту свои эмоциональные ответы – это предохраняет аналитическую работу от опасности интеллектуализации и способствует достижению аналитического инсайта. Аналитик при этом должен быть предельно внимателен к возможным проявлениям сопротивления контрпереносу (*Ehrenberg, 1985, 1992; Pantone, 1994*).

Анализируя динамику процесса переноса-контрпереноса в «здесь и теперь» (бессознательном настоящем), Пантон (1994) обращается к работам Кристофера Болласа (*Bollas, 1987, 1989, 1992*), в которых, с его точки зрения, фокус внимания направлен на исследование эмоционального взаимодействия аналитика и анализанда. Боллас, полностью соглашаясь с Эренбергом, утверждает, что понимание аналитиком анализанда и отношений, которые складываются между ними в аналитической ситуации, во многом зависит от осознания и понимания аналитиком собственных эмоциональных состояний. Подчеркивая важность рефлексии и самоанализа,

Боллас предлагает аналитику думать о себе как о другом пациенте, также находящемся в аналитическом кабинете.

Это предложение Болласа, с моей точки зрения, уходит корнями в концепцию терапевтического расщепления Штербы, но использованную применительно не к пациенту, а к аналитику (выше я назвал этот процесс «аналитическим расщеплением» Эго психоаналитика).

Описания Болласом позиции аналитика в терапевтической диаде являются аналогичными, по его собственному мнению, концепции Винникотта, в которой пациенту позволяется использовать аналитика так, как он считает нужным: «Для меня это означает взаимодействовать с пациентом с позиции, в которой невроз переноса (или психоз) направляет меня» (*Winnicott, 1962, p. 166*).

К позициям Эренберга и Болласа Пантон добавляет мнение, что взаимодействие аналитика и пациента теряет важнейшую составляющую, если пациент не получает от аналитика определенную версию его мыслей и чувств в различных ключевых точках психоаналитического процесса. Он утверждает, что «пациент и аналитик непрерывно находятся в эмоциональном отношении, в котором они оба активно участвуют на бессознательном уровне, несмотря на любое решение со стороны каждого участника быть неэмоциональным, и что открытие этой эмоциональной связи и ее проработка, независимо от того, какие разногласия [между психоаналитиками] это вызывает, является важнейшим аспектом того, что есть терапевтического в психотерапии, которая базируется на психологии двух персон» (*Pantone, 1994, p. 609*).

Вместе с тем Уайт в очередной раз предостерегает, что технический подход, постулирующий полезность и желательность личностного отношения аналитика к пациенту, следует не смешивать с остающейся чрезвычайно актуальной классической позицией – любое вторжение контрпереноса аналитика (контрпереноса как переноса на анализанда), хотя и являющееся с современной точки зрения спонтанным и неизбежным, необходимо индивидуально прорабатывать и его влияние на анализ должно быть по возможности устранено. Уайт описывает целый диапазон контртрансферентных ответов аналитика – от незначительных оплошностей в технике до более организованного и устойчивого участия в переносе анализанда, иногда приобретающего черты бессознательного сговора между аналитиком и пациентом. Он же тем не менее подчеркивает, что независимо от того, было ли участие контрпереноса аналитика в «трансферентной игре» скрытым или явным, решающим с точки зрения эффективности анализа фактором является «способность аналитика выйти за пределы представления, сформировать свое понимание взаимного опыта и передать это понимание пациенту с помощью интерпретации» (*White, 1992, p. 345*). Осознание собственного участия в представлении помогает аналитику более отчетливо понять перенос анализанда. Это различие между бессознательным отреагированием и рефлексией и делает возможной интерпретацию сопротивления разрешению переноса в «здесь и теперь».

Таким образом, мерой аналитического умения становится не только способность входить в резонанс с бессознательным анализанда

(Loewald, 1986), но, что не менее важно, способность или параллельно осмысливать происходящее, сохраняя активное «рабочее Эго» (Fliess, 1942), или умение вовремя выйти из игры, восстанавливая его активность.

Я надеюсь, что мне удалось показать, что прошло достаточно времени, чтобы эйфория от освобождения от тирании фрейдовского понимания контрпереноса сменилась на спокойное понимание и учет как новых открывшихся перспектив, так и ценности и значимости, казалось бы, уже изживших себя классических принципов. Аналогичный процесс происходил и в отношении всех других основных психоаналитических инструментов: переноса, сопротивления, аналитической позиции, принципа нейтралитета и др.

Возвращаясь к контрпереносу, хочу заметить, что в современной технике фокус внимания аналитика должен быть в равной степени направлен на осознание своих эмоциональных реакций как возможных проявлений собственных бессознательных конфликтов (контрпереноса как переноса на анализанда) и на анализ контрпереноса (в смысле реакций аналитика на перенос пациента) как важнейшего инструмента для исследования переноса, «бессознательного настоящего» и взаимоотношений аналитика и пациента.

Относительно отношения к контрпереносу различных современных аналитических школ Кернберг отмечает, что «значительные разногласия между ними остаются в вопросе о том, с чем из пары перенос – контрперенос сильнее связан анализ: интерперсональный психоанализ уделяет почти симметричное внимание переносу и контрпереносу. Эта тенденция менее распространена среди группы независимых и еще меньше среди эго-психологов и кляйнианцев. Я думаю, достаточно сказать, что все аналитики используют исследование своих собственных аффективных реакций на пациента и делают это более последовательно и более свободно, чем ранние клиницисты. Есть также общая тенденция среди аналитиков использовать результаты анализа контрпереноса в формулировке интерпретаций переноса... Это подразумевает постепенное принятие, с определенными допущениями и в определенных границах, понятия проективной идентификации как важного средства защитной и бессознательной коммуникации в переносе» (Kernberg, 1993, p. 663).

Разногласия сохраняются и в отношении роли эмпатии в анализе, хотя в подавляющем большинстве психоаналитических публикаций ей дается высокая положительная оценка. Кернберг отмечает, что во всех психоаналитических техниках, относящихся к различным современным школам психоанализа, эмпатия считается необходимым условием для анализа контрпереноса и его использования в интерпретациях переноса. Значительную роль в этом сыграла фундаментальная работа Кохута «Интроекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией». Хайманн в 1968 году обнаруживает «только один голос против эмпатии» – исследование Вельдера (Waelder, 1962). Определяя эмпатию как способность обостренно, во многом интуитивно чувствовать то, что происходит с другим человеком, Вельдер считает ее видом непосредственного проникновения

в бессознательное. Именно это свойство эмпатии – проникновение в глубь психики, обходя защиты, – Вельдер называет технически опасным. По его мнению, использование эмпатии может дать быстрый, но временный результат и поэтому она более полезна для психотерапевтов, ориентированных на проведение краткосрочной терапии, чем для психоаналитиков. Хайманн, в целом соглашаясь с предостережением Вельдера о том, как легко быстрые интуитивные восприятия аналитика могут привести к мучительным для анализанда интерпретациям, добавляет, что «эмпатия и интуиция принесут пользу для анализанда только в том случае, если эти качества проверяются аналитиком с особенно высокой степенью самокритики» (Heimann, 1968, p. 531). Эмпатия, по Хайманн, как и лежащая в ее основе идентификация («пробная идентификация» – *Fliess*, 1942), не ведет автоматически к пониманию пациента, если сразу не объединяется со многими другими психическими процессами. «Если я становлюсь подобной моему пациенту, тогда в комнате будут находиться два одинаковых человека» (Heimann, 1968, p. 536).

Когда я размышлял об «аналитическом расщеплении» Эго психоаналитика, мне пришли в голову ассоциации с «фигурой и фоном». В случае, описанном Хайманн как «два человека в одном кабинете», эмпатически сопереживающее (регрессирующее вместе с пациентом) Эго аналитика становится фигурой, в то время как его аналитическое Эго относится к фону. Такая ситуация, если она частичная и временная (ср. «пробная идентификация»), несомненно, является важным моментом в аналитическом процессе. Опасность представляют случаи, когда выбор фигуры и фона, их разделение становится бессознательным и ригидным. Тогда в описанной ситуации «двух пациентов» теряется тот, за чьей помощью пришел пациент, – тот, кто должен ее оказать. Противоположная ситуация – когда в фокусе внутреннего внимания аналитика оказывается его аналитическое Эго, а эмпатическое Эго сливается с фоном. Если и в этой ситуации выбор фигуры и фона будет бессознательным и ригидным, это в свою очередь может стать защитой аналитика от эмоциональных откликов, на которые его побуждает пациент (сопротивление аналитика развитию и осознанию контрпереноса, который вызывается проективной идентификацией анализанда), средством избегания сопереживания страданиям и боли пациента. Лишая себя тем самым возможности более глубокого понимания состояния анализанда, разыгрываемой им роли и его патологических объектных отношений, аналитик, рационально (слепо) следуя духу и букве психоаналитических принципов, рискует или превратить терапию в высокоинтеллектуализированную процедуру, или усилить авторитарную атмосферу анализа и тем самым неосознанно навязывать пациенту свою точку зрения, или попасть в ситуацию бессознательного сговора, включаясь в «ответную роль» (Сэндлер).

Я убежден, что этих опасностей (полного растворения аналитика в пациенте и полного растворения пациента в аналитике) можно избежать

только на пути сознательного интерактивного¹⁷ взаимодействия между эмпатическим и аналитическим Эго аналитика, когда каждое из них поочередно выходит на передний план рефлексии, не подавляя и не затеняя при этом партнера по внутреннему диалогу. Аналитик должен быть способен осознанно и умело владеть фокусом своей рефлексии: чем более мягко, ненавязчиво и гибко будет меняться фокус, тем более адекватными будут «фотографии».

Я полагаю, что с постклассической концепцией контрпереноса произошло то же, что и с классической концепцией переноса, в соответствии с которой сначала считалось, что перенос – это все, что чувствует пациент к своему аналитику, но сейчас стало ясно, что определенная часть переживаний анализанда в «здесь и теперь» имеет нетрансферентный характер. Постклассическое развитие концепции контрпереноса, как ни странно, началось с позиции, подобной начальным взглядам на перенос: начиная с Паулы Хайманн существует тенденция рассматривать в качестве контрпереноса все чувства, испытываемые аналитиком в отношении своего пациента¹⁸. Аналогично судьбе классического понимания переноса в аналитической теории и технике постклассическая концепция контрпереноса испытывает в настоящее время соответствующую эволюцию и изменения. Так, например, Кохон утверждает, что концепции проективной идентификации, на основе которой и появилось новое понимание контрпереноса, уделяется чрезмерное внимание, что приводит к некоторому злоупотреблению. Технические инновации, рекомендуемые основывать все интерпретации на контртрансферентных чувствах аналитика, расцениваемых только как результат действия проективной идентификации, фактически игнорируют свободные ассоциации пациента. Анализ при этом основывается больше на материале аналитика, чем на материале, предъявляемом пациентом. «Теория контрпереноса начинает использоваться как защита против воздействия реальности аналитических отношений – защита, которая принадлежит аналитику, а не пациенту» (Kohon, 1986, p. 56).

Как и всегда, опасность применения такого технического подхода может возникнуть при одностороннем усилении крайней позиции – преувеличении важности контрпереноса как всемогущего аналитического инструмента и, соответственно, роли аналитика как богоподобного, всеведущего существа, способного полностью понимать не только себя, но посредством себя и анализанда.

Наиболее последовательным и аргументированным критиком различных опасностей и злоупотреблений, связанных с таким типом аналитической работы, является Грэй (Gray, 1987, 1990). Он обращает внимание

¹⁷ См. Россохин А. В. Интерактивный подход к исследованию измененных состояний сознания // Психология сознательного и бессознательного. М., 1997; Россохин А. В. Интерактивный диалог в измененных состояниях сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 1997.

¹⁸ Эта крайняя позиция являлась, по-видимому, реакцией на другую крайность – фрейдовскую концепцию контрпереноса.

на то, что использование аналитиком осознания контрпереноса с целью интуитивно нащупать бессознательные мотивации пациента часто превращается в «интерпретацию-внушение», направленную на психический материал, представленный в переносе. Эта интерпретация, по Грэю, имеет отношение к внушению, так как она обходит защиты, выстроенные Эго. Такая аналитическая работа, как правило, пренебрегает анализом и интерпретацией сопротивлений анализанда, проникая в глубь материала без его последовательной проработки. Грэй считает, что возможность такого проникновения в пациента, посредством обхода его защит, создает для аналитика постоянное искушение – бессознательное желание активизации контрпереноса, связанного с ощущениями власти и всемогущества, которое может доставлять большое удовольствие аналитику. Грэй утверждает, что такая работа, использующая контрперенос для проникновения сквозь защиты и сопротивления анализанда, может быть эффективной для усиления невроза переноса и трансферентной игры, но при этом может привести к значительному ослаблению наблюдающего Эго, формированию определенной пассивности Эго, усилению зависимости от переноса и, соответственно, от аналитика, который будет представляться всеведущим и всемогущим. Говорить о каких-либо структурных изменениях в личности пациента в такой ситуации не приходится (Gray, 1987; 1990; White, 1992).

В техническом подходе, разрабатываемом самим Грэем, наиболее отчетливо прослеживается эволюция классической концепции сопротивления. Под возрастающим влиянием психологии двух персон классическая концепция сопротивления, основанная на психологии одной персоны, подвергается в последнее время значительному изменению подобно концепциям переноса и контрпереноса. Треурнит (1993) отмечает, что «усиление акцента на аспекте отношений (и, следовательно, взаимодействий) в аналитической ситуации привело к тому, что первоначально чисто интрапсихическое содержание термина "сопротивление" было расширено и обогащено. Сейчас сопротивление уже не рассматривается просто как путь, которым интрапсихический конфликт проявляется в конкретной аналитической ситуации» (p. 887).

Технические принципы аналитической работы Грэя основываются на фокусировке внимания в большей мере «внутри», чем «снаружи» аналитической ситуации. Этим фокусом его внимания в «здесь и теперь» являются самые «поверхностные манифестации сопротивления» анализанда (Gray, 1990). При этом особое внимание Грэй уделяет усилению наблюдающего Эго анализанда. Оригинальность подхода Грэя заключается в технических приемах, с помощью которых он решает достаточно традиционные задачи. Он выбирает «те элементы в материале, которые могут успешно иллюстрировать пациенту, что когда в процессе аналитического диалога возникает тема, отражающая внутренний конфликт, то это заставляет его невольно и неосознанно реагировать защитным способом» (Gray, 1986, p. 253). Материал, который будет прорабатываться, выбирается Грэем по критерию возможности его использования для «эффективной иллюстрации» наблюдающему Эго пациента. Конечный результат

этого небольшого фрагмента аналитической работы, согласно Грэйю, должен состоять в том, что пациент сможет наблюдать и понимать нечто новое, переданное ему только что аналитиком, не прибегая к дополнительным защитным мерам. Грэй верит, что подобные инсайты, накапливаемые в процессе анализа, и рост понимания вследствие интерпретации характерных защитных стереотипов усиливают личность анализанда и ведут к постепенно возрастающему осознанию им инфантильной продукции.

Как и в случае других технических подходов, ригидное следование аналитической стратегии Грэйя создает опасность злоупотребления его техническими рекомендациями. Леви и Индербитцин в связи с этим замечают: «Фокус на "внутреннем", дающий возможность иллюстрации пациенту защитной работы Эго в действии, может вести к интеллектуализации, ограничению, поучительности аналитической атмосферы, когда "учитель-аналитик" показывает "ученику-клиенту", как работает его психика» (Levy, Inderbitzin, 1990, p. 387).

Ложная дихотомия аналитической позиции «фрустрация или эмпатия»

С тем или иным пониманием проблемы переноса-контрпереноса в анализе прямо связано соответствующее описание требуемой аналитической позиции, объединяющей такие аспекты техники, как нейтральность, абстиненция и анонимность. Постклассическое углубление концепций переноса, контрпереноса и сопротивления приводит к значительной модификации концепции нейтральности. В ходе эволюции психоаналитической теории техники некоторые составляющие аналитической позиции – абстиненция и анонимность – в целом сохраняют свое первоначальное содержание, одновременно лишаясь прежней классической категоричности и императивности и приобретая с перспективы психологии двух персон все более относительный характер. В «топографический период» развития психоанализа техническое правило нейтральности было практически тождественно правилу абстиненции – воздержанию от удовлетворения трансферентных желаний пациента. С разработкой структурной теории эти понятия были разведены. Классическое «структурное» представление о технической нейтральности основывается на метафоре Анны Фрейд об аналитической позиции как равноотстоящей от Ид, Эго и Суперэго (А. Фрейд, 1993). Следуя А. Фрейд, рассуждавшей в логике психологии одной персоны, аналитик должен стараться в равной степени уделять внимание бессознательным проявлениям различных психических структур и в ходе анализа и интерпретации способствовать осознанию пациентом их участия в интрапсихическом конфликте.

Подход, основывающийся на психологии двух персон, рассматривает нейтральность аналитика через призму отношений в аналитической диаде. Понимание нейтральности с этих позиций значительно отличается от классической концепции нейтральности Анны Фрейд, считавшей отношения между аналитиком и пациентом побочным эффектом аналитического процесса. По мнению Треурниета (Treurniet, 1993), выведение

Анной Фрейд аналитических отношений и «помощи в развитии» за скобки истинного психоанализа приводит к ограниченному определению аналитической техники и, в частности, к ограниченному пониманию принципа нейтральности. Уайт конкретизирует это, замечая, что отстраненная, безэмоциональная и невовлеченная позиция аналитика с большей вероятностью будет усиливать сопротивление переносу, чем способствовать развитию невроза переноса. Он склонен считать, что «нейтральность аналитика является не статическим феноменом, но динамическим взаимодействием между давлениями со стороны переноса анализанда и со стороны его собственных бессознательных конфликтов» (White, 1992, p. 341). Используя формулировки Лёвальда, Уайт утверждает, что «в тонком (и совсем тонком) смысле аналитик постоянно втягивается в трансферентную игру и выходит из нее. Аналитик участвует в игре и испытывает как дезинтегрирующие, так и интегрирующие взаимодействия с пациентом... Он отличается от пациента только обладанием лучшим контролем и пониманием своего собственного переноса» (White, 1992, p. 347). Это отличие аналитика от анализанда обуславливается, на мой взгляд, наличием и активностью у него аналитического Эго – основным фактором, определяющим, наряду с описанными Уайтом двумя видами взаимодействующих друг с другом «давлений», аналитическую позицию.

Джекобс, как и Уайт, считает, что нейтральность аналитика – это динамический психический процесс, одновременно направленный вовне и внутрь: внешний аспект нейтральности ориентирован по отношению к пациенту, и ее внутренний аспект ориентирован по отношению к самому себе. Бирд и Джекобс обращают внимание на большую сложность для аналитика поддерживать такую динамически понимаемую нейтральность и соответствующий ей уровень личностного участия в отношениях с пациентом. Они описывают различные бессознательные способы, с помощью которых аналитик может избегать переноса или тормозить его.

Мне представляется, что решающее различие между аналитиком и пациентом состоит в способности аналитика к аналитическому расщеплению на свободное от конфликтов рабочее аналитическое Эго и Эго, метафорически описываемое Болласом как «другой пациент» в аналитическом кабинете (см. выше). Это второе Эго аналитика – «другой пациент» – в свою очередь включает в себя эмпатически сопереживающее, регрессирующее вместе с пациентом Эго («эмпатическое Эго») и Эго, подвергающееся воздействию собственных бессознательных конфликтов («контртрансферентное Эго») ¹⁹. Используя эти понятия, можно описать технически нейтральную позицию аналитика как результат сознательного интерактивного взаимодействия аналитического Эго, эмпатического Эго и контртрансферентного Эго аналитика в определенный момент аналитического процесса в работе с конкретным пациентом.

¹⁹ Здесь я, следуя за Рэкером, для того чтобы не происходило смешения понятий, считаю необходимым развести эмпатические (в соответствии с двумя формами идентификации – конкордантные и комплементарные) и непосредственно контртрансферентные (в классическом смысле) переживания.

Такая точка зрения на нейтральность предполагает не только осознание собственного аналитического рабочего Эго, но и достаточно развитую и активную рефлексивность как эмпатического Эго, так и контртрансферентного Эго. В связи с этим мне приходит в голову аналогия с формированием Гиллом активной позиции анализанда в аналитической работе путем интерпретации сопротивления осознанию переноса. Применительно к аналитику ключом к нейтральной позиции становится проработка аналитическим Эго сопротивления осознанию эмпатических переживаний и сопротивления осознанию контрпереноса. Успешная проработка этих сопротивлений делает возможным сознательное интерактивное взаимодействие трех определяющих нейтральную аналитическую позицию структурных компонентов: аналитического, эмпатического и контртрансферентного Эго. В случае игнорирования аналитиком подобной проработки неосознаваемое давление со стороны эмпатии и контрпереноса способно, на мой взгляд, значительно ослабить рабочее Эго и вовлечь аналитика в трансферентную игру. Скрытое бессознательное сотрудничество с защитными тенденциями анализанда при этом часто рационализируется «правильным» применением механистично понимаемых технических принципов аналитической работы.

Еще один фактор, который необходимо учитывать при разработке аналитической позиции, вводится Антоном Крисом. В своей концепции «функциональной нейтральности» (*Kris, 1990*) он подчеркивает необходимость учитывать восприятие пациентом позиции аналитика. Функциональная нейтральность означает способность аналитика гибко и эмпатично приспосабливаться к потребностям пациента в моменты, когда его стыд и самоуничижение удерживают его от свободного самовыражения, тогда как классическая нейтральность в этих случаях иногда приводит к имплицитной поддержке деструктивной самокритики анализанда. Крис полагает, что даже правильная и своевременная (в классическом смысле!) интерпретация бессознательного значения «карающего самобичевания» анализанда, вскрывающая причины такого отношения к себе, может быть воспринята пациентом как подтверждение собственной виновности и сразу же использована как аргумент для усиления беспощадной самокритики. Возрастающее при этом сопротивление тем более уменьшит возможность переосмысления патологического внутреннего диалога (*Treurniet, 1993*). Сохранение функциональной нейтральности в такие моменты аналитического процесса требует, согласно Крису, не фрустрирующего молчания или интерпретационной активности аналитика, а скорее осуществления поддержки пациента, например в виде простого обращения его внимания на то, что он относится к себе излишне жестоко. Мне в связи с этим вспоминается идея Балинта о «создании [в аналитической ситуации] подходящей атмосферы» для анализанда и выражение этой идеи в «отрицательной форме – недопущение возникновения атмосферы», которая может способствовать активизации патологических стереотипов объектных отношений. Одновременно я вспоминаю утверждение Бергманна, что «фрустрирующе тихий» психоаналитик, описываемый в книге Карла Меннингера

(*Menninger, 1958*) по теории аналитической техники, перестал быть идеалом для большинства современных аналитиков.

Мы снова видим здесь четко выраженные крайние взгляды, концепции, технические подходы – на этот раз в отношении позиции аналитика. Интерпретация или поддерживающие отношения, фрустрация или эмпатия, аналитик как объективное беспристрастное зеркало или аналитик как новый для анализанда «живой» и чувствующий объект – эти ложные дихотомии активно преодолеваются на современном этапе развития психоанализа. Поэтому я думаю, что в настоящее время разработка сбалансированной концепции нейтральности, учитывающей динамическое взаимодействие различных факторов, является одной из важнейших задач теории аналитической техники.

В отличие от теории техники, на практике, в ходе реальной аналитической работы с анализандами большинство современных аналитиков стараются сохранять по отношению к пациенту динамическую аналитическую позицию, в которой такие психоаналитические инструменты, как интерпретация и отношения аналитик – пациент, фрустрирующее молчание и эмпатическая поддержка, оказываются взаимодополняющими способами самовыражения рабочего Эго аналитика, направленными на понимание и помощь анализанду.

Рассуждая подобным образом, я не могу не сослаться на Треурнита, согласно которому «постклассический аналитик как новый объект [для пациента] переживает и более тяжелое и более легкое время, чем его классический предшественник. Он должен оберегать первичные отношения; вместить, пережить и "обезвредить" проекции; принять регрессию; бережно продвигать вперед, но также интерпретировать процесс разочарования и сепарации; и во всем этом он должен решительно, но гибко сохранять пределы аналитического пространства, в то же время не допуская, чтобы это пространство вырождалось в вакуум, в котором пациент может потерять свои границы и исчезнуть. Это не говорит о том, что его классический предшественник не должен был делать всего этого. Я убежден, что очень многие аналитики той школы осуществляли все это и раньше, хотя тогда и не допускалось использовать такие термины, и, когда они делали так, испытывали чувство вины. В этом отношении постклассическому аналитику значительно легче» (*Treurniet, 1993, p. 882*).

«Не вызывающие возражений» трансферентные остатки

Усиление влияния теории объектных отношений на развитие психоаналитической техники приводит, с моей точки зрения, к неожиданным последствиям для судьбы переноса в психоаналитическом процессе и особенно в постаналитический период. В своей крайней форме это влияние может отражаться на аналитическом процессе таким образом, что аналитик начинает замещать собой первичные объекты в жизни анализанда, становясь главным и самым значимым для него их эквивалентом. Проблема разрешения переноса при таком развитии событий теряет свой смысл.

Выше было показано, что классическая модель полного разрешения невроза переноса исключительно путем использования интерпретации оказалась ограниченной и не подтвержденной клиническими данными. Даже в рамках традиционно поддерживающих концепцию невроза переноса эго-психологического и кляйнианского направлений постепенно становится очевидно, что проблема трансферентных остатков – это неискоренимая, а в определенной мере и необходимая для дальнейшего саморазвития анализанда реальность постаналитического периода. Мне представляется при этом чрезвычайно важным, чтобы эти оставшиеся после окончания анализа интернализированные объектные отношения аналитик – анализанд были не только эффективными в терапевтическом смысле, но в первую очередь оставляли человеку, прошедшему анализ, возможность осуществления самостоятельного выбора при реализации своего поведения и не приводили к сильной, постоянной зависимости от образа аналитика, его поведения и взглядов на жизнь. Обретение собственных корней, достижение относительной независимости, способность строить свою жизнь в соответствии со своими индивидуальными особенностями и способностями – это те ценности, которые анализанд должен открыть и укрепить в себе в процессе инсайтов относительно своего Я и его развития и в ходе осознания и переосмысления скрытых смыслов своих взаимоотношений с аналитиком. Это, конечно, мое во многом идеализированное представление о «достаточно хорошем анализе», но если тем не менее в аналитическом процессе не удастся предоставить возможность анализанду открыть эту индивидуальную силу и определенную целостность внутри себя, то по окончании даже успешного в терапевтическом отношении анализа он может стараться использовать продолжающееся внутреннее взаимодействие с аналитиком в целях сохранения устойчивости, равновесия и способности к развитию, стремясь «питаться» от корней аналитика, иногда даже подменяя осознание своей личности защитной идентификацией с надежным, сильным и адаптированным к реальности трансферентным образом аналитика.

Как ни парадоксально, но, на мой взгляд, именно аналитические техники, ориентированные на терапевтическое использование объектных отношений в духе Балинта, Винникотта и др., способны приводить к усилению зависимости анализанда от аналитика. Пока анализ фокусировался на эдиповом конфликте и был ограничен проработкой бессознательных фантазий, он занимал относительно небольшой (по сравнению с современным) период времени. По мнению Бергманна, в границах этого классического представления о психоанализе еще могла существовать надежда, что значение аналитика будет заметно уменьшаться после окончания анализа. «Когда позже аналитическое внимание было направлено на механизмы защиты Эго, а затем на преэдипальную патологию, дефекты развития и в конечном счете на психотическое ядро, которое имеют многие, если не все пациенты, анализ становился все более и более продолжительным, а момент его завершения – неопределенным» (*Bergmann, 1993*). Треурнит (1993) объясняет увеличение продолжительности анализа открытием принципиально отличной от исследованной Фрейдом формы

переноса, проявляющейся посредством примитивных, архаических, базальных производных раннего единства ребенка с матерью. Эта вторая форма переноса, отражающая чрезвычайно важный аспект аналитических отношений, в настоящее время становится, с его точки зрения, намного более важным элементом аналитического мышления, чем традиционный эдипов перенос, характерный для невроза переноса. Учет первичных аспектов отношений, в которых, в отличие от эдиповых, нет разделения между субъектом и объектом, дает аналитику большее, чем раньше, понимание того, что «когда пациент ложится на кушетку в аналитическом кабинете, в нем возникает чувство тревожного ожидания и зависимости. Надежная, ненавязчивая позиция и эмпатия со стороны аналитика создают для анализанда пространство, в котором зависимость не означает недостаток свободы и которое способствует фантазиям, так необходимым в анализе. Это иногда предполагает даже более "материнскую" атмосферу, чем когда-либо созданную настоящей матерью. В такие моменты аналитик бессознательно признается первичным объектом: иначе зачем еще люди были бы так безнадежно увлечены прохождением аналитических сеансов изо дня в день, несмотря на все разочарование, утрату иллюзий, сопротивление, ужас и отчаяние, если бы они в конце концов не получали чрезвычайно базального удовлетворения?» (*Treurniet*, 1993, p. 890). Очевидно, что в этих своих рассуждениях Треурнит следует в русле работ Балинта (*Balint*, 1968), Винникотта (*Winnicott*, 1965), Болласа (*Bollas*, 1990) и других аналитиков из независимой группы, настаивающих на терапевтическом значении трансферентной регрессии для пациентов с серьезной психопатологией. Этот же подход характерен и для интерперсональных аналитиков (*Sullivan*, 1953; *Fromm-Reichmann*, 1950; *Searles*, 1979, и др). Техника, ориентированная на развитие и поддержание интенсивной регрессии, заключается в том, что аналитик способствует развитию регрессии анализанда до состояний, в которых он сможет повторно пережить (ср. с идеями Ференци и Ранка) самые ранние патогенные объектные отношения, приведшие к возникновению задержки или ограничению развития и к образованию дефектов структуры Эго. Подобное повторное переживание первичных отношений с надежным и безопасным, разделяющим болезненный опыт с пациентом объектом – аналитиком («матерью-средой», переходящей в «мать-объект», – Винникотт) может, согласно Балинту, даже без полной вербализации этого опыта аналитиком устранить последствия базовой травмы или патологических ранних объектных отношений и привести к возобновлению развития личности анализанда (*Kernberg*, 1993). В связи с этим и Балинт, и Винникотт подчеркивают, что при регрессии интерпретации нежелательны, особенно интерпретации переноса, поскольку они ведут к разрушению регрессивного процесса. Они становятся необходимыми только после состояния регрессии на этапе возобновленного развития. В соответствии с этим Балинт различает воздействие на аналитический процесс фактора отношений и фактора интерпретации, последовательное действие которых в анализе необходимо для осуществления структурных изменений личности пациента (*Treurniet*, 1993).

Я убежден, что говорить о каком-либо полном разрешении трансферентных отношений при таком техническом подходе, очевидно, не приходится. Трудно понять, о какой реальной независимости анализанда от влияния аналитика после завершения анализа может идти речь в таком случае. Поощрение создания «более материнской атмосферы, чем когда-либо созданной настоящей матерью», признание пациентом аналитика как безопасного первичного объекта, к которому он начинает чувствовать базальное доверие, способно, на мой взгляд, приводить к ситуации, когда «всецело благой» образ аналитика становится единственным надежным объектом, замещая собой другие значимые первичные объекты и превращаясь в психически важный эквивалент первоначальных родителей. Ставить в качестве задачи анализа разрешение переноса в такой ситуации бессмысленно. В результате мы рискуем получить замену одной (деструктивной) зависимости анализанда другой – конструктивной, но все-таки – зависимостью.

Бергманн отмечает, что формирование у анализанда образа аналитика как самого надежного первичного объекта может усиливаться, если вместо проработки патологических механизмов защиты, с помощью которых младенец приспособился к деструктивным родительским объектам, проводится анализ характера родителей и проясняется их патологическое воздействие на младенца. «Мы должны делать различие между интерпретациями, относящимися только к анализанду, и интерпретациями, которые изменяют его отношение к значимым инфантильным объектам в его жизни. Привлечь внимание к депрессии анализанда – это одно, и совершенно другое – дать ему понять, что его мать была депрессивна или что она была неспособна позволить ему стать самостоятельным, потому что рассматривала его как часть себя. Чем больше мы раскрываем в анализе серьезные недостатки в первоначальном объекте любви в жизни анализанда, тем более вероятно, что аналитик будет замещать первоначальные родительские объекты как основной инфантильный прототип» (*Bergmann, 1988, p. 151*). В связи с этим Бергманн утверждает, что хотя интернализация и идентификация с аналитиком и являются чрезвычайно важными в анализе, но, рассчитывая только на терапевтический эффект от действия одних этих процессов, нельзя прийти к удовлетворительному завершению анализа. Завершив анализ, пациент может оказаться неспособен к обнаружению замены для аналитика в реальном мире. Применительно к проблеме разрешения эротического переноса он замечает, что «быть способным к трансферентной любви – это не то же самое, что быть способным к любви в реальной жизни» (*Bergmann, 1988, p. 152*).

Тенденция к усилению объектной зависимости у пациентов, имплицитно присутствующая в техниках Винникотта, Балинта и их последователей, еще больше разрушает надежду классических аналитиков на полное разрешение переноса. Эта надежда наиболее отчетливо обнаруживается в концепции Криса (*Kris, 1956*), в соответствии с которой аналитик должен уделять особое внимание оказанию помощи пациенту в развитии интегративных функций его Эго. Эти функции способствуют возрастанию независимости пациента от аналитика. Развитие у анализанда

интегративных функций приближает окончание анализа и постепенно превращает психоаналитический процесс в самоанализ.

Я полагаю, что именно на снятие описанного выше противоречия направлена концепция принадлежащего к независимой школе Кохона. Развивая идеи Винникотта о переходном объекте и его использовании, он отмечает, что «аналитик занимает то переходное пространство, где объекты являются ни полностью внутренними, ни полностью внешними. Подобно переходному объекту, аналитик существует и не существует... Как аналитики, мы так же важны для наших пациентов, как плюшевый мишка важен для ребенка. Как объекты мы являемся таким же продуктом воображения, как и плюшевый мишка. Пациенты не становятся лучше, интернализируя те хорошие образы нас, которые мы можем им предложить... То, что пациенты действительно могут получить от нас, – так это наше постепенно нарастающее отсутствие. Проработка переноса должна делать нас все более и более "отсутствующими", а не более и более «присутствующими»» (Kohon, 1986, p. 67). Треурнит в связи с этим добавляет: «Все, что мы можем делать, – это быть там [в аналитической ситуации] для того, чтобы не быть там» (Treurniet, 1993, p. 888).

Предлагая идею о постепенно нарастающем отсутствии аналитика в аналитическом процессе, Кохон считает ее противоположной концепциям и Штербы, и Стрэчи. Он утверждает, что успех анализа достигается не путем идентификации с аналитиком или интроекции его во внутренний мир пациента, а посредством обретения пациентом способности к развитию, используя это нарастающее внутреннее отсутствие аналитика. Эта важнейшая способность, согласно Винникотту (1958), является «основой нашей способности оставаться в одиночестве». Обращаясь в связи с этим к проблеме отношений с первичным объектом, Кохон замечает, что анализанд в ходе анализа будет вынужден примириться с тем, что первичный объект – это объект, который никогда не будет найден вновь. Разрешение переноса, по мнению Кохона, коррелирует с процессом диссолюции образа аналитика, каким бы – хорошим или плохим – он ни являлся. Терапия, стратегически направленная на замену «плохого» «хорошим», сохраняет иллюзорные импликации переноса пациента. Комментируя мнение Энид Балинт о том, что аналитик должен «просто находиться здесь», Кохон утверждает, что это не означает, что «хороший» объект должен занять место «плохого». Если бы это было так, то аналитик просто подтвердил бы ожидание анализанда относительно того, что если он будет достаточно хорошо стараться, то сможет найти «лучшую» мать, чем его собственная «реальная», «плохая» мать.

Противопоставление Кохоном своих взглядов эго-психологическому подходу, по моему мнению, не имеет серьезных оснований – на достижение такого же результата анализа, как и в подходе Кохона, направлены техники Штербы, Гринакр, Криса, Гилла и др. Более того, вводя представление о постепенно нарастающем отсутствии аналитика, Кохон, на мой взгляд, переформулирует на языке теории объектных отношений разработанные в этой технической традиции принципы аналитической работы.

В заключение этой части статьи я предлагаю посмотреть на описанную выше болезненную проблему зависимости-независимости пациента с другой стороны. Может быть, за желанием, чтобы пациент был полностью независим от аналитика после анализа, и, соответственно, за техническими рекомендациями, направленными на полное разрешение переноса, стоит наше контртрансферентное желание стать независимым от анализанда после анализа, желание полностью снять с себя ответственность в отношении него. Сказанное не означает, что должно быть верно обратное: пациенты должны заканчивать анализ в сильной зависимости, а мы должны нести гиперответственность, иногда переходящую в гиперопеку (см., например, вышеописанные постаналитические взаимоотношения Фрейда и Леви).

Осознание и принятие болезненного для классической техники факта, что пациент остается в определенных (интрапсихических) отношениях с аналитиком и после анализа, не означает, что это вынуждает нас согласиться с противоположной позицией – если полное разрешение переноса невозможно, следовательно, сильная зависимость пациента от аналитика, иногда становящегося самым значимым первичным объектом, сохраняющаяся после завершения анализа, является неизбежным и даже в некоторых случаях необходимым для дальнейшего развития результатом. Признание неизбежно остающейся трансферентной зависимости не означает тотальную форму ее выражения. Важно, чтобы зависимость от аналитика не блокировала индивидуальность анализанда, не подменяла и не подавляла его собственное Я интрапсихическим образом аналитика, а продолжала и в постаналитический период помогать становлению достаточно независимого и достаточно целостного Я.

Используя язык Фрейда, мне хочется назвать эту постаналитическую конструктивную зависимость анализанда от аналитика «не вызывающей возражения зависимостью» (не вызывающими возражения трансферентными остатками).

Хочу также напомнить, что в определенном смысле и аналитик после завершения анализа с конкретным пациентом остается от него в некоторой зависимости, фиксирующейся в опыте длительных взаимоотношений с пациентом, который, естественно, не может, да и не должен исчезать бесследно, в тех собственных инсайтах, знаниях и профессиональных навыках, которые аналитик получил благодаря работе с пациентом, в ошибках, которые он совершил и которые вынуждают его мысленно возвращаться к завершенным аналитическим отношениям и т. д.

Экологический подход к исследованию психоаналитического процесса

В экологической психологии различаются методологические подходы²⁰, опирающиеся на различное понимание логики взаимодействия в

²⁰ См. Панов В. И. Экологическая психология: состояние и перспективы // Материалы 2-й Российской конференции по экологической психологии. М., 2000. С. 3–12.

системе «индивид – среда». При субъект-объектном взаимодействии индивид выступает как активное начало, воздействующее и преобразующее среду и само находящееся под ее влиянием. При этом индивид и среда оказываются «внешними условиями развития по отношению друг к другу». Субъект-субъектная логика рассуждений, напротив, приводит к пониманию того, что развитие каждого элемента системы определяется развитием системы «индивид – среда» в целом. В этом случае индивид и среда являются «условием и результатом взаимного развития» в отношении друг друга.

Подобные методологические рассуждения могут быть применены и к исследованию психоаналитического процесса – изучению взаимодействия «аналитик – анализанд». Различные исследования психоаналитического процесса, осуществляемые в рамках классического (фрейдовского) представления о чисто интрапсихической природе переживаний субъекта в ходе аналитической терапии, имплицитно исходят из парадигмы противопоставления аналитика и пациента (объекта исследования). Именно такой субъект-объектный взгляд на взаимодействие «аналитик – анализанд» М. Балинт (1950) вслед за Рикманом описывал как подход с позиции «психологии одной персоны» (см. выше). Основываясь на подобной методологии, исследователь психоаналитического процесса будет неизбежно пытаться понять, как изменяется поведение пациента, его личностные характеристики под влиянием и в ответ на воздействие аналитика. Самые глубинные основы такой методологии были заложены Фрейдом, старавшимся максимально сблизить аналитическую терапию и научно-исследовательский процесс. Психоаналитик в идеале должен был полностью устранить влияние своей собственной личности на пациента, стремясь полностью следовать техническим предписаниям и сохраняя (для себя и пациента) внеличностный образ «идеального» профессионала. Аналитик в этой логике рассматривается как объективное внешнее условие для личностного развития анализанда. В результате аналитической терапии сам аналитик приобретает профессиональный опыт, чем и ограничивается представление о возможности его собственного личностного развития. Более того, образ «идеально объективного», устранившего любое влияние своей личности на анализанда профессионала имплицитно предполагает определенное, можно сказать, даже окончательное достижение требуемого уровня личностного развития у аналитика. Главной характеристикой этого уровня является полное разрешение внутриличностных конфликтов аналитиком, достигнутое в ходе личного психоанализа.

Значительно иную перспективу привносит субъект-субъектный подход к исследованию взаимодействия аналитика и анализанда, определенный Балинтом как «психология двух персон». Аналитик в этой логике рассуждений является не внешним «объективным» фактором развития пациента, не субъектом, исследующим и трансформирующим объект, предназначенный для достижения личностных изменений, а является участником взаимодействия, сохраняющим как объективную, так и субъективную составляющие этого взаимодействия. В отличие от пациента, аналитик старается понять не только вклад последнего в развитие взаимоотношений в

системе «аналитик – анализанд», но также влияние собственной личности на развитие психоаналитического процесса. Принципиально важно, что в этой логике личностное развитие пациента определяется и зависит от динамики развития системы «аналитик – анализанд» в целом. В этом смысле основным техническим инструментом для изменения личности пациента являются не интерпретации (терапевтические действия) аналитика, не личность аналитика как нового объекта для пациента (Лёвальд) и даже не взаимоотношения аналитик – анализанд, меняющие старые патогенные стереотипы взаимодействия у пациента, а всестороннее развитие системы «аналитик – анализанд» в целом. При этом аналитик и пациент являются условием и результатом взаимного развития в отношении друг друга.

При экологическом подходе к исследованию активности личности в ходе психоаналитического процесса система «аналитик – анализанд» как целое методологически выступает в качестве единицы анализа динамики личностного развития обоих субъектов взаимодействия, психологически – в качестве условия подобного развития, а технически – в качестве основного средства (инструмента) решения главной задачи аналитической терапии – развития индивидуальности обоими субъектами взаимодействия. Последнее особенно важно, так как в связи с этим становится ясно, что без собственных личностных изменений и развития индивидуальности у аналитика невозможны сколько-нибудь серьезные личностные изменения у пациента. Собственное личностное развитие аналитика, происходящее в ходе психоаналитического процесса, в этом случае освобождается от тисков классической фрейдовской субъект-объектной методологии и не сводится к разрешению продуцирующих тревогу внутриличностных конфликтов и устранению их различных проявлений (в том числе и в терапии), а носит творческий, экзистенциальный характер.

Я убежден, что современный психоанализ все больше эволюционирует в направлении интеграции субъект-объектного и субъект-субъектного представлений о взаимодействии аналитика и пациента, интеграции «психологии одной персоны» и «психологии двух персон», а в технической плоскости – интеграции таких казавшихся раньше полностью противоположными инструментов аналитической техники, как интерпретации и взаимоотношения. Как нам представляется, такой интегрирующий разные методологические парадигмы экологический подход и должен лежать в основании научного исследования психоаналитического процесса.

Заключение

Мечта классически ориентированных исследователей о разработке единой, объективной базовой техники (см. *Eissler, 1953*), освобождающей аналитический процесс от воздействия субъективного фактора (аналитика) и определяющей его как функцию только одной переменной (пациент), оказалась с современной перспективы не только утопической и нереалистичной, но и с терапевтической точки зрения неэффективной. По мнению Бергманна, одной из характерных особенностей

современного этапа развития психоаналитической теории и техники является тот факт, что каждый пациент получает различный вид анализа в зависимости от избранного аналитиком пути. Эту, возможно, излишне категоричную формулировку Бергманн подкрепляет ссылкой на психоаналитические конференции, посвященные рассмотрению клинических случаев. Представленные на этих конференциях материалы доказывают, что «мы достигли такой степени [технической] изоэтрности, что любой клинический материал может быть проинтерпретирован множеством способов» (*Bergmann, 1993, p. 931*).

Такая многозначная и неопределенная ситуация может как пугать, так и вдохновлять нас на продолжение исследований и поиск новых интегрирующих подходов, снимающих существующие противоречия, придающих новый смысл противоположным концепциям и одновременно порождающих на другом уровне новые тезисы и антитезисы. Для того чтобы в теории, технике и терапии творческая активность не была парализована страхом потери целостности и идентичности психоанализа (определенный, приемлемый уровень тревоги по этому поводу тем не менее абсолютно необходим), большое и, на мой взгляд, решающее значение приобретает «коммуникативный фон» – психологическая атмосфера, создаваемая психоаналитическим сообществом. Атмосфера, которая стимулирует появление нового знания, должна быть свободна от подавляющей критики, от проявлений конфронтации как защиты своих клановых позиций, от выискивания слабых мест и поиска ошибок для уничтожения оппонентов. Ошибки аналитика, абсолютно естественные и неизбежные в любом аналитическом процессе (*Chused, Raphling, 1992*), должны давать повод для лучшего понимания и профессионального роста, а не являться средством самоуничтожения или поводом для третирующей, компенсаторной критики со стороны неуверенных в себе коллег.

Я убежден, что творческое развитие системы становится возможным только в случае создания в ней такой безопасной среды, которая позволяет как ее различным подсистемам (психоаналитическим школам) ослабить групповое сопротивление (переосмыслить защитные механизмы), так и ее элементам (самим членам психоаналитического сообщества) тратить меньше сил на поддержание компенсаторных механизмов (например, на самоутверждение) и использовать высвободившуюся энергию для личного профессионального развития. Свобода творческого теоретического и технического проявлений, не переходящая в анархию и не принимающая деструктивных и разрушительных форм, представляется необходимым условием для дальнейшего развития современного психоанализа.

Сказанное выше, на мой взгляд, особенно важно для российской ситуации, где «коммуникативный фон», в котором развивается наша только начинающая свой современный этап развития психоаналитическая наука, приобретает чрезвычайное и критическое значение. В заключение я процитирую представляющееся мне особенно актуальным для нас мнение Бергманна: «Окончание психоаналитического института должно демонстрировать не только профессиональную компетентность, но также способность работать с коллегами и желание исследовать остающиеся без

ответа научные и технические проблемы... Это возможно при условии, что мы создадим климат, в котором неудачи могут быть сообщены так же свободно, как и успехи. Развитие психоанализа также зависит от нашей способности обучить новое поколение психоаналитиков, которые менее фанатичны и в большей степени готовы рассматривать эволюцию психоанализа с исторической точки зрения» (*Bergmann*, 1993, p. 954).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайсс Дж.* Как работает психотерапия: процесс и техника. М., 1998.
2. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности. М., 1998.
3. *Райх В.* Характероанализ / Под ред. А. В. Россохина. М., 1999.
4. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ: В 2 т. М., 1996.
5. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. М., 1993.
6. *Фрейд З.* Я и Оно. Труды разных лет. М., 1991. Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 1997.
7. *Adler G.* Transitional phenomena, projective identification, and the essential ambiguity of the psychoanalytic situation. *Psychoanal. Q.*, 58, pp. 81–105, 1989.
8. *Alexander F., French T.* *Psychoanalytic Therapy.* New York: Ronald Press Co. 1946.
9. *Berg C. H.* *Deep Analysis* New York: Norton, 1947.
10. *Bergmann M. S.* On the fate of the intrapsychic image of the psychoanalyst after termination of the analysis *Psychoanal. Study Child*, 43, pp. 137–153. 1988. Reflections on the history of psychoanalysis *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 41, pp. 929–955. 1993.
11. *Bird B.* Notes on transference *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 20, pp. 267–301, 1972.
12. *Blucourt A.* Transference, countertransference and acting out in psychoanalysis *Int. J. Psychoanal.* 74, pp. 757–773, 1993.
13. *Blum H. C.* The value of reconstruction in adult psychoanalysis *Int. J. Psychoanal.* 61, pp. 39–52, 1980.
14. The position and value of extratransference interpretation *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 31, pp. 587–617, 1983.
15. *Bollas C.* *The Shadow of the Object* New York: Columbia Univ. Press, 1987.
16. *Forces of Destiny.* New York: Jason Aronson, 1989.
17. *Being a Character.* New York: Hill and Wang, 1992.
18. *Brunswick R. M.* A supplement to Freud's history of infantile neurosis (1928) In: *The Psychoanalytic Reader* (ed. R. Fliess). New York: Int. Univ. Press, 1948 pp. 86–126, 1948.
19. *Casement C. J.* *Learning from the Patient* New York, Guilford Press, 1991.
20. *Chused J. F.* The evocative power of enactments *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 39, pp. 615–639, 1991.
21. *Chused J. F., Raphling D. L.* The analyst's mistakes *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 40, pp. 89–116, 1992.
22. *De Bea, E. Romero J.* Past and present in interpretation *Int. R. Psycho-Anal.*, 13, pp. 309–320, 1986.

23. *Dewald P. A.* The clinical assessment of structural change. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 20, pp. 302–324, 1972.
24. *Ehrenberg D. B.* Psychoanalytic engagement, II, Affective considerations. *Contemporary Psychoanalysis*, 20, pp. 560–582, 1984.
25. *Ehrenberg D. B.* *The Intimate Edge*. New York: Norton, 1992.
26. *Etchegoyen H. R.* The relevance of the «here and now» transference interpretation for the reconstruction of early psychic development *Int. J. Psychoanal.*, 63, pp. 65–74, 1982.
27. *Fundamentals of Psychoanalytic Technique*. London: Karnac Books, 1991.
28. *Fenichel O.* *Problems of Psychoanalytic Technique*. Albany, N.Y., 1940. *The Psychoanalytic Theory of Neurosis*. New York: W. W. Norton., 1945.
29. *Ferenczi S., Rank O.* *The Development of Psychoanalysis*. New York and Washington, Nervous, Mental Disease Publishing Co., 1924.
30. *Fliess R.* The metapsychology of the analyst. *Psychoanal. Quart.* 11, pp. 211–227, 1942.
31. Countertransference and counteridentification. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 1, pp. 268–284, 1953.
32. *Friedman L.* The therapeutic alliance *Int. J. Psychoanal.*, 50, pp. 139–153, 1969.
33. How and why patients become more objective? Sterba compared with Strachey *Psychoanal. Q.*, 61, pp. 1–17, 1992.
34. *Fromm-Reichmann F.* *Principles of Intensive Psychotherapy*. Chicago, University of Chicago Press. 1950.
35. *Gill M. & Muslin H.* Early interpretation of transference *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 24, pp. 779–794, 1976.
36. *Gill M. M.* The analysis of the transference. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 27, pp. 263–288, 1979.
37. *Analysis of Transference*. Vol. I. New York: Int. Univ. Press, 1982.
38. *Gill M. M. & Hoffman I. Z.* *Analysis of Transference*. Vol II. New York: Int. Univ. Press. 1982.
39. *Glover E.* Active therapy and psycho-analysis *Int. J. Psychoanal.*, 5, pp. 269–311, 1924.
40. *Principles of Psychoanalysis*. New York: Int. Univ. Press, 1955.
41. *Gray P.* On helping analysands observe intrapsychic activity In *Psychoanalysis: The Science of Mental Conflict – Essays in Honor of Charles Brenner* (ed. A. Richards, M. Willick. Hillsdale), N.J., Analytic Press, pp. 245–262, 1986.
42. On the technique of analysis of the superego. *Psychoanal. Q.*, 56, pp. 130–154, 1987.
43. The nature of therapeutic action in psychoanalysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 38, pp. 1083–1097, 1990.
44. On transferred permissive or approving superego functions, the analysis of the ego's superego activities, part II, *Psychoanal. Q.*, 60, pp. 1–21, 1991.
45. *Greenacre Ph.* The role of transference, practical considerations in relation to psychoanalytic therapy *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 2, pp. 671–684, 1954.
46. On reconstruction. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 23, pp. 693–671, 1975.
47. *Greenberg J.* *Oedipus and Beyond* Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1991.

48. *Greenson R. R.* Variations in classical psychoanalytic technique. *Int. J. Psychoanal.*, 39, pp. 200–201, 1958.
49. *Heimann P.* The evaluation of applicants for psychoanalytic training. *Int. J. Psycho-Anal.*, 49, pp. 527–539, 1968.
50. *Jacobs T. J.* *The Use of the Self.* Madison, CT, Int. Univ. Press, 1991.
51. *Joseph B.* *Psychic Equilibrium and Psychic Change.* London and New York, Tavistock/Routledge, 1989.
52. *Kernberg O.* Convergences and divergences in contemporary psychoanalytic techniques. *Int. J. Psychoanal.*, 74, pp. 659–673, 1993.
53. *Kohon G.* Countertransference, an independent view. In: *The British School of Psychoanalysis – The Independent Tradition* (ed. G. Kohon). London, Free Association Books, pp. 51–73, 1986.
54. *Kris E.* The recovery of childhood memories in psychoanalysis. *Psychoanal. Study Child*, 11, pp. 54–88, 1956.
55. *Kubie L. S.* Unsolved problems in the resolution of the transference. *Psychoanal. Q.*, 37, pp. 331–352, 1968.
56. *Levy S. T., Inderbitzin L. B.* The analytic surface and the theory of technique. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 38, pp. 371–391, 1990.
57. *Little M.* Counter-transference and the patient's response to it. *Int. J. Psychoanal.*, 32, pp. 32–40, 1951.
58. *Loewald H. W.* Internalization, separation, mourning, and the superego (1962). In: *Papers on Psychoanalysis*, New Haven, Yale Univ. Press, pp. 257–276, 1980.
59. The transference neurosis (1971) In: *Papers on Psychoanalysis* New Haven, Yale Univ. Press, pp. 302–314, 1980.
60. Transference-countertransference. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 34, pp. 275–289, 1986.
61. *Macalpine I.* The development of the transference. *Psychoanal. Quart.*, 19, pp. 501–519, 1950.
62. *Mclaughlin J.* Transference, psychic reality and countertransference *Psychoanal. Q.*, 50, pp. 639–664, 1981.
63. Clinical and theoretical aspects of enactment. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 39, pp. 595–614, 1991.
64. *Menninger K. A.* *Theory of Psychoanalytic Technique.* New York: Basic Books, 1958.
65. *Mitchell S. A.* *Relational Concepts in Psychoanalysis.* Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1988,
66. *Modell, A. N.* *Other Times, Other Realities.* Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1990.
67. *Nacht S.* Technical remarks on the handling of the transference neurosis. *Int. J. Psycho-Anal.*, 38, pp. 196–203, 1957.
68. *Norman H. F., Blacker K. H., Oremland J. D.* The fate of the transference neurosis after termination of a successful analysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 24, pp. 471–498, 1976.
69. *Ogden T. H.* *The Primitive Edge of Experience.* Northvale, NJ, Jason Aronson, 1989.
70. *Orr D. W.* Transference and countertransference *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 2, pp. 621–670, 1954.

71. *Pantone C. J.* Projective Identification, Affective Aspects. *Contemp. Psychoanal.*, 30, pp. 604–619, 1994.
72. *Pfeffer A. Z.* The meaning of the analyst after analysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 11, pp. 229–244, 1963.
73. *Pine F.* Drive, Ego, Object, and Self, A Synthesis for Clinical Work. New York, Basic Books, 1990.
74. *Racker H.* A contribution to the problem of counter-transference *Int. J. Psychoanal.*, 34, pp. 313–324, 1953.
75. The meanings and uses of countertransference. *Psychoanal. Q.*, 26, pp. 303–357, 1957.
76. *Rayner E.* The Independent Mind in British Psychoanalysis. Northvale, NJ, Jason Aronson, 1991.
77. *Reich A.* On counter-transference. *Int. J. Psychoanal.*, 32, pp. 25–31, 1951. A special variation on technique. *Int. J. Psychoanal.*, 39, pp. 230–234, 1958.
78. *Reich W.* Über Charakteranalyse. *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, XIV, 1928. Character-Analysis (1933). New York: Orgone Institute Press, 1945.
79. *Rosenfeld H.* Impasse and Interpretation. London and New York: Tavistock Publications, 1987.
80. *Rycroft C.* An enquiry into the function of words in the psychoanalytical situation (1958) In: *The British School of Psychoanalysis, The Independent Tradition* (ed. G. Kohon). London, Free Association Books, pp. 237–252, 1986.
81. *Sandler J., Sandler A.-M.* The past unconscious, the present unconscious, and the vicissitudes of guilt. *Int. J. Psychoanal.*, 68, pp. 331–341, 1987.
82. *Schafer R.* The relevance of the «here and now» transference interpretation to the reconstruction of early development. *Int. J. Psycho-Anal.*, 63, pp. 77–82, 1982.
83. *Segal H.* Introduction to the Work of Melanie Klein. London: Hogarth Press, 1973.
84. *Silverberg W. V.* The concept of transference. *Psychoanal. Q.*, 17, pp. 309–10, 1948.
85. *Sterba R.* The fate of the ego in analytic therapy *Int. J. Psychoanal.*, 15, pp. 117–126, 1934.
86. *Stewart H.* *Psychic Experience and Problems of Technique*. London and New York: Routledge, 1992.
87. *Stone L.* The widening scope of indications for psychoanalysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 2, pp. 567–594, 1954.
88. The psychoanalytic situation and transference: postscript to an earlier communication. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 15, pp. 3–58, 1967.
89. Some thoughts on the «here and now» in psychoanalytic technique and process. *Psychoanal. Q.*, 50, pp. 709–733, 1981.
90. *Treurniet N.* What is psychoanalysis now. *Int. J. Psychoanal.*, 74, pp. 873–891, 1993.
91. *Waelder R.* Selection criteria for the training of psychoanalytic students. *Int. J. Psycho-Anal.*, 43, pp. 283–286, 1962.
92. *Wallerstein R. S.* Reconstruction and mastery in the transference psychosis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 15, pp. 551–583, 1967. *The Common Ground of Psychoanalysis*. Northvale, NJ, Jason Aronson, 1992.

93. *Weinshel E.* The transference neurosis, a survey of the literature. J. Amer. Psychoanal. Assn., 19, pp. 67–88, 1971.
94. *Weiss E.* Manipulation of the transference relationship. In: *Psychoanalytic Therapy* (ed. F. Alexander and T. French). New York, Ronald Press, pp. 41–54, 1946.
95. *Weiss J., Sampson H.* The Psychoanalytic Process. New York and London: Guilford Press, 1986.
96. *White R. S.* Transformations of Transference. *Psychoanal. St. Child*, 47, pp. 329–348, 1992.
97. *Winnicott D. W.* Hate in the counter-transference *Int. J. Psychoanal.*, 30, pp. 69–74, 1949.
98. *Winnicott D. W.* The aims of psycho-analytical treatment. In: *The Maturational Process and the Facilitating Environment*. New York: International Universities Press, pp. 166–170, 1962, 1965.

The collisions of modern psychoanalysis: from confrontation of approaches to their dynamic interaction (Evolution of the analytical technique theory)

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

In the article the author explores various concepts of transference and countertransference in Anglo-Saxon psychoanalysis. The issue of resolving the transference neurosis is considered in detail. The fundamental changes in psychoanalytic theory and technology that have occurred since the 1950s.

Keywords: psychoanalysis, transference neurosis, transference, countertransference, interpretation, resistance, Anglo – Saxon psychoanalysis.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Некоторые аспекты психосоматического функционирования Особенности психоаналитической психосоматики

Л. И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – врач психиатр-нарколог, канд. мед. наук, психоаналитик (IPA), член SPP (Парижская психоаналитическая ассоциация), психоаналитический психосоматик (IPSO), член Международной психосоматической ассоциации им. П. Марти, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

В 50-х годах XX столетия французские психоаналитики выделили и описали отдельную группу пациентов с психосоматическим функционированием. Это пациенты с эссенциальной депрессией, дефицитарностью первичного нарциссизма, скудной онирической и фантазматической жизнью, практически неспособные на горевание. Нарциссические потери (соцстатуса, уважения) являются для них опаснее, чем объектные, так как приводят к утечке и без того недостаточного нарциссизма и, как следствие этого, – к соматизации. У некоторых пациентов известие о тяжелом диагнозе приводит к душевному подъему, приливу сил – состоянию, напоминающему маниакальное возбуждение. Однако оно принципиально отличается от оно и получило название «психосоматического парадокса».

Ключевые слова: безобъектная депрессия, эссенциальная депрессия, опературное мышление, первичная психическая материя, конформизм, либидинальная слабость, первичный нарциссизм, ментализация, дезобъектализация, нарциссические травмы, соматизация, первая топика, нарциссическое либидо, горевание, деструктивность, психосоматический парадокс.

В конце 50-х годов XX века, когда на мировой арене господствовали представления психической каузальности соматических болезней, особенно идеи психосоматической специфичности представителей чикагской школы психосоматической медицины, отцом которой по праву считают Ф. Александера, когда велись поиски характерных личностных профилей для определенных заболеваний (Ф. Данбар), когда считалось, что связующим звеном между психикой и сомой являются эмоции, в Париже на протяжении долгих лет практикующие аналитики неизменно встречались по воскресеньям и размышляли о соматизирующих пациентах: о больных с соматизациями на момент обращения к аналитику, соматизирующих во время анализа, к его окончанию и после него.

Так позже из встреч и размышлений К. Давида, П. Марти, М. де М'Юзана и М. Фэна родилась французская школа психоаналитической психосоматики, отличная от психосоматической медицины, – ИПСО (Институт психосоматики), а позже – и Международная психоаналитическая ассоциация Пьера Марти, членом которой является и автор статьи.

Главное и принципиальное отличие дуальной сомато-психической (термин пишется здесь через дефис не случайно – дефис подчеркивает отношение к душе и телу, понимаемым как разделенные между собой) медицины (сочетающей патофизиологию с некоторыми психоаналитическими концепциями) от монистической психоаналитической психосоматики (при которой человек воспринимается как психосоматическая единица) в том, что интерес клинициста связан не с симптомами, не с заболеванием, а с психическим функционированием заболевшего. Представители ИПСО заметили, что важны не симптомы и заболевания, а уровень организации личности больного. Отныне интерес психоаналитиков направляется не на симптомы и нарушения, не на болезнь, а на заболевшего человека, на его психическое устройство и функционирование.

Подход французской психосоматической школы к соматическим расстройствам покоится на трех главных клинических психосоматических проявлениях (наличие эссенциальной депрессии, оператуарного мышления, оператуарной жизни), которые вместе составляют то, что принято называть «психосоматическим функционированием» (ПСФ). ПСФ было впервые выделено и описано этой же группой французских аналитиков – основателями ИПСО – П. Марти, М. де М'Юзаном, К. Давидом и М. Фэном.

При ПСФ отмечается дефицитарность, недостаточность первичного нарциссизма из-за нехватки ранних материнских инвестиций; изначальная либидинальная слабость, из-за которой в дальнейшем влечения будут с легкостью развязываться при любой травме; конформизм, идущий из желания получить любовь и одобрение окружающих; хроническая усталость, снижение тонуса жизни, бессонница, постоянное напряжение, состояние хронического стресса. Люди с ПСФ живут под давлением Идеалов Я, устремляющих их к постоянному перфекционизму. Сниженная циркуляция между психическими инстанциями первой топки (сз-вс, псз, бсз) приводит к тому, что человек живет будто отрезанный от своего собственного опыта, от своих переживаний, от своей личной истории; коллапс

предсознания приводит к низкой способности к репрезентированию, символизированию, к слабой ассоциативной деятельности (репрезентации соединяются в предсознательном, а оно у них почти не функционирует), поэтому у таких людей обнаруживается слабая ментализация/психизация. Вместо психизации, ментализации (1-й, психический путь) у таких пациентов отмечается навязчивое повторение травмы, идущее из травматического ядра (2-й, поведенческий путь). В целом действия, поведение и характер преобладают у таких пациентов над мышлением и психизацией. Такие люди редко видят сны. Вместо сновидений у них отмечаются кошмары, в которых повторяются травматические ситуации во всей их перцептивно-сенсорной реальности. В целом сновидения людей с ПСФ бедны, редуцированы, лишены своего ониризма. Репрезентативная, фантазматическая, онирическая жизнь скудна, способность к символизации очень слабо выражена. Будто бы отрезанные от личной истории, от собственного опыта (поскольку бессознательное у них не динамично, предсознательное в коллапсе, а циркуляция между психическими инстанциями ослаблена), такие пациенты привязаны к настоящему, к восприятию. Их внутренний мир беден и пуст, да и доступ к нему практически отсутствует.

Именно поэтому они СВЕРХинвестируют реальность, пациенты держатся за перцепцию, за фактическое и за настоящее, поскольку внутри опоры нет – их внутренний мир убог и скуден, переполнен пустотами, непсихизированной первичной материей и возбуждением, которое не удается ни психизировать, ни разрядить. Это одна из важных причин, по которой работа лежат с такими пациентами невозможна.

При ПСФ часто встречается эссенциальная депрессия (ЭД).

ЭД отличается от классической депрессии отсутствием позитивной симптоматики при обилии негативной, свидетельствующей, по мнению А. Грина (*Grenn*, 1993, р. 23–27), о работе негатива – дезобъектализации, стирании работы психического аппарата. При ЭД отсутствуют характерные для классической депрессии тоска, печаль, чувство вины, фантазии и идеи самоуничтожения, самообвинения, что делает ее малозаметной и сложной для выявления. Она может выражаться клинически лишь снижением жизненного тонуса, плохим общим состоянием и постоянными недомоганиями (*Smadja*, 2016, р. 22–25).

ЭД появляется из-за длительной и тяжелой утраты нарциссического либидо. Такая потеря либидо появляется в раннем детстве, она связана с нарциссическими ранами, полученными из-за нехватки нарциссической подпитки со стороны первичных объектов. Потеря либидо происходит затем при всякой нарциссической ране (а рана появляется каждый раз, когда повреждается нарциссизм – любовь и уважение к себе). ЭД обнаруживается не у каждого психосоматического пациента, но у всех оператуарных пациентов с оператуарным мышлением.

Роль нарциссических травм и потерь при соматизации

Как известно, само рождение является травмой; едва родившись, человек переполняется страхами и тревогами и затем травмируется всю свою жизнь. Решение вопроса выхода из травмы является постоянной задачей человека на протяжении всей его жизни. Начиная с первогоря, сначала младенец, затем ребенок, позже взрослый непрерывно пытаются проделать работу горя при каждой потере, на каждом этапе своей жизни; поскольку это длительная работа и она сопровождается невыносимой душевной болью, далеко не каждому и не всегда она удается. Не проделанная работа горя всегда оставляет заметные следы, ее печать просматривается во всякой и в каждой депрессии; неоплаканные горести – важнейшие причины душевных страданий, нарушенного поведения, соматизаций, но есть и приятная сторона явления – именно от такой работы (горя) и зависит здоровье и благополучие каждого из нас (*Kapsambelis*, 2016, p. 24–27; *Kapsambelis*, 2018, p. 15–16). У каждого человека есть возможность излечиться от любого заболевания, но лишь проделав работу горя. Ибо «всякая психическая работа – прежде всего работа горя» (П.-К. Ракамье, 1992, с. 345–351).

Будучи тяжелобольным, умирая от рака и размышляя о причинах смерти, Томази ди Лампедуза пишет о том, что после любой потери, любого горя, душевной травмы и всякого рода психического страдания в душе человека остается осадок. Ежедневные горести и переживания откладывают «осадки горя» в глубине души. Именно они, полагает он, аккумуляясь, разрушают нас и в конце концов приводят к смерти. Об этом же говорит и Мишель де М'Юзан. Он утверждает, что все, что произошло с человеком начиная с первых дней его жизни, но не было им переработано, метаболизировано, впоследствии всегда стремится проникнуть в его душевную жизнь в виде симптомов, недомогания, дискомфорта. Как известно, об этом написал еще Фрейд в 1920 году в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Уже тогда он обратил внимание, что все старые непереработанные травмы и неоплаканные потери постоянно пытаются проявиться, прорваться в настоящем, зачастую в виде навязчивого повторения. Примечательно, что уже в этой работе Фрейд указывает, что навязчивое повторение происходит не только под эгидой влечения к смерти. Позже, находясь в изгнании в Лондоне, Фрейд добавил наблюдение о том, что все, что по разным причинам не смогло быть проработано и ассимилировано, возвращается вновь и вновь не только и не столько из влечения к смерти, стремящегося свести возбуждение к нулю, сколько из влечения к интеграции. Каждое новое проявление навязчивого повторения дает нам возможность проработать хоть какую-то часть старой травмы и благодаря этому интегрировать ее. Эту идею Фрейда позже развил Рене Руссийон, обративший внимание не столько на важность самой травмы и потери как таковой, сколько на помощь окружения (или на отсутствие оной). Руссийон сместил акцент навязчивого повторения на импульсию к интеграции, под эгидой которой все ранние потери, переживания, травмы врываются в актуальную жизнь. Надежда на метаболизацию,

проработку и последующую интеграцию в психический аппарат идет извлечения к жизни. Симптомы, страдания и в конечном итоге – смерть, по его мнению, связаны именно с неметаболизированными переживаниями.

Ядро личности строится вокруг потерь, травм и разрывов, оставшихся на их месте. Французская психоаналитическая психосоматическая школа отмечает, что у каждого человека есть три пути, три возможности совладания с тревогой, потерей, справиться с возбуждением, перерастающим в травму:

1. Психический (ментализация/психизация, проработка).
2. Поведенческий (навязчивое повторение травмы).
3. Соматический (соматизация).

Соматизируют все, но некоторые прибегают к 3-му, соматическому пути чаще других – это люди с психосоматическим функционированием (ПСФ). Психосоматических пациентов называют также «нормопатами» (Д. Макдугалл), поскольку это покладистые, уравновешенные, хорошо адаптированные люди, высокофункционирующие, конформные, избегающие конфликтов, стремящиеся быть добрыми и приятными. Именно это и делает их «нормопатами» – нормальными до патологии. «Все вроде хорошо, и они нормальны, но все слишком хорошо, и они слишком нормальны», – пишет о них К. Смаджа. Они мало чем примечательны, почти не выделяются из толпы, в них нет ни изюминки, ни сумасшедшинки, они редко видят сны, почти не сожалеют о прошлом и еще меньше мечтают о будущем. Живут не так, как им бы хотелось, а «как надо», под эгидой долженствования, неся по жизни свой крест и радуясь, что «он не такой тяжелый, как у других».

Люди с ПСФ относятся к пограничному уровню функционирования, но, по мнению А. Грина (*Greene*, 1993, p. 24–29), являются самым крайним вариантом пограничности, со самой скудной онирической, фантазматической и символизирующей активностью. В целом к соматизациям чаще приводят ситуации потери, причем нарциссические потери (удар по самолюбию, самоуважению, потеря работы, соцстатуса) приводят к ним чаще объектных потерь (смерть любимого человека, разлука с ним).

После неожиданной смерти любимой дочери Софи в 1920 году Фрейд сказал Ференци: «Смерть ребенка – это ужасная пощечина судьбы, тяжелый нарциссический удар. То, что принято называть горем, приходит лишь позже». Смерть друга и пациента фон Фронда также вызывает у Фрейда больше нарциссические переживания, нежели объектные; удар по самолюбию, нарциссическая потеря преобладает над объектной. Это был тяжелый удар по самоуважению, Фрейд уязвлен, начинает сомневаться в эффективности психоаналитического метода, который он применял, обвиняет себя в ухудшении состояния здоровья своего друга и в его смерти. Правда, поскольку Фрейд был гением, он быстро пришел к выводу о том, что лечить аналитическим методом друзей, родных, знакомых невозможно и поэтому не должно. Становится понятно, почему самые серьезные дебаты, появившиеся на ближайшем конгрессе 1922 года, развернулись именно вокруг техники аналитической работы. Изучение случая Матильды (П. Марти) также позволяет отметить начало заболевания

пациентки не после объектной потери, а после нарциссического удара. Любимый брат пациентки попадает в тюрьму, но страдания Матильды связаны не с разлукой с ним (то есть не с объектной потерей), а с тем, что она оказалась плохой воспитательницей для своего брата. Позор, который она пережила при допросе в полицейском участке, лишь усилил ее нарциссические страдания.

У моей пациентки М., 43 лет, рак груди был обнаружен во время медосмотра, через год после развода. В переживаниях М. не звучало сожаление о том, что она потеряла любимого человека, не было ни печали, ни тоски, ни горя, ни даже сожаления. М. была уязвлена в своем женском естестве, она сокрушалась, что ее муж предпочел ей другую женщину потому, что она «недостаточно хороша и молода», плохо выглядит, «он ушел, потому что я утратила красоту, привлекательность, я стала неинтересной. Да и работа у меня не статусная, вообще никакая, ничего хорошего у меня нет».

Через месяц после того, как жена ушла к другому, И., офицер 52 лет, перенес инфаркт. Обратился к психоаналитику после выписки из больницы. Первые месяцы говорил в основном о том, что у жены «не было выбора», ведь она ушла к «человеку рангом выше», твердил, что понимает ее, «не может же быть привлекательным офицер ниже чином», «да и лысеть я начал, пузо появилось». Сказал, что перед инфарктом переживал о том, что ему «так и не удалось дослужиться до новой звездочки», да и на работе к нему стали относиться с меньшим уважением. В его словах не звучала объектная потеря – печаль и горечь из-за потери жены, а лишь нарциссические страдания: «я неудачник, на работе все плохо», «да еще и физически сдал», «я с трудом смотрел на себя в зеркало, я стал старым и некрасивым, думаю, наверное, поэтому жена выбрала другого», «она права, выбрала достойного, лучше меня, я – нижестатистический», «я серая мышь», «посредственность, медведь на ухо наступил, голос вороний, и пишу как курица лапой».

Судьбу каждого из нас определяют влечения – влечение к жизни и влечение к смерти. Как известно, до 1920 года Фрейд противопоставлял сексуальные влечения влечениям к самосохранению, но затем его внимание сосредоточилось вокруг взаимодействия двух важнейших сил, управляющих нашей жизнью, – Эроса и Мортидо, влечения к жизни и влечения к смерти. Либи́до принято делить на нарциссическое (направленное на себя) и на объектное (направленное на объекты, которые становятся любимыми за счет наших либидинальных инвестиций: чем больше мы инвестируем в определенный объект, тем важнее и любимее он становится для нас). Либи́до – это влечение к жизни, его потеря лишает нас сил и причиняет страдания.

Обычно потеря нарциссического либи́до приводит к физическим, соматическим страданиям, а потеря объектного либи́до вызывает тяжелые душевные, психические страдания. Следует отметить, что не бывает чисто нарциссических или чисто объектных потерь, всякая объектная потеря одновременно является нарциссической и наоборот.

Соматизации (Фрейд заболел после смерти друга, которого он не смог излечить, Матильда – обнаружив собственную несостоятельность в качестве воспитательницы, мои пациенты М. и И. – после нарциссических ударов, когда, по их мнению, супруги посчитали их недостаточно хорошими и привлекательными и предпочли им других) чаще всего связаны не с объектными потерями, а с нарциссическими, и у таких пациентов в переживаниях звучат не объектные потери, а страдания из-за собственной неполноценности, ущербности. Соматизации, как правило, появляются вследствие потери не объектного, а нарциссического либидо.

Объектное либидо также страдает при нарциссических травмах, его приходится изымать из объектов, так как оно используется для приостановления геморрагии, истечения нарциссического либидо (для «затыкания» бреши) и возмещения уже утраченного нарциссического либидо. Всякий раз, когда человек переживает нарциссический удар, он стремится к ослаблению объектных отношений, ему приходится изымать часть либидо из своих объектов. Это вынужденная мера; парадоксальным образом она направлена на сохранение либидо, поэтому срабатывает под эгидой влечения к жизни. В целом объектное либидо защищает нас от соматизаций, чем больше у нас друзей, родных, любимых, близких людей и чем инвестированнее отношения с ними, тем реже мы болеем. Почему? Потому что нарциссическую рану удастся закрыть скорее. При нарциссической ране тут же на помощь приходит объектное либидо.

Объектные отношения (с людьми) важны и полезны, они напитывают нас либидинально, но за такие (объектные) потери приходится платить душевной болью. Казалось бы, выгоднее вкладывать в себя, и тогда страданий будет меньше, но за нарциссические потери мы тоже расплачиваемся – соматизациями, по тяжести не уступающими душевным страданиям от потери близких людей. Важным моментом, как для соматизаций, так и для жизни в целом, является состояние влечений. Пока влечение к жизни удерживает влечения к смерти в связанном состоянии, мы можем работать, любить, жить. Как только качество связывания влечений ухудшается, связь ослабевает, Эрос недостаточно удерживает Мортидо и деструктивность, мы утрачиваем трудоспособность и возможность жить полноценной жизнью (*Aisenstein*, p. 33–34; *Deburge*, 2016, p. 45–46). Потеря, как объектная (любимый человек разлюбил, бросил, умер), так и нарциссическая (плохой отзыв, отказ, отвержение, оскорбление, потеря соцстатуса), всегда приводит к развязыванию влечений или к ослаблению связи между ними (*Smadja*, 1999, p. 57–58; *Chervet*, 2018, p. 13–14). Любая травма в своей вирулентности действует как ослабляющий связи фактор. Это проявляется в том числе поворотом агрессии на себя, на Я-тело. В итоге потеря, горе орудуют в недрах тела. Неистово, поскольку потерянный объект стремится вновь проникнуть в тело, чтобы снова разбередить старую рану.

Психосоматический парадокс

Как в психиатрической, так и в общемедицинской практике отмечается категория пациентов, у которых соматизация, даже тяжелая, вопреки ожиданиям, приводит к повышению их настроения. Этот транзиторный феномен был назван «психосоматическим парадоксом» (Смаджа, 2014, с. 68–69). Психосоматический парадокс, сопровождающийся активностью, выраженным оживлением, душевным подъемом, приливом сил, следует отличать от маниакального состояния, в том числе и от «белой мании» Дюпарка, от реактивной мании (Белокрылов, 1997, с. 18–20), – от состояний, несколько сходных по поверхностным клиническим проявлениям, но сильно отличающихся при пристальном рассмотрении. В отличие от маниакальных реакций и состояний при психосоматическом парадоксе аффективная сфера не затрагивается, отмечается лишь двигательная гиперактивность, настроение не повышается; нет ускоренной речи и мышления, отсутствует «скачка идей»; не обнаруживается завышенной самооценки, повышенной отвлекаемости, характерных для маниакальных состояний. Маниакальные состояния сходны с гиперактивностью пациентов с психосоматическим функционированием тем, что в обоих случаях наблюдаются повышенная активность в двигательной сфере, извращение инстинкта самосохранения со снижением потребности в еде и сне, могущие привести к истощению иммунной системы. Психические расстройства при истинных маниакальных состояниях во многом определяются интенсивностью психотравмирующего воздействия и варьируют в широком диапазоне расстройств от невротического до психотического уровня (Белокрылов, 1997, с. 22–24). Следует подчеркнуть, что эти состояния – психосоматической гиперактивности и маниакальное состояние – абсолютно отличны метапсихологически. В основе маниакального состояния (которое является защитой от депрессии) находится отрицание болезни и ее опасности. При психосоматическом парадоксе болезнь не отрицается, наоборот, пациенты прекрасно отдают себе отчет в том, что они больны. Более того, парадоксальным образом их состояние тем легче, чем тяжелее заболевание. К. Смаджа (Смаджа, 2014, с. 89–90) приводит случаи, когда раковые пациенты начинали чувствовать себя гораздо лучше, как только узнавали о том, что у них появились метастазы. Отчасти это объясняется тем, что присутствующая у них до заболевания или обострения безобъектная депрессия становится объектной за счет появления нео-объекта – больного органа (*Kapsambelis*, 2016, р. 12–14; *Kapsambelis*, 2018, р. 33–34). Важную роль в облегчении состояния пациентов с психосоматическим парадоксом играет присутствующая у них до болезни эссенциальная, то есть безобъектная, депрессия. При соматизации эссенциальная депрессия, характеризующаяся снижением витального тонуса, отступает (правда, ненадолго). Новое чувство кажущегося благополучия органически связано так же и с тем, что Марти и Смаджа называют «медицинской функцией»: врачебными осмотрами, сбором анамнеза, анализов, интересом к персоне больного, к его физиологическому и, нередко, психическому функционированию. Интерес к пациенту, инвестирование

со стороны медперсонала напитывают нарциссически психосоматических больных с изначально дефицитарным первичным нарциссизмом. Психосоматический парадокс зиждется на новой экономической данности, строящейся из метапсихологических отношений, с одной стороны, между первичной нарциссической нехваткой при эссенциальной депрессии и, с другой стороны, вторичным нарциссическим преимуществом, следующим за соматизацией. Этот эволюционный путь хорошо соответствует конъюнктуре психосоматического парадокса, так как парадоксальное измерение исходит из того факта, что соматическая болезнь может послужить сохранению индивида и его реконструкции, реорганизации. Именно больной орган или заболевание являются тем организующим центром, вокруг которого пациент может реконструировать себя, инвестируя больной орган или само заболевание. Больной орган становится объектом для пациента, а, как известно, развязанные влечения (приведшие к появлению тяжелой соматизации) могут вновь соединиться лишь на объекте. Такого рода соматизации были названы Марти «реорганизующими соматизациями». Медицинский уход и забота родных приводят к дополнительному нарциссическому подъему. Благодаря заболеванию пациент обретает значимость, становится более ценным, что значительно подпитывает его здоровый нарциссизм.

Другое объяснение психосоматического парадокса пациентов с психосоматическим функционированием связано с тем, что у них нередко обнаруживается моральный мазохизм (*Green*, 1993, p. 12–13; *Guttieres-Green*, 1999, p. 21–23; *Smadja*, 2016, p. 37–39) вкуче с бессознательным чувством вины. Не случайно такими пациентами болезнь воспринимается как наказание, быстро снижающее чувство вины (правда лишь временно) и приводящее к значительному облегчению.

Пациентка К. узнала о раке груди случайно при медосмотре, ей сразу предложили госпитализацию, но К. в больницу не спешила, тем более что, узнав о тяжелом диагнозе, она испытала душевный подъем: «На душе было легко, появилось много сил, я не уставала, как раньше. Хотелось работать, я даже прошла интервью и устроилась еще на одну работу. Я все успевала и не уставала. Навещала подруг, которых давно не видела, начала заниматься фитнесом». «Я бы оперироваться не пошла, зачем, если я чувствовала себя хорошо, но ко мне приехали мои родственники и сказали, что забирают в город Н. на операцию». К. была прооперирована, ей удалили одну грудь, затем сразу провели лучевую терапию, так как были обнаружены метастазы. Находясь в больнице, еще до операции, К. «целенаправленно занялась исследованием психики больных», поскольку предполагала, что ее повышенное настроение, появившееся после объявления диагноза, было не совсем нормальным. Оказалось, что и некоторые другие пациентки испытали что-то подобное. Это ее успокоило: «Я поняла, что я не такая уж сумасшедшая». Тогда же она начала искать объяснение своей болезни, воспринятой ею как Божья кара: «Я соблазняла грудью мужчин, поэтому мне и удалили одну грудь». Позже эти ее квазибредовые идеи видоизменились: «Я не хотела кормить

грудью своих детей, вот мне и отрезали ее». Во всех толкованиях болезнь понималась ею как наказание.

Рак легких был обнаружен у М., 38 лет, через полгода после развода. Ей была предложена немедленная госпитализация для проведения операции. М. была удивлена своей, как ей показалось, «абсолютно безумной реакцией» на известие о тяжелом диагнозе: «Мне было жалко ложиться в больницу, я впервые почувствовала себя легко и хорошо. Дома я переделала кучу дел. Я много работала и не уставала».

Важной знаковой чертой психосоматических расстройств, которая отличает их от конверсионных истерических соматических расстройств, является изначальное отсутствие скрытого, бессознательного смысла у первых. Правда, сами больные нередко пытаются найти объяснение, но речь идет о рациональном, сознательном поиске скорее объяснения, нежели смысла. Во время терапии благодаря вторичной истеризации (Швек, 2016, с. 11–114), свидетельствующей о хорошей работе, ведущей к невротизации, у пограничных психосоматических личностей появляются и бессознательные смыслы, но к излечению это не приводит, и это нас не удивляет – не они ведь были причиной болезни. А вопрос о том, найдены ли эти смыслы пациентами или они навязаны аналитиком, представляет предмет споров и дискуссий уже не одно десятилетие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокрылов И. В. Реактивные мании: дис. ... канд. психол. наук / Белокрылов И. В. Москва, 1997. 149 с.
2. Смаджа К. Оперативная жизнь. Москва: Когито-Центр, 2014. 256 с.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Психология бессознательного. Питер, 2006. 170 с.
4. Швек Ж. Добровольные галерщики. Москва: Когито-Центр, 2016. 200 с.
5. Aisenstein M. A propos du texte de Sàra Botella, pensées après-coup sur le perceptif. P. 31–35.
6. Andre G. 1993 Le travail de negative Ed de Minuit Paris. P. 23–45.
7. Chervet B. Destructivité, éprouvé de manguet et fluctuations du surmoi. P. 53 Revue française de psychosomatique. № 54. PUF 2018.
8. Deburge A. Le perceptif en psychosomatique, discussion du texte de Guy Lavallée. P. 77–81 Revue française de psychosomatique. № 49. PUF 2016.
9. Guttieres-Green L. De la douleur somatique à la douleur psychique. Discussion du cas de Marina Papageorgiou. P. 111. Revue française de psychosomatique. № 15. PUF 1999.
10. Kapsambelis V. Perception et object. P. 117–121. Revue française de psychosomatique. № 49. PUF 2016.
11. Kapsambelis V. Désorganisations et destructivité. P. 95 Revue française de psychosomatique № 54 PUF 2018.
12. Lucas G. La Psychosomatique, dir. Félicie Nayrou et Gérard Szweck. P. 157 Revue française de psychosomatique. № 54. PUF 2018.
13. Racamier P.-C. Le génie des origines Payot 1992. P. 345–351.
14. Revue française de psychosomatique. № 49. PUF 2016.

15. *Smadja C.* L `énigme de la douleur dans la dépression essentielle. P. 25. Revue française de psychosomatique № 15. PUF 1999.
16. *Smadja C.* Une découverte de la psychanalyse: la psychosomatique. P. 11–14. Revue française de psychosomatique. № 49. PUF 2016.

Some aspects of psychosomatic functioning. Features of psychoanalytic psychosomatics

L. I. Fusu

Fusu Larisa Ivanovna, psychiatrist-narcologist, PhD in medical sciences, psychoanalyst (IPA), member of the SPP (Paris Psychoanalytic Association), psychoanalytic psychosomatics (IPSO), member of the International Psychosomatic Association named after P. Marti, Rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chisty prudy.

In the 50s of the twentieth century, French psychoanalysts identified and described a separate group of patients with psychosomatic functioning. These are patients with essential depression, deficiency of primary narcissism, poor oniric and fantasmatic life, practically incapable of grieving. Narcissistic losses (social status, respect) are more dangerous for them than object losses, since they lead to the leakage of already insufficient narcissism and, as a consequence, to somatization. In some patients, the news of a serious diagnosis leads to a spiritual uplift, a surge of strength, a state resembling manic excitement. However, it is fundamentally different from this and is called the psychosomatic paradox.

Keywords: unobjective depression, essential depression, operatic thinking, primary mental matter, conformism, libidinal weakness, primary narcissism, mentalization, unobjectalization, narcissistic trauma, somatization, first topic, narcissistic libido, grief, destructiveness, psychosomatic paradox.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Клиника инцеста

Т. С. Теплякова

Теплякова Татьяна Сергеевна – клинический психолог, психотерапевт, докторант факультета клинической психологии, психопатологии и психоанализа, Университет Монпелье имени Поля Валери, Франция.

В данной статье мы рассмотрим инцест в его дезорганизационном влиянии на психическую жизнь человека и на терапевтический процесс.

Ключевые слова: инцест, сексуальный травматизм, родительские фигуры, перенос – контрперенос, соматизация.

Сексуальный травматизм, как и любой травматизм, выделяет на первый план его экономический аспект: во время травмы происходит переизбыток возбуждения, на который психика неспособна адекватно ответить. Психологической травмой мы называем ситуацию, где количество воздействующих «негативных» внешних факторов на психику превышает ее способность качественно задействовать свои ресурсы для анализа и «переработки» данных факторов. Ребенок, подвергнутый сексуальному насилию, сталкивается с сексуальностью взрослого. Впоследствии ребенок испытывает сложно *представляемые* чувства, которые он не может переработать в адекватной форме.

Одной из характерных особенностей работы с пациентами, пережившими инцест, является их радикальная и массивная манера коммуникации. Эта *радикальность* и *массивность* проявляются отчетливо в переносно-контрпереносных отношениях, «заставляя» терапевта переживать иногда *невыносимые* моменты и состояние полного хаоса.

В данной статье мы рассмотрим один клинический случай, связанный с проблематикой одной из форм сексуального насилия – инцеста. Интенсивность и единичность наших встреч с пациенткой, переносно-контрпереносные отношения, ее (пациентки) трудности в поисках, попытках конфигурации своего опыта, а также особое влияние «проблематики» пациентки на терапевтический кадр будут являться отправной точкой данной статьи.

«Предзнакомство» с Марией

Мария была направлена ко мне моей коллегой из Психологического центра после их двухлетней терапевтической работы. Она была мне представлена как *трудный* пациент с *тяжелой* историей, который *постоянно «атакует»* терапевтический кадр и отношения с терапевтом. Несмотря на двухлетнюю работу с Марией, моя коллега *мало чего* могла о ней сказать: «Я не понимаю, там какая-то **гробовая пустота**... Как будто нет ничего...»; «она избегает любого **контакта**, любого **взгляда** другого человека»; «за два года я видела ее всего шесть раз, на остальные встречи она просто без уведомления не приходила»; «она вызывает у меня чувство полного бессилия». Последние четыре месяца Мария регулярно записывалась на прием, но не приходила ни на одну встречу. В итоге они с терапевтом приняли совместное решение, что Мария сменит психолога. Мария записалась ко мне на прием спустя шесть месяцев после окончания ее последней терапии. Причиной возобновления терапии она назвала «плохое психологическое самочувствие».

Мария. Марии 26 лет (но выглядит она старше). У нее нет образования, и она никогда не работала.

Некоторые элементы из истории. В 2015 году Мария написала заявление в полицию на своего отца, обвинив его в изнасиловании. В возрасте с 8 до 12 лет отец ее насиловал «три-четыре раза» в неделю. Первый раз это случилось во время летних каникул, которые она проводила у бабушки. Отец приезжал каждые выходные. В тот день бабушка занималась огородом.

У Марии есть три брата и одна сестра, у всех детей разные отцы. Мария – последний ребенок.

Когда Марии было 13 лет, ее старший брат написал заявление в полицию, обвинив отчима (отца Марии) в сексуальном насилии. Отчим был осужден на пять лет.

Несколько лет спустя второй брат Марии, как и ее сестра, также написал заявление в полицию, обвинив их отчима в сексуальном насилии, но их заявление не было принято за сроком давности.

Первая встреча

Мария опаздывала на первую встречу. Спустя 20 минут я увидела женщину, входящую в Психологический центр, и сказала себе: «Это она». Ее внешний вид произвел на меня сильное впечатление. В первое мгновение я подумала, что она следует готической философии: черная одежда, черный макияж, черные татуировки, многочисленный пирсинг, тяжелый взгляд, к которому тоже хочется добавить слово... «черный».

Зайдя в кабинет, Мария без замедления села в кресло, на самый его край, пристально смотря на меня и... широко улыбаясь.

Холодным, безэмоциональным голосом Мария начала разговор, сказав, что суд над ее отцом состоится через пять месяцев. Для этого она должна поехать в другой город, где сейчас живет ее отец. Мария не хочет туда

ехать. Она сильно сомневается в судебном процессе, она не хочет снова видеть своего отца: *«Я не могу его видеть. Я не хочу повторять все это снова и снова перед незнакомыми людьми».*

Мария долго сомневалась, перед тем как пойти в полицию, она боялась реакции своих близких. Братья и сестра ее поддерживали, но ее мать и бабушка, несмотря на то что отец уже был осужден в подобном преступлении, прервали все с ней контакты. Мария очень на них злится.

После долгой паузы Мария прерывает молчание, говоря, что ей *«все равно, так как ее мать всегда была "тряпкой". Она (мать) никогда не умела о ней заботиться».*

Мария была замужем, в браке у нее родился сын, ему пять лет. С мужем она прожила четыре года. Отношение супруга к ней изменились в первый год замужества, после того как она познакомила его с отцом во время летнего отпуска в доме бабушки, где Мария была первый раз изнасилована. К большому удивлению Марии, ее муж быстро нашел общий язык с ее отцом, несмотря на то что он *«знал все, что отец с ней сделал».* После проведенных совместных каникул вместе с ее отцом и бабушкой муж Марии *«стал»* с ней жестоким. Последующие четыре года муж регулярно ее избивал – до того дня, когда он *«перешел последнюю черту».* В тот день он избил ее *«сильнее, чем обычно».* Мария вызвала полицию и написала на него заявление. Мария также вспоминает один из дней, когда муж начал ругать ее из-за пересоленного ужина и потом избивать, тогда Мария взяла кухонный нож и порезала себе руку. Муж отвез ее в отделение скорой помощи. Впоследствии, в течение года, Мария прошла через периоды аутомутилизма (скарификация и трихотилломания) и в тот же год она совершила три попытки суицида. Все таким же холодным и механическим голосом Мария говорила, что в психиатрической больнице, куда она поступала каждый раз после ПС, она чувствовала себя *«в безопасности».* Сегодня Мария утверждает, что *«суицидальный период для нее – это пройденный этап».*

После развода Мария потеряла опеку над сыном, что она тяжело переживала вначале. Ее бывший муж получил полную опеку над сыном, Мария может с ним видеться во время каникул и два выходных дня в месяц. Сегодня Мария не хочет иметь равноценную с мужем опеку, ее все устраивает: *«Мне так лучше. Я могу делать что хочу. Два выходных в месяц – это идеальный вариант».*

В настоящее время Мария состоит в отношениях с мужчиной намного старше ее. Они живут вместе. Мария находится в полной от него зависимости. Он даже в определенный момент уволился с работы, чтобы постоянно с ней находиться. Мария выходит на улицу только в его сопровождении. Четыре месяца назад ее гражданский муж устроился на работу, Мария проводит целые дни дома одна. Она часто звонит ему и просит помахать ей рукой, его офис находится в противоположном доме, Мария может постоянно его видеть в окне, ее *«это успокаивает».*

Внезапно Мария меняет тему и говорит мне, что несколько недель назад она перестала принимать антидепрессанты и нейролептики. *«Все равно все психиатры – дураки. Да и психологи тоже. Никто не может меня*

понять! И вы не сможете!.. Никто!» Сегодня она «*больше никому не позволит сделать ей больно*», и она «*предпочитает нападать первой*». Мария считает себя «параноиком» и говорит, что она «*ненавидит людей*». Затем с улыбкой на лице Мария почти скороговоркой в деталях описывает сцены совершенного над нею сексуального насилия.

Когда Марии было 12 лет, отец «*бросил*» семью ради другой женщины. Все контакты с ним прекратились в то же время. Мария жила с матерью в течение семи последующих лет. Она описывает данный период как «праздник». Мария часто ходила с друзьями в кино, клубы. В один такой вечер, когда Марии было 18 лет, она познакомилась со своим будущим мужем. В то же время она восстанавливает контакт со своим отцом.

В конце встречи Мария без колебания соглашается на вторую встречу через неделю.

Между первой и второй встречей

На следующую встречу Мария не пришла и не предупредила. Секретарь центра ей позвонила, и Мария подтвердила, что придет на следующей неделе. В назначенный день Мария не приходит. Моя коллега сказала, что мне надо «*привыкнуть и смириться*», так как Мария «*она такая*». Мария также пропустила многие встречи с психиатром и медицинскими сестрами.

В связи с групповой супервизией, которая выпадала на тот же день, нашу следующую встречу с Марией я перенесла на другой день недели.

Мария пришла на встречу три недели спустя.

Вторая встреча

Мария опаздывала.

После нашей последней встречи Мария начала «поиски» своего отца в интернете. Она его нашла в Facebook. Мария в ярости. «*Он такой счастливый на фотографиях, у него все хорошо*». Она «*не понимает*», как он может спокойно жить после всего, что он сделал. Мария приняла решение, что она будет свидетельствовать против отца на процессе, но на дистанции, благодаря системе видеокommunikации в районном отделении полиции. Она «*сможет*» это сделать, только если ее спутник будет ее сопровождать (Мария пропустила три последние медико-психологические экспертизы, так как ее спутник не смог ее сопроводить в эти дни).

Мария возвращается к теме агрессии и злости, которые она постоянно ощущает в себе. Она испытывает сильное желание бить других людей, для этого она хочет записаться в секцию тайского бокса. «*Мне необходимо быть жестокой. Для меня это огромная разрядка. Я знаю, что я способна убить*». Мария почти не выходит на улицу, она боится, что «*взорвется*», она не выносит «*недобрые и подозрительные*» взгляды окружающих и боится, что не сможет удержаться и ударит их.

Мария испытывает эту агрессию с восьми лет. В школе она была своих сверстников, в результате чего часто меняла класс или школу.

«Директор школы говорил моей маме, что я должна пойти к психологу, но она ничего не хотела слышать».

Ее мать «не была хорошей матерью». В детстве для Марии она была «холодной», «эмоционально отсутствующей». «Она оставляла своих детей со своим мужем, педофилом и извращенцем», «она нас не защищала». Когда Мария стала взрослой, ее мать хотела «все контролировать в ее жизни. Она мне указывала, что я должна и не должна делать. Она мне говорила, что я плохая, унижала меня перед моими друзьями. Говорила, что я не способна быть матерью».

После паузы, с улыбкой на лице, Мария говорит, что ей повезло встретить своего гражданского мужа. Благодаря ему она смогла покинуть дом матери. Когда он на работе, она плохо себя чувствует. «Когда его нет, я играю в покер в интернете. Я могу играть дни и ночь напролет. Это меня успокаивает. Игра отвлекает от разных мыслей, и я не чувствую себя одной, так как по ту сторону монитора всегда есть кто-то». Мария добавляет, что интернет для нее – это «окно во внешний мир», она может в полной безопасности общаться с другими людьми и, главное, «нет физического контакта».

Несколько минут спустя Мария говорит, что уже несколько месяцев она не спит ночью «из-за разных мыслей». Чтобы себя успокоить, Мария ест ночью «все, что находит» и несколько минут спустя вызывает рвоту. Только после этого «ритуала» она может уснуть.

Вторая наша встреча была последней. Мария больше не пришла ни на одну из впоследствии предложенных встреч.

Клинический анализ

Переносно-контрпереносные отношения и переживания

Вышепредставленный случай, я думаю, является одним из показательных по интенсивности переноса-контрпереноса в клинике сексуального травматизма.

Постоянные опоздания и долгие ожидания пациентки дополнялись тяжелой, давящей атмосферой встреч, частым «гробовым» молчанием, которое я переносила не без труда. Молчание Марии часто сопровождалось улыбкой, которая в один момент показалась мне оскалом. Иногда в моменты тишины Мария уходила в себя, а иногда создавалось ощущение, что она полностью отстранялась от реальности, как при меланхолическом отстранении.

Встречи с Марией проживались в сидерации, которая, я думаю, брала свое начало в идентификации с жертвой. Они отражали состояние оцепенения от ужаса, при котором Мария находилась полностью в пассивном положении.

Мария во время встреч «давала» или скорее «заставляла» меня переживать в контрпереносе то состояние полного оцепенения, то состояние экстремальной «пассивности», которое она испытывала во время насилия. Я стала непосредственным ее наблюдателем. В данном «виде»

переносно-контрпереносных отношений я вижу то, что мы могли бы назвать «призывом к травматизму». Под «призывом к травматизму» я подразумеваю некоторый способ пациента травмировать психолога и «вынуждать» его (психолога) к проживанию его (пациента) травматического опыта. Каролин Гарлан (*Garland, 2000*) говорит, что, возможно, такие тяжелые контрпереносы указывают не просто на «реванш», но и на «ниспровержение» травматизма, на надежду на избавление от его ужаса и дистресса, путем перекалывания его на плечи психолога, для того чтобы он с ним сам «разобрался». Согласно ей, «выживший» не имеет других способов «донести» (до психолога) свой травматический опыт, кроме как через интенсивную проективную идентификацию.

Другой стороной контрпереносных отношений были часто меняющиеся представления о Марии в разные моменты терапии или скорее их несоответствие. В первую очередь Мария вызывала у меня представление «*маленькой избитой и брошенной девочки*». Затем появилось чувство, что она просто мне «*выворачивает свою душу*», ничего не ожидая в ответ, что ее «речь» была заранее приготовлена и проиграна. Первое желание «всеми силами помочь» сменялось состоянием «нечувствительности» (возможно, как ответ на дезаффектированное содержание рассказа Марии). Это несоответствие представлений имело тесную связь, как я думаю, с диссоциативным поведением пациентки, которое проявлялось в несоответствии содержимого ее рассказа эмоциональному сопровождению, как, например, тот факт, что Мария описывала травматические сцены ее жизни, улыбаясь.

Мои попытки во время наших бесед развить, углубить ту или иную ситуацию были обречены на провал. У меня появилось чувство, что Мария со мной *играет*.

Содержание и развитие терапии, длительные пропуски между сеансами вызывали странные чувства и представления – чувство «*отсутствия связи*» и что «*чего-то не хватает*» в истории Марии.

С другой стороны, трудности, которые испытывала Мария, чтобы прийти на нашу встречу и «озвучивать» пережитый ею травматизм, и данная динамика клиники сексуального травматизма ставили меня перед вопросом «границ» терапии данного травматизма, перед проблемой «экстремальной ситуации субъективности» (*Roussillon, 1991*). Я чувствовала, что любые попытки войти в личное «психическое» пространство Марии, в ее «*кокон*», который у нее получилось сплести и сохранить, могли быть расценены как интенсивно персекуторные.

Чувство беспомощности отчетливо проживалось в переносе-контрпереносе как фигура первичного инфантильного дистресса. Данное переживание отсылало меня к моей собственной уязвимости. Перенос был массивен и мгновенен – возможно, потому, что травмированный субъект должен постоянно справляться с некоторой формой дезорганизации, как если бы он потерял одну часть себя и должен постоянно «опираться» на терапевта (или на другого человека), чтобы сохранить психическое, пусть временное, равновесие.

Мария приходила в Психологический центр за помощью, потом она исчезала, затем она снова возвращалась. За все время Мария смогла «вынести» не более шести встреч (с большими пропусками между ними) с одним психологом. Я задавала себе вопрос: «Почему?» Мне кажется, что запрос о помощи Марии можно сформулировать следующим образом: «Помогите мне, но я не могу разлучиться со своим душевным страданием. Если я не страдаю, я не существую», – как будто Мария выживала *через* свой травматизм.

Мы можем предположить, что для Марии репрезентация ее травматического опыта затруднена. Данное затруднение исходит из определения травматического опыта как опыта, который превышает способности субъекта к символизации. С другой стороны, новый парадокс делает репрезентацию травматизма почти невозможной, так как репрезентация *нерепрезентабельного* несет в себе для Марии деструктивный характер. Возникает ощущение, что для нее любая попытка репрезентации травматизма, его формы и смысла, несет в себе глубокую нарциссическую травму. Мария придала определенным смыслу, отдельное психическое инвестирование ее «особенному» травматическому опыту. Следуя данной логике, «особенность», «исключительность» ситуации Марии, за которую она держится, чтобы выжить, с каждой попыткой репрезентации подвергалась бы опасности, как если бы репрезентация данного опыта вела к последующему его упрощению, «банализированию» или, возможно, даже к его отрицанию. В своем травматическом опыте Мария «держалась» за трагедию ее ситуации, за ее «исключительность», чтобы выжить. Позиция «травмированного человека» есть исключительная, особенная позиция. Возможно, это также могло бы объяснить моменты критики или даже ненависти Марии к терапевту или другому медицинскому персоналу.

В отдельные моменты создавалось ощущение, что мое присутствие угрожало Марии, так же как объект может угрожать субъекту (своими хорошими или плохими аспектами). С другой стороны, присутствие психолога было необходимым для Марии именно для того, чтобы иметь «возможность» его ненавидеть. Экономическая сторона травматизма Марии парадоксальна (так же как и при пограничных состояниях), она нуждается в присутствии объекта, который можно позволить себе разрушить в полной безопасности для себя.

Осознание «постоянного» присутствия психолога в Психологическом центре было для Марии необходимым. Она снова и снова туда возвращалась, чтобы удостовериться, что он (психолог) там, что он «жив» и что она его не разрушила. Данные акты ненависти, атаки терапевта указывают также на *тревогу потери*, на тревогу его (терапевта) потерять.

С другой стороны, психолог представляет собой хорошую материнскую фигуру, она позволяет переживать в терапии союз по типу связи матери и младенца, союз, которого Мария не имела в силу тех или иных недостатков ее ближайшего окружения. Терапевт, как хорошая материнская фигура, вызывает в первую очередь у Марии страх – страх, что эта фигура

исчезнет, «бросит» ее. В связи с этим парадоксальным образом Мария одновременно и провоцирует, и избегает данного состояния в переносе.

Мария борется с внутренними объектами, которые либо слишком угрожающие, либо слишком идеализированные, и в терапии данные объектные отношения интенсивно направлены на психолога. Возможно, что Мария после первой встречи не была «уверена», что я смогу выдержать «контакт» с ее внутренними объектами, в результате она не приходит на следующую встречу.

Мария вызывала у медицинского персонала сильное желание «помочь ей во что бы то ни стало». Возникает вопрос о связи между седукцией и травматизмом.

Поль-Клод Ракамье (*Racamier, 1996*) уделял особое внимание «нарциссической седукции» в терапии. Он определял нарциссическую седукцию как «способ защиты от объектных импульсов, желаний и тревог, которая их сопровождает». Для него седукция в терапии изначально отражает отдельную форму отношений между матерью и ребенком. В нарциссической седукции любые эдиповы репрезентации исключаются. Инцест также исключает любые эдиповы репрезентации инцеста. В то же время он является одной из причин зарождения нарциссической седукции, которая для матери будет последней попыткой распознать, а для пациента – дать ей возможность распознать нарциссическую рекуперацию эдиповых желаний ребенка.

Несмотря на то что Ракамье описывал данный тип ранних отношений в анамнезе психотических пациентов и в переносе и контрпереносе терапевтов, которые с ними работали, я думаю, что мы также можем встретить данные отношения и при работе с жертвами инцеста.

Данный тип отношений занимает важное место в функционировании Марии, заставляя ее чувствовать снова и снова тревогу сепарации, проявляясь в ее пропусках сеансов, где в парадоксальной форме она присутствовала в отсутствии, что подтверждает мысли Ракамье.

Говоря о других защитных механизмах Марии, мне кажется, что мы в данном случае имеем дело с формами более архаичными и массивными, чем обычное вытеснение (но которое не исключено).

Мария выдвигает на передний план скорее действие, чем фантазию, атаку мыслительного процесса, чем его избегание, а также аддиктивные и соматические решения.

Главная для нее задача заключается в обеспечении ее существования, ее выживания (психического и физического) и ее идентичности. Мария обладает способностями к символизации, к использованию вторичных процессов, но в преобладающей мере она прибегает к таким методам защиты, как отрицание и расщепление (расщепления Я, в Я и объекта), идеализация и массивная проективная идентификация. Ее психическая жизнь основывается на сосуществовании противоположных процессов, на компульсивном повторении и действии-реакции, на деструктивности. В терапии столкновение с такими разными процессами пациента может в свою очередь привести терапевта к затруднениям в мышлении, представлении, фантазировании и спровоцировать «парадоксальный»

(*M'Uzan*, 1994) или «симбиотический» (*Searles*, 1995) тип отношений, где их аффективная сторона отличается особенной интенсивностью.

Данные защитные механизмы помогают Марии бороться с тревогой потери объекта и с генитальными фантазиями. Идеальное Я борется еще сильнее с Оно и реальностью.

В отношениях с другими людьми Мария ищет защиту, и в то же время они (отношения) имеют персекуторный и интрузивный характер. Избегание неудовольствия доминирует над поиском удовольствия, где объект отдаляется, Я удаляется, реальность ненавидится. Я думаю, что экономическая сторона данного функционирования отчасти может объяснить насилие контрпереноса и многочисленные атаки терапевтического кадра.

Булимия как попытка проработки травмы

Рассмотрим отдельно соматизацию Марии, а именно ее приступы булимии-рвоты. С одной стороны, акт рвоты может быть также рассмотрен как попытка избавиться, вытолкнуть плохой объект.

С другой стороны, приступы позволяют Марии на некоторое время «уйти», отстраниться от реальности. Данное отстранение не становится ли барьером для возвращения дефектного опыта в отношениях мать – ребенок, этой первичной травматической ситуации, которая является продолжением соматопсихического уровня, отдельного от Я и субъективности? Сталкиваясь с примитивными телесными тревогами (как, например, упасть в пустоту), булимический акт не исполняет ли функцию «кокона» аутистического типа, который «отделяет» субъект от этого травматического опыта? Субъект держится за эту аутистическую форму-чувство (которое рождается в движении еды «туда-обратно»), так как она позволяет ему бороться со страхом исчезновения.

Проведение аналогии между аутистической «коканизацией», в которой субъект функционирует с целью ухода, в первую очередь, от депрессивного состояния, и отстранением с помощью булимии-рвоты позволяет нам еще раз поднять вопрос об изъяне в отношениях мать – ребенок и, как следствие, повреждении психической оболочки.

Изъян в отношениях мать – ребенок указывает на травматическую психическую потерю, на потерю на уровнях Я-чувство и объект-чувство. В первичных отношениях с матерью Мария, возможно, пережила этот изъян. Данная потеря негативно влияет на конституцию Я телесного, и в нашем клиническом случае она была нарушена во второй раз сексуальным травматизмом.

Возможно, что через акт рвоты, через его повторение, Мария пыталась справиться с травмой в том месте, где она произошла. Фрейд писал в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (*Freud*, 2002), что для того, чтобы справиться с травматизмом, психике необходимо повторять травматическое событие снова и снова, чтобы к нему «привыкнуть» и «приспособиться» и таким образом быть к нему готовым, когда оно снова произойдет. Соматизация есть для психики Марии способ «возвращения на место

насилия» и подготовка для проработывания травматизма. Повторяющийся инцестуальный акт осуществлял сексуальный *взлом* снова и снова и тем самым ослабил (или разрушил?) внешний пласт психической оболочки Я-кожа (Anzieu, 1995) и, как следствие, ее изначальную функцию. В связи с этим возникает вопрос: булимическо-рвотный акт, не несет ли он в себе попытку репарации границ между внешним и внутренним?

В булимическом кризе мы можем увидеть проявление актуальной конфронтации с архаичным и деструктивным объектом. Трудности интериоризации, которые телесно проявляются в рвоте, остаются (до сих пор) в регистре неосмысленного.

Булимическо-рвотный акт давал Марии чувство существования, как если бы обращение к телу и к его чувственности несло в себе изначальную внутреннюю функцию защиты от возвращения *ужасающего* расщепленного (концепт «безымянного ужаса» У. Биона). Данное поведение, я думаю, мы можем отнести к *парадоксальному* виду, где поведение субъекта приводит его к самодеструкции с целью поддержания чувства существования.

Идентификация с агрессором

Важность и необходимость повторения в работе травматического опыта указывает еще раз на его (травматического опыта) парадокс: травматическое событие, которое субъект хочет абсолютно забыть, постоянно дает о себе знать.

Мария говорила, что в школе она была агрессивна вербально и физически с другими детьми. Сегодня Мария испытывает желание ударить другого человека каждый раз, когда она выходит на улицу. В своих действиях и фантазиях она повторяла и повторяет на других ею пережитую травму. В действии она принимала активную позицию, она управляла ситуацией, она отыгрывалась на других, которые в свою очередь становились объектами.

Альберт Сиккон (Ciccone, 2008) говорит, что данное поведение отражает типичную проективную идентификацию, где субъект проективно себя идентифицирует с агрессором с целью заставить третье лицо пережить «идентичную» (ему) травму. В данном механизме заложен экономический аспект травматизма. В описанном клиническом случае все происходило так, как если бы психика Марии в ситуации психического страдания переносила свою успокоительную функцию на страдание и напряжение агрессора, где агрессор становился в свою очередь единственным человеком, который мог что-то чувствовать и с кем она (Мария) могла бы себя идентифицировать.

С другой стороны, не можем ли мы задать себе вопрос: не этот ли механизм идентификации присутствовал в отношениях Марии с отцом и мужем?

Реакция Марии на уход отца из семьи к другой женщине указывает на нарциссическую природу данного травматизма. Следовательно, за инцестом стоит двойная нарциссическая рана: во-первых, уход отца

реактивировал первую потерю родительской нежности. Во-вторых, потеря инцестуального отца (но который, в некотором смысле, уделял ей внимание). После ухода отец стал «обычным» мужчиной, который «бросил» ее ради другой.

В отношениях с мужем Мария «терпела» его насилие в течение трех лет. Какое место мы можем отвести данной толерантности в психической экономике Марии? В повторении деструктивного опыта и переживания Мария, возможно, нашла способ для «выживания» и сохранения внутреннего объекта. Мы можем предположить, что сохранение объекта, инкорпорация своего отца (садиста и педофила) или своей «холодной» матери, позволило Марии в первую очередь чувствовать их «немного» живыми в ней. Следуя данной логике, мы можем предположить о наличии другого способа психического выживания: Мария повторяла свой травматический опыт, «вынося» насилие мужа, который, как она говорила, *стал как ее отец*, чтобы иметь возможность отомстить насильственному объекту (через идентификацию с агрессором), пытаясь себе его (объект) присвоить или, возможно, даже символизировать данный опыт.

В завершение мне бы хотелось отдельно остановиться и поразмышлять о форме прекращения терапевтической работы с Марией. Мария по-своему завершила нашу с ней работу. После второй встречи она перестала приходить на встречи без предупреждения и объяснения, она просто пропала. Это ее исчезновение мне снова напомнило концепт мертвой матери Андре Грина (*Green, 2016*), той матери, которая *«бросает (объект), чтобы избавиться от хлопот (вызванных этим объектом) и инвестировать другой объект»*. С другой стороны, данное поведение Марии меня также навело на мысль о всемогущей Матери, которая способна как чрезмерно инвестировать объект, так и грубо его дезинвестировать. Повторение прерывания Марией отношений с терапевтом (как со мной, так и с предыдущими психологами и психиатрами Психологического центра), или скорее их обрыв, возможно, несло в себе попытку «вспоминания» чего-то. Этот ее акт повторялся *во встрече с Другим*. В наших встречах что-то снова «актуализировалось» здесь и сейчас, какая-то другая встреча, которую Мария давала мне пережить и прочувствовать как невозможную.

У меня было ощущение, что обрыв отношений выводил вонне то, что не могло быть вынесено на психическую сцену на фоне пустоты внутренней реальности, как если бы Мария постоянно повторяла неудачу во встрече со своим первичным окружением.

С другой стороны, мы можем предположить, что смена обычного кадра (смена психолога, смена часа и дня недели) также, возможно, повлияла на прерывание терапии. Изменение привычных условий, это частичное «исчезновение» внешнего составляющего, могло спровоцировать потерю внутреннего поддерживающего состояния, которое привело в свою очередь к потере привычного ритма и темпа символизации. Возможно, также, что наши две встречи спровоцировали массивное и насильственное оживление, вспоминание травматического опыта (в большей его части неприемлемого), которое в конечном итоге вызвало тревогу. Эта тревога

в свою очередь усилила дефект внутренней сдерживающей оболочки Марии и привела к прекращению ею терапии. Внешняя реальность подтвердила внутренние страхи и тревоги Марии. Страх сепарации и тревога быть брошенной, а также проживание этого состояния также повлияли на прекращение терапии.

Заключение

Терапевтическая работа с субъектом, который был подвержен травматическому сексуальному опыту, заставляет терапевта, во-первых, задуматься о *не-именуемом, не-представляемом*. Во-вторых, эта работа вынуждает терапевта задуматься о границах проявления психической реальности, как, например, при репрезентации травматического опыта.

Клиника сексуального травматизма очень часто несет в себе опыт, не распознанный Я или распознанный, но очень поверхностно (в одно действие, например, но не в широких рамках психической реальности). Данный опыт также может не быть субъективно принят субъектом, как если бы это произошло не с ним, как будто бы в этом опыте есть место только для «разрыва ощущения и представления» (*Botella, 2007*).

Травматический опыт несет в себе границы «анализируемого» и сложность психической реальности, где *ничто* иногда принимает наиразрушительную форму. С другой стороны, психолог всегда должен оставаться начеку, чтобы не впасть в состояние оцепенения, вызванного, позволю себе сказать, *чрезмерной реальностью*, так часто присутствующей в нарративе пациентов.

В вышепредставленном клиническом случае Марии дезорганизационный эффект сексуального травматизма проявляется в одной его достаточно ожидаемой манере, в «синдроме травматического повторения». В аддиктивном, компульсивном поведении травматический сексуальный опыт может «возвращаться» в виде повторяющегося наплыва ощущений, образов и чувств, которые субъект испытывал, собственно, во время травмы. Данное поведение несет в себе попытки репрезентации и репарации данного травматического опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anzieu D.* (1995) *Le Moi-peau*. Paris: Dunod.
2. *Botella C. et S.* (2007) *La figurabilité psychique*. Paris: In Press.
3. *Ciccone A.* (2008) *La transmission psychique inconsciente*. Paris: Dunod.
4. *Freud S.* (2002) *Au-delà du principe de plaisir*. Paris: Gallimard.
5. *Garland C.* (2000) *Comprendre le traumatisme. Approche psychanalytique*. Paris: Du Hublot Eds.
6. *Green A.* (2016) *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*. Paris: Minuit.
7. *Michel de M'Uzan* (1994) *La bouche de l'Inconscient*—Paris: Gallimard.
8. *Racamier P. C.* (1996) *L'inceste et l'incestuel*—Paris: Edition du Collège.

9. *Roussillon R.* (1991) *Paradoxes et situations limites de la psychanalyse.* Paris: PUF.
10. *Searles H.* (1995) *Le contre-transfert.* Paris: Folio.

Clinic of Incest

T. S. Tepliakova

Tepliakova Tatiana S., Lyon, France, Clinicalpsychologist, psychotherapist, PhD Student, faculty Clinical psychology, psychopathology and psychoanalysis, University of Paul-Valery Montpellier III, France.

In this article we will consider incest in its disorganized effect on a person's mental life and therapeutic process.

Keywords: incest, sexual trauma, parental figures, transference-countertransference, somatization.

ЛАКАНОВСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Лакановский взгляд на интерпретацию сновидений

А. И. Мелёхин

Мелёхин Алексей Игоревич – кандидат психологических наук, доцент, психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог.

В статье впервые систематизированы основные аспекты лакановского подхода к интерпретации сновидений через клинику означающего, желания. Анализ сновидения (по Ж. Лакану) – фантазматическая конструкция, отнюдь не предел психоаналитического интереса и не требует никакой «техники». На примере схемы аналитического процесса Ж. Лакана (sS-SI) рассмотрена условная специфика работы со сновидениями. Показана важность концептуализации психического функционирования как структуры, содержащей регистры Воображаемого, Символического и Реального для интерпретации работы сновидений пациента. Сновидение следует рассматривать как диалектическое мышление, учитывающее желание Другого. Детализирована разница между фрейдистской и лакановской интерпретациями сновидений и понятием бессознательного желания. Показано различие между фрейдистской формулой, утверждающей, что сновидения – это исполнение желания, и лакановской формулой, где сновидения означают осуществление пробуждения. Описан метод текстологического анализа сновидения. Делается акцент на том, что анализ сновидения устремлен к пределам и, чтобы к ним приблизиться, нужно «понять», как образуется форма сновидения у конкретного пациента.

Ключевые слова: сновидения, сон, бессознательное желание, клиника желания, ребус, желание.

«З. Фрейд описывает сновидение как некий узел, ассоциативную сеть анализируемых словесных форм, которые пересекаются как таковые не из-за того, что они означают, а благодаря своего рода омонимии. Именно когда вы сталкиваетесь с одним словом на пересечении трех идей, которые приходят к предмету, вы замечаете, что важно именно это слово, а не что-то другое. Именно когда вы нашли слово, которое концентрирует вокруг себя наибольшее количество нитей в мицелии, вы знаете, что это скрытый центр тяжести рассматриваемого желания. Это, одним словом, узловая точка, где дискурс образует дыру».
Жак Лакан

«З. Фрейд указывает, что сновидение будит вас именно тогда, когда оно может отбросить истину, так что единственная причина, по которой вы просыпаетесь, – это продолжение сновидения – сновидения в реальности».
Жак Лакан. Семинар XVII

Мы живем в эпоху прозрачности, когда ускользает смысл, все выставлено и показано явно, расстояние между интимным и экстимным стирается. Это эпоха практики постприватности. Тем не менее сны продолжают поддерживать связь с самым сокровенным, и они представляются загадочными как для себя, так и для других. Человек проводит длительное время жизни во сне, он видит сны, как говорит Ж. Лакан, – не только во сне. Сны по-прежнему непрозрачны, в онейрических сюжетах всплывают «объекты *a*» (*objet petit-a*) между желаниями и их удовлетворением (Dream, Its Interpretation... 2020).

Ключевые вопросы, которые волнуют психоанализ, – это вопрос о субъекте бессознательного, становлении/трансформации желающего субъекта, психической реальности, вопрос прокладывания психических следов, механизма восприятия-запоминания-забывания, т. е. «психического письма» субъекта. Напомним, что метафорой письменности бессознательного, согласно З. Фрейду, служит *иероглифическое письмо*. Сновидения пациента выступают таким иероглифическим письмом. Ссылки З. Фрейда на иероглифы основаны на том факте, что образы, которые их составляют, подобны образам сновидений, не предназначены для интерпретации, а только предназначены для установления значения некоторых других элементов. В семинаре «Психозы» Ж. Лакан часто цитирует эту точку зрения З. Фрейда и отмечает, что *ценность образа как означающего не имеет ничего общего с его значением*.

З. Фрейд (*рис. 1*) называл сновидение ребусом, выражением бессознательных мыслей, которые подобны иероглифам или фигуративной живописи. Это ребус, требующий перевода. Ж. Лакан говорил о том, что, если сновидение – это ребус, значит, за образами сновидения нужно искать слова (Kovacevic, 2013).

Сразу отметим, что с психоаналитической точки зрения сновидения (будь то даже кошмар) – не проблема, а ее решение. Вспомним З.

Фрейда, который говорил, что бред как симптом – уже попытка исцеления. Сновидение подобно симптому как означающему, отсылающему к другим означающим. За образами сновидения необходимо в конечном счете обнаружить *фразу*.

Ж. Лакан в XIII семинаре «Объект психоанализа» (L'objet de la psychanalyse, 1965–1966) утверждал, что ранние иероглифы в пещерных рисунках ведут обратно к логической матрице знака (Dream, Its Interpretation... 2020). З. Фрейд никогда не мог выйти из воображаемых тупиков своего собственного открытия, утверждал Ж. Лакан, потому что он никогда не понимал, что *свободная ассоциация* функционирует по законам метафоры и метонимии, делая «психическое» влиянием бессознательного на соматическое. Другими словами, «вторичный процесс», или сознательная часть языка, метафора, – это исполнение желаний сновидения, дневной остаток, в то время как фантазии, по Ж. Лакану, не являются сновидениями или дневными желаниями. Фантазии – это «бессознательные организации субъективизации реальности». В то время как З. Фрейд говорил об исполнении желаний, Ж. Лакан говорит о *форме мышления субъекта бессознательного* (Kovacevic, 2013). Когда фундаментальные элементы фантазма появляются в «сознательном» мышлении пациента, будь то проявленная мысль сновидения или литературный текст, эти элементы будут следовать законам знака, организующего язык вокруг желания. Ж. Лакан заходит так далеко, что предполагает, что работа «Толкование сновидений» З. Фрейда сделала возможным развитие формальной лингвистики. Но аргументы З. Фрейда были недостаточны для того, чтобы показать формирующую силу знака, т. е. проблему, которую лингвисты так и не решили.

Рис. 1. Понимание сновидения у З. Фрейда и Ж. Лакана

Таким образом, детали сновидения – не просто образы, но именно элементы восприятия, собирающие *онейроробус* (Мазин, 2013), т. е. лингвистическую конструкцию. Сразу отметим, что ребус никогда не расшифровывается до конца.

Главный принцип лакановской онейрографии – это новая этическая позиция – открытость, невозможность сказать: все, теперь это сновидение истолковано до конца. *У сновидения нет ни начала, ни конца, есть лишь фрагмент воспоминания, то, с чего начинается пересказ сна. Всегда возможно еще одно истолкование* (Мазин, 2013).

Лакановский подход предполагает, что сновидение состоит из слов, это текст, который можно прочесть. «Риторика», «ребус», «анalogии» – вот некоторые из выражений З. Фрейда, чтобы понять, что речь идет не о том, что означает сон, а о тексте. Ж. Лакан говорил, что сон не вводит ни в какое непостижимое переживание, ни в какую мистику, он читается в том, что о нем говорит пациент, и что мы как психоаналитики можем пойти дальше, чтобы взять из него двусмысленности в более *анаграмматическом смысле* этого слова (Dream, Its Interpretation... 2020).

Сновидение вслед за З. Фрейдом и Ж. Лаканом следует рассматривать как *диалектическое мышление*, учитывающее желание Другого (большого), проявляющее напряжение между воображаемой конструкцией Идеального Я и символическим образованием Идеального Я, которое показывает как создание Идеального Я символическим Другим, так и диалектическое напряжение в нем, производное от воображаемого Другого (Идеал-Я) в отношении переноса (Kaltenbeck, 2020).

Напомню, что в своей «первой» теории субъекта Ж. Лакан четко отличает понятие Идеального Я от Я-идеала. Первое есть проекция идеального образа Я на внешний мир, а Я-идеал суть интроекции субъектом другого внешнего образа, оказывающего новый (де)формирующий эффект на его психику. По-иному, Я-идеал добавляет Я новый слой, представляющий субъекту вторичную идентификацию.

Отмечу, что начиная со второго семинара Ж. Лакан присваивает Другому заглавную букву, что означает:

- Язык как структура (субъект языка)
- Символический порядок (субъект символического)
- Субъект бессознательного.

Ж. Лакан говорил, что «в отличие от З. Фрейда, говоря про сновидение, он склонен не рассматривать их как только желание спать... Его тревожило желание проснуться» (Lacan, 2011). Позже Лакан предложит формулу: сновидения означают осуществление пробуждения.

Пациент помнит сны не обязательно потому, что они свидетельствуют о травме или о пережитом в течение дня (дневной остаток). Более фундаментально – пациент помнит сны в рамках «*диалектики собственного желания*», состоящего из желания и (не)обладания. Учитывая «клинику желания» Ж. Лакана, следует говорить, что желание сновидения направлено на Другого как на того, кто даст ответ на отсутствие состояний сновидения (в отличие от психотических галлюцинаций, которые являются кошмарами нападения на фигуры, где царит заблуждение, а не фантазия,

потому что Другой уже полон). Ж. Лакан изображает бессознательное желание как входящее в сознание со всей диалектической расплывчатостью воображаемого (иррационального) числа «два», таинственного знака зеркальной двойственности, где два конденсируется в одно, выходящее за свои собственные границы в сновидении (*Dream, Its Interpretation...* 2020).

Ж. Лакан переосмысливает фрейдовскую теорию сновидений, приводит детальное раскрытие идеи, *что сновидение – это исполнение (удовлетворение) бессознательного (скрытого, подавленного) желания.*

Функция сновидений, по Ж. Лакану, как с точки зрения «связывания», так и «удовлетворения», связана с загадкой желания Другого и его наслаждения. И главным образом с тем, как сновидение находит через кодировку, которую оно создает своими образованиями (метафорического или метонимического характера), «ответ» на загадочное желание Другого. Это, однако, ответ, который, с одной стороны, всегда оставляет остаток (можно было бы сказать «что-то желаемое»), а с другой стороны – может привести к неудаче (*Dream, Its Interpretation...* 2020). Интересно отметить, что кошмары, согласно Ж. Лакану, являются единственными снами, которые не подчиняются теории сновидения З. Фрейда как «образ желания» (*Kaltenbeck, 2020*).

Бессознательное желание для Ж. Лакана – это не совсем буквальное желание. Бессознательное желание означает, что бессознательное радикально отсутствует в сознательной оценке смысла, хотя оно присутствует как таинственный «мотиватор» намерений и действий пациента. И в качестве «мотиватора» он работает в соответствии с мыслительными процессами, типичными для бессознательного первичного процесса мышления, а не для грамматики вторичного процесса или других видов мотиваторов, таких как биология или инстинктивная причинность. В той мере, в какой человеческие поступки, особенно сновидения, кажутся иррациональными, Ж. Лакан называет их непроницаемыми для воображения мотивами, которые иррациональны постольку, поскольку они анализируются только в эгоистической системе неправильного познания. *«Эти (пропущенные) действия, эти (забытые) слова открывают истину сзади. В том, что мы называем свободными ассоциациями, образами сновидений, симптомами, раскрывается слово, несущее истину. Если открытие Фрейда и имеет какое-то значение, то оно состоит в том, что истина схватывает ошибку за шиворот в этой ошибке»* (*Dream, Its Interpretation...* 2020).

Сновидения говорят о подавленном недостатке, проистекающем из желания пациента. Ж. Лакан прочитывает идею З. Фрейда о желаниях сновидения как покрывающую «Я хочу» и «Я не могу (не могу) иметь», которые составляют язык значения, а не значения, которые З. Фрейд в конечном счете приписывал Оно, ищущему удовольствия, в связи с любым запретом на его удовлетворение.

Вернемся к фрейдовскому тезису о сновидении, что оно *есть (галлюцинаторное) осуществление или исполнение желания.*

У З. Фрейда можно наблюдать развитие этого тезиса с течением времени его работы (*Kovacevic, 2013*).

1) Сновидение – это реализация или попытка выразить бессознательное желание, и, следовательно, сновидение поддается истолкованию;

2) С введением «принципа удовольствия» З. Фрейд вынужден был признать, что есть сновидения, которые не являются реализацией бессознательного желания и не поддаются интерпретации (истолкованию);

3) З. Фрейд отходит от прежних предположений и соглашается изменить свой центральный тезис о сновидениях. Это уже не будет исключением, если не считать того, что у сновидения есть «внутренний изъян», оно не всегда или не до конца поддается истолкованию.

Что касается интерпретации, то, если следовать Ж. Лакану, нет ни одного сновидения, которое не было бы истолковано З. Фрейдом в соответствии с модальностью расшифровки, подразумевающей изложение сновидения. Предел толкованию сновидений присутствует с самого начала, когда З. Фрейд вводит понятие *пуповины сновидения*. Тем не менее в приведенном нами третьем тезисе он делает еще один шаг. Можно сказать, что разница между фрейдовской и лакановской интерпретациями сновидений заключается в том, что первая – это *перевод*, в то время как вторая интерпретация движется к несвязанному и невозможному и уступает место случайному. *Фаза толкования или прояснения символа интерпретацией заключается, по Лакану (рис. 2), в том, чтобы вытащить на поверхность означающие элементы... бессмыслицы... поддержание желания знать... проявить речь субъекта бессознательного.*

Сновидение как «патологический продукт» составляет временную странность внешнего мира, своего рода «безобидный психоз» (Dream, Its Interpretation... 2020). Но в то же время Ж. Лакан вслед за З. Фрейдом ставит сновидение на сторону полезной психической операции, в связи с потребностью в отдыхе, которая обеспечивает непрерывность сна. Опять же, здесь мы находим применение сновидению. З. Фрейд говорит о «безобидном пути к галлюцинаторному удовлетворению» (Dream, Its Interpretation... 2020). Зрение, или фигуральность в виде транспозиции представителей в образе, – механизм этой безобидной галлюцинации, а компромисс – это то, что обеспечивает выход из пульсирующего движения. С этого момента он пересматривает свой центральный тезис и подчеркивает, что это не исключение, а *структурное изменение*. В его тексте помимо принципа удовольствия исключение относилось

$$rS \rightarrow rI \rightarrow iI \rightarrow iR \rightarrow iS \rightarrow sS \rightarrow SI \rightarrow SR \rightarrow rR \rightarrow rS$$

Рис. 2. Схема аналитического процесса по Ж. Лакану.

Примечание. Воображаемая фаза анализа пациента $rI-iI-iR$;

фаза образного воссоздания символа – iS ; фаза толкования – $sS-SI$.

Завершение анализа – $SR-rR-rS$

к травматическим снам, но он приходит к выводу, что *«бессознательное прикрепление к травме, по-видимому, находится на переднем крае этих препятствий к функции сновидения»*. Это означает, что, хотя у любого субъекта есть привязка к травме, сновидение было бы «попыткой реализации», но с возможностью быть в дефекте, поскольку снятие ночного изгнания позволяет всплеску травматической фиксации стать активным.

Функция сновидения, как и любого психического акта по праву, состоящая в том, чтобы превратить мнестические следы травматического события в исполнение желания, в этом случае срывается. Мы можем упорядочить вещи следующим образом: есть видения в снах, которые оставляют субъекта на стороне сна, которые вслед за З. Фрейдом мы можем назвать «безобидным галлюцинаторным переживанием» (Miller, 2016), но есть и другие, которые пробуждают субъекта и противостоят ему тем, что не удалось выработать, влечением, граничащим с травматической фиксацией.

Для Ж. Лакана статус бессознательного в клинической практике не онтологический, а этический. Он говорит, что вполне законно, что кто-то не надеется ни на сон, ни на его смысл. Но, «должно быть, изначально существует субъект, который, напротив, решает не быть равнодушным к фрейдистскому феномену» (Dream, Its Interpretation... 2020). Не быть равнодушным к фрейдистскому феномену – это не то же самое, что толковать сны по-фрейдистски, это значит решиться быть анализирующим и, более того, анализирующим из собственного «Я ничего не хочу знать». Анализирующая позиция выходит за рамки этой легитимности, и она предполагает форсирование, которое проявляется во сне в инъекции, сделанной Ирме (сновидение «Об инъекции Ирме»). Во всяком сне, говорит З. Фрейд, есть сподвижник капиталистический и сподвижник промышленный: «двигатель сновидения» и «причина сновидения». Двигатель – бессознательное желание, а причина – остальное, то есть то, что осталось невыясненным. Это то, что З. Фрейд называет *«работой сновидения»*.

Что касается «техники» психоаналитика, когда пациент сообщает ему о сновидениях, то следует учесть, что бессознательное, как и сновидение (по З. Фрейду – «*viaregia*»), интерпретирует Реальное и наслаждение. Аналитический акт, относящийся к сновидению, должен не придавать значения тому, что является чистым наслаждением через игру буквы. Когда психоаналитик указывает (также, возможно, сокращает сессию) на решающее значение как для создания такого сна, так и для симптома объекта и наслаждения субъекта, он допускает ограничение симптоматического наслаждения там, где смысловая интерпретация может подпитывать наслаждение пациента.

Психоаналитик работает с означающими пациента, сокровищницей означающих субъекта по Ж. Лакану (Kovacevic, 2013). Психоаналитик, выделяя такие означающие в речи пациента, принимает при этом меры предосторожности, чтобы тот осознавал двойные смыслы соответствующих означающих, допуская появление сейчас или в последующих сессиях других означающих.

Психоаналитический акт направлен на загадочный аспект означаемого и игру буквы, что отличается от поиска и интерпретации смысла. Психоаналитик мог бы, в зависимости от случая и этапа анализа, акцентироваться либо на поиске смысла, либо на действительности наслаждения пациента (как и чем он наслаждается), в связи с загадкой означаемого и игрой буквы (вне смысла) и в связи с объектом как конденсатором наслаждения.

Если истина сновидений заключается, согласно З. Фрейду и Ж. Лакану, в самом сновидении, то единственный, кто может привнести в него смысл, – это сам сновидец (пациент). Ответственность на нем. Смысл сновидения открывается не психоаналитику, а пациенту, не через интерпретацию, а толкование (по З. Фрейду). Исследование сновидения как фантазматической конструкции – отнюдь не предел психоаналитического исследования. Именно по этой причине психоанализ не герменевтика, а уж тем более не интеллектуальная игра оригинальных интерпретаций.

Анализ устремлен к *пределам*, и, чтобы к ним приблизиться, нужно понять, как образуется форма сновидения у конкретного пациента. Для нас важна сама работа сновидения пациента, а не его скрытое содержание, важен процесс, а не оппозиция скрытое/явное/тайное манифестного/латентного. Мы говорим вслед за З. Фрейдом про исследование *психической поверхности* (Мазин, 2013).

Если мы рассматриваем сновидение как текст, то есть как хорошо связанное целое, онейрический опыт представлен в объективном продукте. Сон, пока он продолжается, – это опыт, а не текст. Воспоминание об этом переживании, независимо от того, сообщается оно или нет, отражено в тексте сновидения. Сновидение становится текстом в тот момент, когда закончился его первоначальный опыт, точно так же как опыт бодрствования может стать текстом, как только мы сможем размышлять о нем как о «чем-то, что произошло» с нами.

З. Фрейд писал, что сновидение – это сценическое действие. Вспомним, элементы нарратива, что повествование можно разделить на две фундаментальные части:

- **История** – это содержание или цепь событий, то есть действия и события, и она исключает те элементы, которые могут быть описаны как контекстуальные переменные;

- **Дискурс** – это форма выражения или средство, с помощью которого передается содержание.

Проще говоря, *история* представляет то, что описывается в повествовании, а *дискурс* связан с тем, как происходит это повествование. В клинической практике мы делаем больший акцент на дискурсе сновидения пациента.

Возникновение и содержание сновидений в клинической практике обычно оценивается с помощью:

- – **ретроспективного интервью и опросников**. Проводятся сразу после пробуждения пациента каждое утро, требуют долговременной памяти и метакогнитивного осознания. Ретроспективные шкалы частоты сновидений дают оценку частоты сновидений и согласуются с данными

метода прерывания сна. Чаще всего используется шкала *Night Dreaming Frequency Scale*, которая позволяет оценить специфику сновидений, частоту, детализацию, яркость и осознание;

- – **ведения дневника сновидений, которое** требует участия долговременной памяти о прошедшей ночи пациента. Он состоит из пяти листов бумаги формата А4. Пациенту предлагается сообщить о своих снах на протяжении пяти дней и не сообщать о каких-либо предыдущих повторяющихся снах или кошмарах. В верхней части каждой из следующих пяти страниц есть место для даты сна. В инструкциях говорится, что нужно как можно полнее описать, что именно произошло во сне и какие эмоции испытаны во время сна. Пустое место предназначается для записи повествования о сновидении. Вторая инструкция требует от пациента проверить все эмоции, которые он испытывал во время описанного выше сновидения. Далее следует список эмоций К. Изарда;

- – **прерывания сна.** Прерывание сна является наиболее «прямым» методом и, по-видимому, в первую очередь зависит от состояния кратковременной памяти пациента;

- – **техники «Рисунок сновидения».** Вспомним клинический случай С. Панкеева (Человек-Волк), описанный З. Фрейдом, когда тот пересказывает свое сновидение и рисует его. Рисунок, конечно, не передает темпорального повествования. Он возвращает сновидению его изобразительный характер, но при этом выхватывает лишь один аффективно заряженный эпизод из повествования. Рисунок в психоаналитическом пространстве располагается между сновидением и пересказом. В пересказе сновидения С. Панкеевым фигурируют шесть-семь волков, но изобразить на рисунке шесть или семь невозможно. На рисунке может быть либо шесть, либо семь. В этом отношении рисунок столь же строг, сколько и логика бодрствования. Однако на рисунке 1 их ни шесть, ни семь. З. Фрейд, глядя на эту картину (*рис. 1*), объяснял сокращение числа волков сказкой «Волк и семеро козлят», в которой волк съедает шесть, а семь прячется в часах. Стрелки на часах останавливаются в привычном месте – на цифре 5. Пять часов – пять волков. Число волков предписано не двумя волками первосцены С. Панкеева, а ее временем. Число волков предписано мертвой буквой остановленного времени встречи с Реальным (по Ж. Лакану). Пересказ дает возможность менять точки зрения на сцену. Иначе говоря, в пересказе также содержится оптическая диспозиция, но она переменна. Рисунок же устанавливает определенную позицию (Мазин, 2013).

- – **техники «en detail»** (по З. Фрейду). Анализируя сновидение «Об инъекции Ирме», З. Фрейд сначала разложил его на составные части, а затем подвел к ним ассоциации и подверг их толкованию. Важно то, что деление на части осуществляется не в согласовании с «бодрствующей-рациональной» логикой, т. е. не в соответствии с семантикой, со смыслом, а в связи с незамедлительно возникающими ассоциациями (на что больше обратил пациент внимание и что вызвало у него отклик) (Мазин, 2013; *Dream, Its Interpretation...* 2020).

Основываясь на лакановском подходе для толкования сновидения, мы рекомендуем применять *методы текстологического анализа*, разработанные для художественных текстов.

В частности, онейрический текст оценивался в общих чертах: 1) по составу текста и определению его характера; 2) временной организации отчета, т. е. временам, используемым в отчете о сновидении. Рассказчик истории или эпизода может выбирать между двумя альтернативами: он может либо констатировать факты, следуя порядку, в котором они произошли в референциальной (или псевдореферентной) вселенной, либо манипулировать временными последовательностями повествования. Кроме того (3), в эмоциональной организации повествовательный текст не излагает историю объективно и линейно, но каким-то образом организуется пациентом (как отправителем), чтобы соответствовать получателю (психоаналитику).

Отправитель (пациент) программирует моменты и способы получения данных, а получатель (психоаналитик) реконструирует историю, а также эмоциональные реакции получателя. С этой целью отправитель (сам пациент) может выбрать, как представлять историю. Анализ семантического уровня речи пациента может быть понят двумя различными способами: в широком смысле – как глобальный анализ формальной организации текста, рассматриваемый с семиотической точки зрения, или в более узком смысле, как анализ эмоциональных единств или семем речи.

4) Изучаемые семантические поля представляют собой группы слов (существительных, глаголов, прилагательных или наречий), используемых для описания конкретной ситуации, окружающей среды или

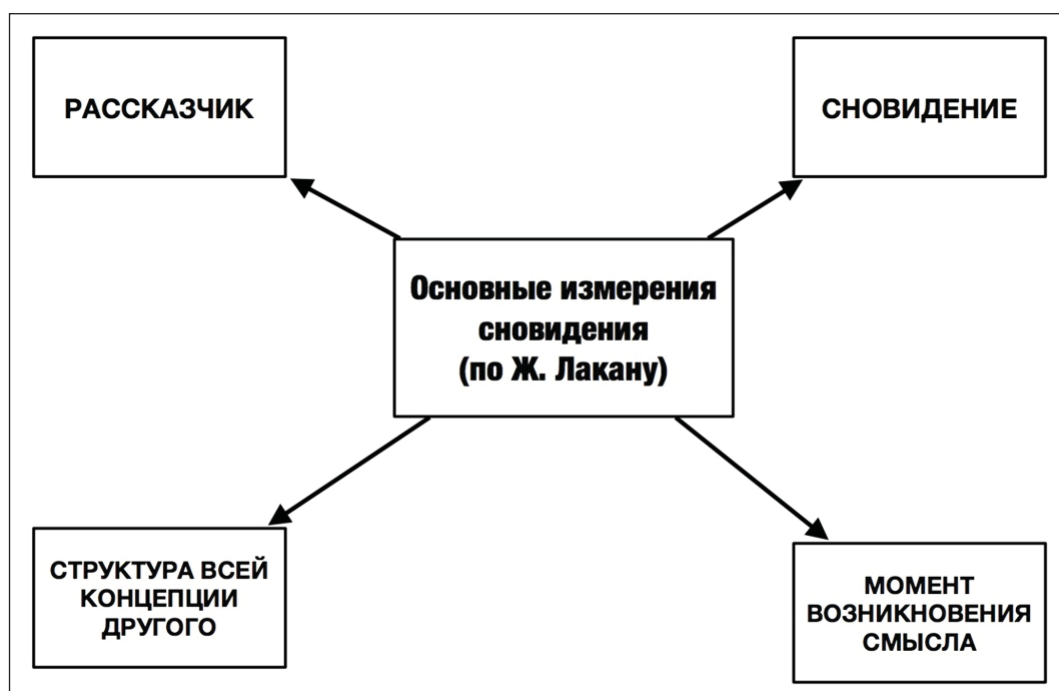

Рис. 3. Основные измерения сновидения по Ж. Лакану

совокупности объектов, которые составляют часть нашей повседневной жизни и развиваются в наших ассоциациях. Семантическое поле – это область значения для совокупности слов, относящихся к данному предмету.

Когда мы анализируем сновидение пациента как текст, то обращаем внимание на речь *пациента (означающие)*, которая отражает:

• **Композицию** (место и контекст):

1) Наличие или отсутствие наблюдения, определяющего место, в котором происходила онейрическая сцена, и, в случае такого присутствия, дальнейшее уточнение типа определяемого пространства (открытого или закрытого). Место может смещаться или отсутствовать;

2) Определение контекста повествования или того, что может быть определено как установка для онейрического повествования, уделяя особое внимание (в случае хорошо охарактеризованного контекста) описательному или эмоциональному качеству такого определения;

3) Наличие или отсутствие хронологических наблюдений, способствующих постановке сцены, в которой происходит действие;

4) Линейность или ее отсутствие в повествовательной последовательности (например, наличие или отсутствие флешбеков или разрывов в непрерывности и последовательности повествовательных текстов и т. д.);

5) Однородность или ее отсутствие в глагольных временах повествования и, если они однородны, временное распределение действия (настоящее, прошедшее или чередующееся).

• **Эмоциональную организацию** (речь, аффект, и эмоциональность):

1) Структура повествовательной речи или преобладание прямой или косвенной речи или описаний, данных с позиции внеповествовательной последовательности;

2) Состав персонажей или определение положения сновидца, а также других возможных действующих лиц или наблюдателей онейрической сцены;

3) Прояснение или отсутствие его относительно эмоционального состояния сновидца (страх, гнев, тоска и т. д.);

4) Определение ситуации, представленной как фантастическая или реалистичная.

Важно, что когда мы «анализируем» сновидение пациента как текст (или как «послание»), то обращаем внимание на речь пациента (означающие, пределы) и убираем позицию знающего

Выводы

• Разница между фрейдисткой и лакановской интерпретациями сновидений заключается в том, что первая – это *перевод*, в то время как *лакановская интерпретация движется к несвязанному и невозможному и уступает место случайному*.

• В сновидении есть шанс встреч и с «объектом а», как с несимволизованным.

- Анализ сновидения (по Лакану) – фантазматическая конструкция, отнюдь не предел психоаналитического интереса и не требует никакой «техники».
- Не нужно адаптировать пациента к реальности.
- Не нужно никакого «чтения символов», герменевтики и тем более интеллектуальной игры в поиске «оригинальной интерпретации» (уход от позиции детектива).
- Анализ сновидения устремлен к пределам, и, чтобы к ним приблизиться, нужно «понять», как образуется форма сновидения у конкретного пациента.
- Толкование сновидений не нацелено на смысл, на порождение знания, прояснение дел в так называемой «реальности». Сновидение – это конструирование незнания... поддержание желания знать как открытого субъекта.
- Смысловая интерпретация может подпитывать симптоматическое наслаждение пациента.
- Предел интерпретации сновидений присутствует с самого начала.
- Характер желания в сновидении – интересубъективный (желание быть высказанным).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мазин В. А.* Онейрокритика Лакана. Спб.: Алетейя, 2013. 148 с.
2. *Dream, Its Interpretation and Use in Lacanian Treatment (Scilicet) Paperback.* NY., 2020. 208 p.
3. *Kaltenbeck F.* Extension du domaine du cauchemar // *Savoirs et clinique*, 2020. Vol. 1. № 1, P. 196–206.
4. *Kovacevic F.* A Lacanian approach to dream interpretation // *Dreaming*, 2013. Vol. 23. № 1. P. 78–89.
5. *Lacan J.* La troisième, La Cause freudienne. Paris, Navarin/Le Seuil, 2011. P. 24.
6. *Miller J.A.* Habeas Corpus La Cause du désir. Paris, Navarin, novembre 2016. P. 166.

The Lacanian approach to the analysis of the work of dreams

A. I. Melehin

Melehin Aleksey Igorevich, PhD, Associate Professor, psychoanalyst, somnologist, clinical psychologist of the highest qualification category P. A. Stolypin Humanitarian Institute.

For the first time, the article systematizes the main aspects of the Lacanian approach to the interpretation of dreams (the clinic of the signifier, desire, and psychoanalytic technique). The importance of conceptualizing the psyche as a structure containing registers of the Imaginary, Symbolic, and Real for interpreting the work of the patient's dreams is shown. It is shown that the dream should be considered as a dialectical thinking that takes into account the desire of the Other. The difference between the Freudian and Lacanian interpretation of dreams and the concept of unconscious desire is detailed. The method of textual analysis of dreams is described.

Keywords: dreams, unconscious desire, desire clinic, rebus, desire, Lacan.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психолингвистические аспекты речевого воздействия психоаналитика

Е. В. Аверская

Аверская Евгения Викторовна – выпускница МГПУ, Школы практического психоанализа Н. В. Майн, студентка Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, психоаналитически ориентированный психолог.

Данная статья посвящена анализу оснований общепсихологической теории деятельности, теории речевой деятельности или отечественной психолингвистики, теории профессионального общения. Рассматриваются ключевые идеи теории и практики современного психоанализа. В статье обосновываются идеи рассмотрения психоанализа и психоаналитической терапии как особого вида знаковой деятельности. Описываются задачи организации совместной деятельности и общения между психоаналитиком (психотерапевтом) и анализандом, аспекты речевого взаимодействия, роль языка в достижении целей психоанализа и психоаналитической психотерапии. Анализируются психолингвистические характеристики речевого воздействия психоаналитика (психоаналитического психотерапевта). Статья написана на основе работ представителей отечественной психолингвистики: А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасова, С. В. Мыскина, психотерапевтов И. В. Журавлева и Ю. В. Журавлевой, а также на основе работ представителей психоанализа: А. В. Россохина, Л. И. Фусу, Ж. Лакана, Р. Р. Гринсона, Б. Джозеф, П. Совэр, Н. В. Майн и многих других авторов.

Ключевые слова: речь, язык, общение, психоанализ, психотерапия, психолингвистика, теория деятельности, бессознательное, психоаналитик, совместная деятельность, сотрудничество, коммуникация.

У субъекта существует побудитель, направляющий его активность во внешнем мире, – тот стимул, что воплощается в плане некоторой для субъекта потребности, следовательно, мотивации его деятельности. «Согласно А. Н. Леонтьеву, предметом психологии является деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованная отображением этой действительности (ее образом в сознании)» (Журавлев, 2018, с. 92). Пусть наши истинные мотивы нами и не всегда осознаются, но тем не менее мотивы заставляют нас разбивать свою деятельность на отдельные действия, направленные на достижения каждой конкретной осознанной цели. В психоанализе концептуальность влечения означает «первопричину всех психических процессов» (Фусу, Еремин, 2002, с. 9), символизируя, во французской школе психоанализа, всю живость и конфликтность природы человеческой души.

Лингвофилософская концепция В. Гумбольдта рассматривает феноменологию языка так: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» (Гумбольдт, 2000, с. 70). Мысль облекается в речевую форму, наряду с этим речь оказывается основой языка и высшей функцией познавательного психического процесса субъекта.

В отечественной психолингвистике (теория речевой деятельности), созданной на базе работ А. А. Леонтьева (Тарасов, 1987, с. 95), объяснительной силой которой послужила общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 1977), вся совокупность человеческих действий делится на речевые и неречевые виды действий, а также специфическая регулируемая сознанием целеустремленная активность человека носит общественный характер, ведь по своему происхождению данная деятельность является исключительно совместной и социальной. Определенные действия мы тогда называем речевыми, когда речь как отдельное действие позволяет достичь необходимой цели и иначе, нежели пользуясь речью, достичь образа желаемого конечного результата мы не в состоянии.

Основополагающим аспектом отечественной психолингвистики выступает следующий постулат: речь используется человеком для установления и поддержания сотрудничества с другим человеком. При этом важно подчеркнуть, что бесцельной речи люди не имеют, ведь посредством языковых знаков мы воздействуем на психологическое состояние собеседника, регулируя его поведение, тем самым вовлекаем его в совместную деятельность.

Одним из инструментов психоаналитика и психоаналитического психотерапевта является слово, аналогично и аналитик (терапевт) ожидает этого от пациента (анализанда), согласно правилам свободного ассоциирования. Ребенок с момента появления на свет, как подчеркивает Ф. Дольто, «является не *infans*, что означает "не имеющий права на речь", но языковым существом, субъектом для самого себя, в строгом соответствии

с традицией психоанализа, считающего пациента субъектом собственных бессознательных желаний» (Материалы..., 2006а, с. 148).

В отечественной психологии общения, сформированной А. А. Леонтьевым, «общение рассматривается как процесс, направленный на организацию совместной деятельности общающихся личностей; при этом общение как таковое понимается как особый вид деятельности», замечает Ю. В. Журавлева (Журавлева, 2018, с. 72–73). Согласно Е. Ф. Тарасову, «совместная деятельность включает в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» (Мыскин, 2020, с. 54). Общение – это сложный многоплановый процесс установления и поддержания контактов между людьми, участниками общения и группами, порождаемый потребностями в совместной деятельности участников. Психолингвистический подход к общению подразумевает анализ текста как продукта речемыслительной деятельности субъекта. Используя понятие «знакового овнешнения» (Мыскин, 2020, с. 55), психолингвистика подразумевает, что речь позволяет проявлять внутрипсихические процессы онтологического статуса субъекта.

Определенный спектр своих мотивов люди не могут достичь, действуя в одиночку. Это касается, например, самопознания. «На основе эмоционально окрашенного взаимодействия с внешним миром и воспоминаний о нем у ребенка формируются психические репрезентации себя, других людей и взаимодействия с ними» (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013, с. 45). Тем самым, поскольку субъект конституируется во всем многообразии опыта интеракций с другим, можно утверждать, что и понять, изменить себя можно также в рамках взаимодействия с другим. Ввиду наличия различий в психических структурах субъекта в психоанализе мы подразумеваем разные качественные постулаты общения. Так, если Я субъекта невротического типа функционирования является целостным и его пересечение с объектом не является ни тотальным, ни всеобъемлющим для него, то психическая оболочка Я лиц с доэдипальной проблематикой имеет трещины и проломы, что способно усугубить наличие прерывистых отношений с другим, ставя под вопрос константность объекта и слабого Я.

«В процессе общения человек познает не только мир, но и самого себя», – пишет В. В. Знаков (Знаков, 2005, с. 52). По мнению А. А. Потебни, «слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя» (Потебня, 1892, с. 138). Индивиды с развитым высоким уровнем личного самосознания чаще обращаются к своему внутреннему миру, они характеризуются повышенной потребностью делиться с людьми чувствами и мыслями. Углубленный самоанализ обычно приводит не к социальной изоляции, а к большей удовлетворенности людей взаимоотношениями. Раскрытие своего внутреннего мира другому способствует более глубокому самопознанию. Языковые символы людям необходимы не только для поддержания связи с внешним миром, но также и для установления внутренней коммуникации.

Главным императивом идентичного понимания одного и того же коммуникативного акта является общее представление о функциональных

и системных качествах культурных предметов. Иными словами, эффективное общение возможно при владении коммуникантами общими основами знаковой системы, разделении норм и правил человеческой деятельности, общих знаний и психических образов мира. Мы не можем рассчитывать на взаимопонимание, если в ходе деятельности общения оперируем знаками, недоступными для понимания реципиентом. Правилom успешного сотрудничества может стать также ответ на вопрос, что представляют из себя мотивационно-потребностная и эмоционально-чувственная сферы душевной жизни адресата. Общение устанавливает ту деятельность, внутри которой индивиды достигают нужного себе результата, действуя сообща, используя едино понимаемые термины, соответствующие их общей предметной деятельности.

В свою очередь И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева, беря за основу разработки общепсихологической теории деятельности и производной от нее теории речевой деятельности, предлагают рассматривать психотерапию как совместную деятельность между терапевтом и клиентом. В рамках данного угла зрения рассматривается речевое воздействие на сознание клиента, производимое психотерапевтом в терапевтических целях, и, учитывая «роль механизмов знакового опосредования» (Журавлев И. В., Журавлева Ю. В., 2019, с. 39) человеческой деятельности, семиотической составляющей процесса общения, психотерапию можно расценивать как особую знаковую деятельность. Нам же представляется возможным, вслед за авторами, сопоставить психоанализ и психоаналитическую психотерапию как особый специфический вид совместной знаковой деятельности и деятельность профессионального общения.

Люди так устроены, что редко способны слышать свою речь со стороны, именно потому язык психоаналитика – это искусство перевода бессознательного анализанда на язык сознания. Самопознание происходит в диалектическом общении между психоаналитиком (психоаналитическим психотерапевтом) и пациентом (анализандом). Те словесные репрезентации, что отсутствуют в предсознательной системе психики пациента, находятся в психическом пространстве аналитика и могут быть переданы первому в момент, когда аналитическое поле будет способно принять их и интегрировать. Соединение аффекта пациента и репрезентации аналитика служит конечной целью психоаналитического общения двух психик. «Химера, являющаяся смесью обоих участников диады – продуктом, полностью не принадлежащим ни одному, ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством "парадоксального способа функционирования", когда он становится периферией сознания пациента» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 23).

В рамках метапсихологического взаимодействия коммуникантов важно символизировать нарративную историю жизни субъекта, достигая регистра повествования, поскольку мы понимаем собственные переживания в случае, когда формируем их в языке. Смыслы рождаются в процессе обсуждения. Психоанализ представляется также искусством толкования текста, в чем сближается с наукой герменевтикой (Рикер, 1995).

Для данного аспекта З. Фрейд снабжает нас правилом равно распределенного внимания – расфокусированным, не сосредоточенным на чем-то лишь одном, ввиду того что «если при выборе следуешь своим ожиданиям, то рискуешь никогда не найти чего-то другого, отличного от того, что уже знаешь; если следуешь своим наклонностям, то, несомненно, будешь искажать возможное восприятие. Нельзя забывать о том, что чаще всего приходится слышать вещи, значение которых становится понятным только впоследствии» (Совер, 2020). И, несомненно, помимо работы с речью в психоанализе и психоаналитической психотерапии коммуниканты имеют дело с краеугольным концептом психоанализа – переносом. Трансфер будет подталкивать аналитика к определенному действию с целью уменьшения постоянно возникающего в общении эмоционального напряжения. Нарушение профессиональной этики общения начинается тогда, когда аналитик перестает думать и начинает агитировать.

Переживание прошлого во время сеанса, проявляющееся в трех модальностях, объектной, либидной и нарциссической регрессии, вводит в действие закономерности регрессионного движения, что «происходит либо как возвращение к предшествующему состоянию, либо к фантазму возвращения к первоисточкам происхождения» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 130). Регрессионное мышление использует работу психической изобразимости, трансформируя анализируемый материал в образы, которые можно будет использовать в продуктивной аналитической работе. Нередко в аналитическом процессе мы сталкиваемся с необходимостью прорабатывать психическую боль, к тому же непостижимую для анализанда (Джозеф). Здесь подчеркивается значимость механизмов проективной идентификации и контейнирования, при этом принимая ценность умения выдерживать аналитиком свое незнание. Аналитик неоднократно встречается с переживаниями анализанда, находящимися за пределами слов, потому что «они нерепрезентируемы психически, он понимает их, опираясь лишь на возникающие в нем контрпереносные чувства» (Материалы..., 2006б, с. 33).

«Человек есть человек, поскольку он отдан в распоряжение языка и используется им (языком), для того чтобы говорить на нем» (Михайлов, 1990, с. 22). Согласно М. Хайдеггеру, «[...] бытие говорит повсюду и всегда, через всякую речь» (Хайдеггер, 1991, с. 63). Для Ж. Лакана язык тесным образом связан с системой бессознательного. Закон человека есть закон языка, а также «[...] конституирующим является именно акт речи» (Лакан, 1998, с. 305) желающего субъекта. Не сводя речевое общение к механистическим движениям, он указывает: «Речь по сути своей является средством получения признания» (Лакан, 1998, с. 313). Речь существует тогда, когда есть кто-то, способный ее понять и привести к ментальному присутствию той вещи, что сейчас в объективной реальности отсутствует.

При помощи интерпретации анализанд получает доступ к своему бессознательному, когда «речь не используется в качестве защиты от введения бессознательного материала в Эго-организацию» (Антология современного психоанализа, 2000, с. 315). В эти моменты общения «аналитик

в своей вербальной коммуникации передает пациенту более высокую организацию материала, обладавшего до этого низкой организацией» (Антология современного психоанализа, 2000, с. 316). Как отмечает К. Жан-Строклик, в психоанализе важно «научить пациента использовать речь как проявление мнестических следов первичных телесных опытов в концепции мышления, укорененного в теле» (Уроки психоанализа..., 2016, с. 270), однако не менее важным представляется то, что аналитик не приносит собственное Я в анализ. Целью психоанализа, с позиции автора, является трансформация материала пациента в элементы, создающие мысли, для достижения которой психоаналитик находится в материнской роли «психического переваривания» (Уроки психоанализа..., 2016, с. 270), которое позволяет создать галлюцинаторное измерение, в прошлом отсутствующее.

Зачастую специалисту приходится работать с зонами негатива, психической травматизацией пациента. Самой тяжелой травмой в психоанализе представляется то событие, о котором невозможно говорить. Гораздо большим по сложности считается негативное мышление, при котором «во внутреннем мире происходит эвакуация внутриспсихических представлений» (Материалы..., 2006б, с. 122). Радикальный катексис аннулирования ментализации приводит к сдвигу в массивную деструктивность, восстановить которую возможно только при длительной и плодотворной деятельности общения, улучшающей психическую экономику жизни обратившегося за помощью субъекта. Психоанализ и психоаналитическая психотерапия позволяют субъекту восстановить свою историю, принадлежащую прошлому, и, как следствие, дают больше свободы в формировании им своей идентичности (Тарабрина, Майн, 2013, с. 112).

Психоаналитик или терапевт, придерживающийся парадигмы психоаналитического направления, говорит на общем с реципиентом языке. Таким образом если пациент приносит в кабинет аналитика свою детскую часть и посредством речи являет пространство своих инфантильных фантазий, то оперирование аналитиком научными понятиями будет выглядеть весьма ошибочным отражением. Осуществляя деятельность общения, партнеры регулируют эмоциональное состояние друг друга, и адресант способен трансформировать психологический порядок адресата. Если пациент обращается за помощью и ему важно избавиться от страдания в надежде изменить свою жизнь, то от аналитика (терапевта) ожидается понимание, умение видеть жалобы и желания, формировать ассоциативные связи между различными частями дискурса. Как отмечает Мыскин С. В., «речевая деятельность субъекта совместной деятельности, таким образом, подчинена следующей цели – изменению психологического состояния партнера» (Мыскин, 2019, с. 16). Интерпретация и акт работы по связыванию оказываются интегративным творческим актом, вбирающим в себя бессознательную информацию о том, что было воспринято, о том, как это было воспринято, а также информацию о том, что не было воспринято.

Прочими интервенциями аналитика (терапевта) принято считать отзеркаливание, прояснение, конфронтацию, конструкцию. Специалист задает

вопросы, проясняет неясные моменты и детали, повторяет услышанные фразы пациента, порой с иной интонацией, возвращает собеседнику им сказанное, обращает внимание пациента на его противоречивые желания и намерения, предпринимает попытки воссоздать целостную связанную картину элементов жизни анализанда. А. Ферро описывает психоанализ как «создание историй» (Ферро, 2007). Контрпереносные реакции диагностически анализируются специалистом и используются им для построения актов речевого высказывания.

С. М. Федорова, А. В. Россохин дают эмпирическое обоснование психолингвистического анализа основ интрапсихической динамики личности, проводимого в ходе психоаналитического общения (Россохин, Федорова). Рассмотрим вклад отечественной школы психолингвистики и теории профессионального общения, которая может быть применима к общению психоаналитика и анализанда. Реализация психолингвистических задач речевого общения (Соснова, 2010, с. 72–74) начинает раскрываться через первостепенную задачу – привлечение непроизвольного внимания партнера по общению. Если внимание субъекта привлекает образ, выделяющийся из фона, то можно считать, что согласно действию бессознательных процессов пациент выбрал конкретного специалиста для общения с ним. Ни один дискурс не рождается на пустом месте, произошло некое событие, но имеющихся ресурсов на его переработку субъекту не хватает. Вторая задача удержания внимания, или, иными словами, привлечения произвольного внимания, в свою очередь решается через информирование о методологии психоаналитического общения и установление аналитической рамки коммуникации. Такие психолингвистические категории, как «ориентирование собеседника в себе», а также «ориентирование в собеседнике», предполагают использование аналитических инструментов общения согласно этическим правилам конкретной школы психоанализа. Немаловажным является и соблюдение соотношения социальных статусов общающихся субъектов: носитель определенной социальной роли ожидает по отношению к себе строго определенного речевого и неречевого поведения. Заключительную психолингвистическую ступень выполняет создание благоприятной атмосферы общения, побуждающей пациента к символизации и являющейся наиболее адекватной основным целям общения. Группа задач организации совместной деятельности состоит из актуализации потребности партнера, предложения предмета-мотива, удовлетворяющего потребность, и ориентирования в предлагаемой совместной деятельности (Журавлев, 2020, с. 19), что более-менее точно соотносится с описанными выше психоаналитическими механизмами.

Вторичный процесс (речь и мышление) в психике анализанта должен взаимодействовать с первичным процессом (фантазмы, сновидения, аффекты) и артикулировать последние, тогда как роль психоаналитика – помочь анализанду услышать вклад бессознательных первичных процессов и научить реципиента способности находиться в контакте со своим бессознательным. Довольно часто одинаковыми словами клиент описывает разные события жизни, сам не обращая внимания на подобные связи.

Ему важно не отрезать от себя свое бессознательное, не выкидывать свою детскую часть из всего многообразия внутриспсихической жизни, а дать право на гражданство живости психосексуальности с последующей перспективой получения удовольствия от проживаемого бытия. «В том пространстве, где встретятся Я и Оно, должно возникнуть Иное» (Россохин, 2020, с. 48).

Как же общается психоаналитик (психоаналитический терапевт)? Он говорит нейтрально и безоценочно, он допускает, что может быть не прав и ошибается, а также дает пациенту шанс избежать осуждения. Он не скажет, что пациент чувствует, например, стыд или обязательно вину, но задастся подобным вопросом. Семантический фон общения выстраивается исходя из словесных оснований самого анализанда, а слово аналитика призвано актуализировать образы и картинки прошлого в жизни его партнера по общению, имея своей целью привнести в пространство сотрудничества новый клинический материал. Косвенный стиль коммуникации, детерминированный нейтральным и уважительным отношением, подразумевающим аффилятивный и ненастойчивый стиль дискурса, создает атмосферу безопасности и доброжелательности, ориентируясь на особенности реципиента. Например: «Вы, кажется, избегаете своих чувств ко мне» или «Вы, кажется, боитесь рассказать мне открыто о том-то и том-то» (Гринсон, 2018, с. 300). Лавируя между нужным количеством лексических единиц, он приглашает ассоциировать и фантазировать. Молчание, поза, интонация психоаналитика тоже несут послание; выбор интервенции всегда имеет бессознательное основание, которое коренится в контрпереносе и аналитической позиции.

Пациенты многообразно воспринимают речевые интервенции аналитика. Пусть аналитик говорит что угодно, только не молчит, когда наступает момент ненасытной жажды материнского молока; субъективно пациент чувствует принуждение говорить, словно продуцировать анальный объект с одновременным желанием упрямыться или восприятием интервенций в свой адрес как анального вторжения; возвращение фаллических фантазий может проявиться в анализе через стремление к соперничеству или власти инцестуозного соблазна. Словам аналитика полагается произвести воздействие, но не шокировать анализанда, задействуя убедительный тон голоса, «...чувствительность к тону и интонациям является производным самых ранних объектных отношений, когда сепарационная тревога играла основную роль» (Гринсон, 2018, с. 394).

Психоанализ позволяет помыслить то, что ранее не могло быть помыслено, сделать видимым нечто, что в повседневности до этих пор было скрыто. Психоанализ начинается тогда, когда слово слышимое становится словом видимым. Без помощи другого не представляется возможным избавиться от страдания, равным образом бессознательное аналитика становится контейнером для переработки сырого архаичного материала бессознательного анализанда. Этот другой (психоаналитик, терапевт) не являлся участником произошедших событий и не был сторонним наблюдателем, однако все происходящее в его кабинете, речевое и неречевое поведение, несет в себе нужный смысл. И он не станет оценивать

или «поправлять» мнестические следы психической реальности участника события, ему важно уметь слушать всем телом и слышать собеседника, вдобавок предоставляя обратную связь, дающую представление о том, что с пациентом происходит, ведь то, что человек не может вербально обозначить и артикулировать, он и не воспринимает сознательно.

Быть может, пациент обращается к такому специалисту за главной для себя мотивацией – быть услышанным. Быть может, только психоаналитический процесс позволяет ему найти того партнера по общению, который способен его понять и выслушать. В такой перспективе аналитическое поле становится единственной гаванью, посредством которой можно будет найти в себе ресурсы для психической трансформации. Когда от психоаналитика ожидается способность заметить то, что сам человек не способен в себе заметить.

По мысли Р. Гринсона, искусство общения аналитика заключается в его умении переводить в слова неосознаваемые мысли, чувства, намерения, фантазии анализанда и, впоследствии, сообщать их ему так, чтобы он их воспринял как свои собственные (Гринсон, 2018, с. 405). Таким образом в контексте аналитического речевого воздействия ткется живая психическая ткань бытия субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология современного психоанализа. Т. 1 / Под ред. А. В. Россохина. М.: издательство «Институт психологии РАН», 2000. 488 с.
2. Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2018. 478 с.
3. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послеслов. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Джозеф Б. О переживании психической боли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psychic.ru/articles/modern/modern38.htm> (дата обращения: 25.08.2021).
5. Журавлев И. В. Психология за минуту. М: АСТ, 2018. 160 с.
6. Журавлев И. В. Теория речевого общения Е. Ф. Тарасова: методология и перспективы развития // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2 (44). С. 16–26.
7. Журавлев И. В., Журавлева Ю. В. Основы теории психотерапевтического общения // Организационная психолингвистика. 2019. № 1 (5). С. 34–65.
8. Журавлева Ю. В. Иррациональные идеи в профессиональном общении // Организационная психолингвистика. 2018. № 2 (2). С. 71–84.
9. Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2005. 448 с.
10. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). М.: ИТДГК «Гнозис», «Логос», 1998. 432 с.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

12. Материалы Международной психоаналитической конференции. 16–17 декабря 2006 г. Москва / Под ред. А. Н. Харитоновой, П. С. Гуревича, А. В. Литвинова. В 2 т. Т. 1. М.: Русское психоаналитическое общество, 2006а. 421 с.
13. Материалы Международной психоаналитической конференции. 16–17 декабря 2006 г. Москва / Под ред. А. Н. Харитоновой, П. С. Гуревича, А. В. Литвинова. В 2 т. Т. 2. М.: Русское психоаналитическое общество, 2006б. 503 с.
14. *Михайлов А. В.* Мартин Хайдеггер. Человек в мире. М.: Московский рабочий, 1990. 48 с.
15. *Мыскин С. В.* Концепция организационной психолингвистики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 4 (820). 2019. С. 11–22.
16. *Мыскин С. В.* Структура и содержание профессионального общения // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 54–63.
17. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Изд. 2-е. Харьков, 1892. 228 с.
18. *Рикер П.* Герменевтика и метод социальных наук / Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: Изд. центр Academia, 1995.
19. *Россохин А. В., Федорова С. М.* Психолингвистический анализ интрапсихической динамики личности в процессе психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. Изд-во Моск. ун-та (М.). № 1. С. 115–123.
20. *Россохин А. В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное. Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 1(1). С. 5–51.
21. *Совэр П.* Фрейд, Салливан и аналитическая позиция // Журнал практической психологии и психоанализа. 2020, № 2.
22. *Соснова М. Л.* Тренинг коммуникативного мастерства. М.: Академический проект, 2010. 265 с.
23. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. 407 с.
24. *Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи травмы // Консультативная психология и психотерапия, 2013. № 3. С. 96–119.
25. *Тарасов Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.
26. Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей [Текст]. М.: ИД «Наука», 2016. 312 с.
27. *Ферро А.* Психоанализ: создание историй / Пер. А. В. Казанской и Е. А. Кисловой. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. 232 с.
28. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. 576 с.
29. *Фусу Л., Еремин Б.* Фрейдовские теории психического аппарата и их использование в психоанализе. М.: Золотой теленок, 2002. 80 с.
30. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Сборник / Под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Psycholinguistic Aspects of Speech Influence of a Psychoanalyst

E. V. Averskaya

Averskaya Evgeniya V., graduate of Moscow City University, graduate of school of practical psychoanalysis by N.V. Main, student of Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye Prudy, psychoanalytically oriented psychologist.

This article is devoted to the analysis of the foundations of the general psychological theory of activity, the theory of speech activity or domestic psycholinguistics, the theory of professional communication. The key ideas of the theory and practice of modern psychoanalysis are considered. The article substantiates the ideas of considering psychoanalysis and psychoanalytic therapy as a special kind of symbolic activity. The tasks of organizing joint activities and communication between a psychoanalyst (psychotherapist) and an analysand, aspects of speech interaction, the role of language in achieving the goals of psychoanalysis and psychoanalytic psychotherapy are described. The psycholinguistic characteristics of the speech influence of a psychoanalyst (psychoanalytic psychotherapist) are analyzed. The article is based on the works of representatives of Russian psycholinguistics: A.N. Leontiev, A.A. Leontiev, E.F. Tarasov, S.V. Myskin, psychotherapists I.V. Zhuravlev and Yu.V. Zhuravleva, as well as on the basis of the works of representatives of psychoanalysis: A.V. Rossokhin, L.I. Fusu, J. Lacan, R.R. Greenson, B. Joseph, P. Sover, N.V. Main and many other authors.

Keywords: speech, language, communication, psychoanalysis, psychotherapy, psycholinguistics, activity theory, unconscious, psychoanalyst, joint activity, cooperation, communication.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Судьба и гибель Оскара Уайльда

Л. В. Короткова

Короткова Людмила Васильевна – психоаналитический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, член Ассоциации специалистов психоаналитической психосоматики (АСПП), секретарь АСПП.

Общепринятый взгляд исследователей творчества Оскара Уайльда на его судьбу состоит в том, что писатель стал жертвой тех законодательно утвержденных норм в обществе, которые ограничивали человека как личность. В статье автор предпринимает попытку психоаналитически осмыслить биографию писателя и, опираясь на концепты современной психоаналитической теории, показать, что линия судьбы Оскара Уайльда определяется такими факторами, как психическое функционирование, трансгенерационная история и др. Общественная же мораль викторианской эпохи лишь проявила это, усилив внутренние противоречия человека.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, эстетизм, всемогущество мышления, нарциссическая проблематика, Андре Грин, «Портрет Дориана Грея», Гамлет, судебный процесс.

Путешествуя по Алжиру, Оскар Уайльд сказал Андре Жиду: «Мой долг перед самим собой – бешено развлекаться». Потом он добавил: «Не счастье, нет. Не оно превыше всего. Наслаждение! Надо всегда стремиться к самому трагическому» (Эллман, 2012, с. 515).

Мое первое знакомство с Оскаром Уайльдом состоялось в философской парадигме. Оскар Уайльд – один из главных представителей эстетизма. Эстетизм – преобладание прекрасной формы над содержанием, искусство ради искусства. И, хотя основоположником эстетизма являлся Уолтер Пейтер, под чье влияние Уайльд попал в годы учебы в Оксфорде, но именно Оскар Уайльд активно продолжал и развивал это направление.

Для эстета нет трансцендентного измерения, он полностью себя и свой взгляд перемещает в вещи, мир вокруг. Это очень наглядно проявлялось в денди. Денди – это эстет, но не в литературе или искусстве,

как Оскар Уайльд, а эстет в жизни. Это сведение себя к форме, которая превышает внутреннего содержания. Красота формы – главное, что есть и что есть смысл всего.

Для денди существуют только вещи, и он сам превращает себя в вещь, отрицая внутренний план. Для него нет личности. Личность для него – это поверхность, форма, статуя. Он как бы замирает внутренне. Иллюстрирующая это история: в Париже в сороковые годы XIX века была такая мода – выгуливать черепаху. Это минимум движения, минимум активности. Это застывшая форма. Он сам – застывшая форма, отражающаяся во взглядах. Форма, которая ловит взгляды, все для взгляда. Тема взгляда – одна из основных тем дендизма и эстетизма.

Оскар Уайльд был эстетом не только в литературе, но прежде всего в жизни. Он создавал эту самую форму, был тем, с кого рисовали, на кого смотрели, тем, кто эти взгляды принимал. Он диктовал моду в одежде, поведении, дизайне интерьера. Им продумывалась каждая мелочь, вплоть до зеленой гвоздики в петличке. Оскар Уайльд заявлял: «Мода – это я».

Несколько ярких штрихов из его биографии. Уайльда пригласили совершить турне по Америке, выступить с лекциями – надо заметить, что тогда еще не было ни «Дориана Грея», ни его сказок, ни пьес. Это был просто молодой человек, закончивший Оксфорд, но Уайльд был уже невероятно интересен сам по себе: его внешность, его речь производили сильнейшее впечатление на слушателей. Известна его фраза, произнесенная на таможне по прибытии в Америку, когда его попросили заполнить декларацию. Он тогда сказал: «Мне нечего декларировать, кроме своего гения!»

Его дар – красноречиво и убедительно говорить, обольщать речью – иллюстрирует такой момент. Как известно, против Уайльда был агрессивен маркиз Куинсберри (отец Альфреда Дугласа, молодого друга Уайльда). И вот они случайно встречаются в кафе «Рояль». Уайльд приглашает маркиза за столик, общается с ним некоторое время. И маркиз подпадает под очарование Уайльда. «Неудивительно, что ты от него в таком восторге, – говорит он Дугласу. – Он чудесный человек» (Эллман, 2012). И, лишь придя домой, маркиз пришел в себя и вспомнил о своем негативном к нему отношении. Здесь на ум приходит ассоциация с Ричардом III, который смог обольстить своей речью леди Анну перед гробом ее мужа, короля Генриха VI, убитого Ричардом III. Оскар Уайльд явно обладал подобной силой и могуществом речи.

Все эти моменты, которые мы отмечаем при чтении биографии писателя, отсылают нас к теме нарциссизма.

Его исключительность, особенность, всемогущество мышления – это главное в проблематике нарциссизма. Андре Грин говорил, что для нарциссического субъекта характерно всемогущество мышления, которое проявляется через речь (Грин, 2021). И речь также участвует в подчинении мира. Именно это раскрывает в субъекте его нарциссический характер.

Роман «Дориан Грей», тема двойника, тема взгляда – это все мы относим к нарциссизму.

Читая биографию Оскара Уайльда, мы восхищаемся тем, как этот человек умел организовывать жизнь, сколько у него было энергии, сколько радости вокруг него было до какого-то момента. Такой животворящий нарциссизм, который заряжал. Я задавала себе вопрос, когда и почему возникает этот переход через некую черту, когда фактически эстетизм переходит в декаданс, когда наступают болезнь, разрушение, страдания, все, к чему в конце жизни пришел Уайльд. И не предопределен ли этот переход? И по сути, есть ли вообще переход? (Этот вопрос был интересен еще тем, что такое трагическое окончание жизни постигло не только Уайльда, многие апологеты дендизма и эстетизма, проживая блестящую, яркую жизнь, заканчивали ее печально. Как, например, законодатель мод, один из ярких представителей дендизма Джордж Браммел, нищим и страдающим психическим расстройством умер в психиатрической лечебнице.)

При освещении темы для меня было важно уделить внимание двум моментам. Первый – это нарциссизм. И второй момент – тот рубеж в биографии писателя, который венчает процесс суда, что могло за этим скрываться.

Начну с нарциссического момента. Сразу хочу подчеркнуть – у меня не было цели анализировать личность Оскара Уайльда. Можно сказать, что была попытка психоаналитическим взглядом посмотреть на биографию писателя и ответить себе на какие-то вопросы.

Рене Руссийон говорил: как мы можем отличить живой (позитивный) нарциссизм от паталогического? Как мы понимаем, где проявляется нарциссическая проблематика? Когда человек выстраивает отношения, и, если в этих отношениях он попадает в парадокс, т. е. когда отношения заставляют страдать, он чувствует их смертельный привкус, но не может отказаться, зная все это и понимая, не имея возможности выйти оттуда, тогда мы и сталкиваемся с нарциссической проблематикой.

Такие отношения были у Уайльда с Альфредом Дугласом. Много поклонников таланта Оскара Уайльда ненавидят этого самого Альфреда Дугласа – Бози, считают его виновником трагедии Уайльда. Но интересна цитата одного из главных биографов Ричарда Элмана: «Если бы Уайльда не свалил наземь Куинсберри, это, вполне вероятно, сделал бы кто-нибудь еще. Бездумное и не слишком тайное распутство, которому Уайльд предавался совместно с безудержным Дугласом, включало в себя немалое количество молодых людей. Любой из них мог причинить Уайльду неприятности» (Элман, 2012).

Уайльд как будто бы шел к этому – позору, отвержению, страданию. Это было поведение, если вернемся к Рене Руссийону, человека, который, имея некую вину, совершает какие-то действия, за которые он получает наказание.

Итак, встреча с Альфредом Дугласом. Кто он? Ему двадцать один год. Он студент Оксфорда. Молодой человек, достаточно искушенный в отношениях с мужчинами, до Уайльда у него было много подобных отношений. Встреча Дугласа с Уайльдом произошла, когда уже был написан «Портрет Дориана Грея», после того как Уайльд стал знаменитостью, кумиром молодых людей, эстетов. Альфред Дуглас сказал Уайльду,

что прочитал его роман девять или десять раз. Он был восхищен гением Уайльда, был восхищен им как писателем, как личностью. И именно он своим восхищением расположил Уайльда к себе, и на этом начали строиться эти отношения. Но что в этих отношениях было такое, из-за чего все пошло не так?

Ричард Эллман, один из самых ярких биографов писателя, пишет, что Уайльд быстро понял, что Дуглас не только красив, но вдобавок еще безответственен и неуправляем. «Нрав у него был бешеный. Про него писали современники, что он "явно сумасшедший (как, видимо, вся его семья)". Между приступами гнева Дуглас мог быть "чрезвычайно обаятелен" и "почти блестящ"» (Эллман, 2012). У него не было ничего своего, кроме амбиций.

Кто такой был Альфред Дуглас для Уайльда? Восхищенный его талантом поклонник? Двойник? Нарциссический объект? Размышляя над этим вопросом, я задумалась также о том, откуда нарциссическая проблематика могла возникнуть у Уайльда.

Итак, Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд.

«Оскар (мать называла его Оскар) и Фингал пришли из ирландских легенд, а О'Флаэрти было добавлено в знак почтения к семействам графства Голуэй, с которыми Уильям Уайльд был связан через свою бабушку О'Флинн. О'Флаэрти произошло от O'Flaithbherartaigh – имени кельтских властителей Западного Коннахта – и было самым голуэйским из всех голуэйских именовании. Знаменитая молитва голуэйских горожан звучала так: «Спаси нас, Господи, от бешеных О'Флаэрти!» (Эллман, 2012).

Родился 16 октября 1854 года в семье Уильяма Роберта Уайльд и Джейн Элджи, когда его брату Уилли было четыре года. Через три года после рождения Оскара родилась его сестра.

Мать Оскара была женщиной необычной. «Леди Уайльд ощущала, что рождена для величия, и не скрывала этого. Ее сын разделял это ощущение и всегда относился к ней с величайшим почтением, как если бы не она была его предтечей, а он ее. Ее мужу, отцу Уайльда, было присвоено рыцарское звание, давшее ей право именоваться "леди Уайльд"» (Эллман, 2012).

Она была известна как поэт, боровшийся в своих стихах за независимость Ирландии. Она говорила о себе, что ей нравилось «производить сенсации». И подтверждала это своими действиями. «Неумеренность во всем была ее сознательной линией поведения. В декабре 1848 года она писала: "Я хочу бешено нестись по жизни – не по мне эта законопослушная тихая поступь, о, моя дикая, мятежная, честолюбивая натура! Вот бы мне насытить империями ее аппетит, пусть даже и остров Святой Елены в конце". "Всякая добродетель должна быть активной, – заявляет она в другом месте. – Пассивных добродетелей не существует"» (Эллман, 2012).

В своем дублинском (а позднее лондонском) салоне она разила всех наповал своими все более и более диковинными нарядами, замысловатыми прическами и драгоценностями весьма внушительного размера и необычного вида.

Высказывания ее были под стать нарядам. Оскар Уайльд впоследствии напишет: «Где нет крайностей – там нет любви, а где нет любви – там нет понимания» (Эллман, 2012).

Она, поэтесса, вела себя экстравагантно: перепады настроения – от матери ребенок не получал адекватного постоянного ответа.

Мать Оскара долгое время не выделяла его среди своих детей, отношение ее к нему не было восторженным. В биографии есть письмо десятилетнего Оскара. Мать переслала Оскару не его, а рубашки его брата, в письме Уайльда матери читаем: «...Обе фланелевые рубашки, которые ты положила в корзину, – это рубашки Уилли; мои одна алая, другая лиловая, но пока еще слишком жарко, чтобы носить их» (Эллман, 2012). О чем это может говорить? О некоем безразличии со стороны мамы к сыну, Оскару. То есть это фрагмент, нюанс, но на который аналитик не может не обратить внимания, читая биографию писателя. Мы можем сделать предположение, что в семье существовала такая направленность – ребенок должен быть гениальным, чудесным, самым выдающимся из всех, и именно такому ребенку будет отдана любовь матери. Это питало Оскара, он должен быть лучшим, исключительным, тогда будет достоин любви. Но опять же это наше предположение. Уайльд – не пациент, он знаменитая личность, биографию которого мы читаем и делаем какие-то предположения.

Альфред Дуглас для Уайльда мог быть тем двойником («Портрет Дориана Грея»), той его частью, которая не увядала, которая была молода и красива, в которой Уайльд видел себя (достаточно посмотреть фотографии Альфреда и юного Уайльда – они очень похожи). И с другой стороны, это та часть Уайльда, которая позволяет себе быть такой, каким он хотел бы быть. Он даже восхищался тем, что Бози был страшный мот, мог позволить себе безумства. Уайльд не считался экономным джентльменом, но то, что делал Бози, для Уайльда было недопустимо и на бессознательном уровне желанно – это были как бы желания его второй половины, сверхнарциссической.

Ситуация с судебным процессом была не случайна и в силу семейной истории.

У Андре Грина есть работа «Hamlet-et-Hamlet» (Green, 2003). Мне хотелось бы сделать здесь очень важное, на мой взгляд, отступление и проследить за аналитической мыслью Андре Грина в этой работе. Это может быть важно для понимания судьбы Оскара Уайльда.

В трагедии Шекспира принцу Гамлету является Призрак отца, который говорит о том, что он был убит братом, дядей принца. Далее в пьесе разворачиваются события, и мало кто из зрителей обращает внимание на то, откуда и почему возникает образ племянника норвежского короля, принца Фортинбраса. Трагедия заканчивается тем, что гибнет Гамлет, его дядя, мать, погибают все наследники датского престола. Норвежскому принцу переходят их земли. О чем это? И даже сам Шекспир, как пишет Андре Грин, возможно, не до конца осознавал, о чем это. Есть какие-то бессознательные мотивы у автора, которые находят выражение в его произведении.

Итак, в начале трагедии Горацио сообщает о том, что у короля Дании, отца Гамлета, когда-то давно был поединок с норвежским королем, дуэль, по окончании которой проигравший должен был уступить все свои земли победителю. Все досталось доблестному королю Дании, который одолел своего противника. Слова Горацио подчеркивают совершенно законный характер этого присвоения. Норвежский король в поединке погибает.

Когда Призрак отца является Гамлету, он говорит о своих тяжких грехах, о том, что самое страшное в его убийстве было – умереть без покаяния в этих грехах.

И вот Андре Грин задается вопросом: что за страшные грехи на душе у датского короля, в чем он не успел раскаяться? И в ходе своего психоаналитического прочтения он приходит к выводу, что «первоначальное преступление – это убийство старого Фортинбраса доблестным королем Дании, которое произошло под видом "законной" дуэли. Каждый противник в том поединке, чтобы засвидетельствовать свое рыцарство, бросал жемчужину из своей короны в чашу другого, но датская жемчужина была отравлена. Ставка в битве не ограничивалась завоеванием норвежских и датских земель. Норвежский король жаждал именно Гертруду. И именно желание сохранить ее любой ценой заставило датчанина, как и его брата Клавдия позже и по тем же причинам, стать наемным убийцей» (Green, 2003).

Принц Гамлет, как об этом говорят служители кладбища в пьесе, родился в тот день, когда погиб норвежский король на дуэли. И гибель принца Гамлета на дуэли, которая изначально была нечестной – отравлена шпага, яд в вине, это как наказание, Страшный суд, который свершается над сыном за грехи отца. Гамлет погибает, потому что стал жертвой вины своего отца.

Как пишет А. Грин, «Шекспир позволяет нам бросить тень подозрения на дуэль отцов, которая произошла в день рождения Гамлета. Зритель пьесы считает прибытие Фортинбраса в день гибели Гамлета совпадением. Но разве это не Страшный суд, который заставляет Гамлета отдать свой голос сыну, ограбленному предательством его отца, короля Дании, требуя молчания о его никогда не раскрытом преступлении? Гамлет может не знать, но Шекспир не оставил этот вывод на волю случая, независимо от того, осознавал ли он, что имел в виду, или это было продиктовано ему его бессознательным. Результат есть, и произведение говорит само за себя, с согласия автора или без него» (Green, 2003).

Когда я читала биографию Уайльда, подобная параллель обозначилась для меня и в его судьбе.

Его отец Уильям Уайльд был врачом, основал больницу Св. Марка в Дублине. Об ухе и глазе, как пишет Ричард Элман, он знал, как никто в Ирландии и во всей Британии. Его больница была первой ирландской больницей, лечившей заболевания этих органов. Его книги стали учебниками. До сих пор применяется так называемый уайльдовский надрез при оперировании уха. (Я поинтересовалась в интернете, в одной из современных статей нашла описание хирургической операции, и там говорилось об уайльдовском надрезе.) В 1863 году он был назначен Королевским

глазным хирургом в Ирландии, а в следующем году удостоен рыцарского звания. Оскару тогда было одиннадцать лет. Событие это отмечалось в семье как важное и значительное.

Вскоре после этого одна из пациенток Уильяма Уайльда обвинила его в том, что во время приема он усыпил ее хлороформом и изнасиловал. Мэри Траверс, так звали молодую женщину, трудно было надеяться выиграть процесс. Вместо судебного преследования она принялась писать в разные газеты оскорбительные памфлеты. Леди Уайльд была уязвлена настолько, что отправила протестующее письмо отцу молодой женщины. И тогда Мэри Траверс подала на леди Уайльд в суд за клевету.

«Присяжные нашли обвинение в клевете справедливым, решив, что сэра Уильям небезвиновен. Однако суд не слишком высоко оценил поруганную невинность мисс Траверс, присудив ей в качестве компенсации сущую безделицу. Сэру Уильяму, впрочем, пришлось уплатить 2000 фунтов судебных издержек по делу жены. Говорили, что судебный процесс сломил сэра Уильяма Уайльда» (Эллман, 2012).

Суд мог оказать неизгладимое впечатление на сына, Оскара. Мы не знаем, что происходило в семье, как реагировала мать на ставшие достоянием публики измены отца, на все эти судебные разбирательства. Семья пережила позор. И когда Оскар приехал на учебу в Портору, то услышал, как там распевалась песенка о том, как врач обесчестил невинную девушку.

Вернемся к процессу Уайльда.

Как было уже сказано, в суд подал не отец Альфреда Дугласа. Вообще маркиз Куинсберри был скандальный, агрессивный человек. С ним развелась первая жена, мать Альфреда, из-за измен, он женился повторно, и вторая молодая жена тоже подала на развод, но уже с довольно унижительной для маркиза формулировкой – обвинила его в мужской несостоятельности. Для него это был нарциссический удар. Он увлекался боксом, любил смотреть на полуобнаженных боксирующих молодых мужчин, занимался покровительством, спонсировал выступления. Даже какие-то правила Куинсберри до сих пор в боксе существуют. Маркиз узнает о связи Альфреда с Уайльдом, которую они не скрывали, и не только не скрывали, а вели себя достаточно вызывающе по отношению к обществу, где это было запрещено. Буквально в 1885 году в Великобритании (Уайльду тридцать один год) была выпущена поправка к закону, в котором говорилось о том, что все действия мужчины с женщиной интимного характера будут караться уголовно. И на вопрос королеве Виктории, почему вы пишете только о мужчинах, она отвечала, что женщины на такое не способны. И на фоне всего этого нарушаются законы, это был риск. Не отец Альфреда, так другой мог обвинить Уайльда в этих грехах, тем более что приводились молодые мужчины, которые занимались и шантажом, и криминалом. Уайльд был постоянно на грани скандала.

К тому же у маркиза Куинсберри старший сын кончает самоубийством. Обнаруживается его тайная связь с министром. Маркиз решает защищать младшего от Уайльда и наносит ему оскорбление.

Уайльд подал в суд за оскорбление чести и достоинства, многие друзья говорили, что это неправильно, что суд будет не на его стороне. Но это уже было нельзя остановить.

И не видим ли мы здесь, что одна из причин этого поступка – вина, которую берет на себя сын за отца? И я задумываюсь над этим...

Когда мы у Элмана в биографии читаем о том, как решался вопрос – подавать в суд или нет, то видим, что тогда разворачивалась как бы сцена, на которой Уайльд пытается проиграть то, что было много лет назад, защитить честь и достоинство себя, своей матери. Такое переплетение треугольника – отец, мать и он, и в актуальном – отец Альфреда, Альфред и он. И Уайльд не может не повторить ту травму, которую он в десятилетнем возрасте испытал.

Я привела этот пример с судом и провела параллель с «Гамлетом», чтобы показать, как много факторов может влиять на жизнь человека, на формирование его психического функционирования. И как неожиданно может проявиться то, что было давно и на первый взгляд не имеет отношения именно к самому человеку. Как говорил Рене Руссийон, нарциссическая проблематика может быть как часть большого комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грин А.* Нарциссизм и психоанализ: вчера и сегодня / Пер. с фр. А. Коротецкой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2. Вып. 3. С. 5–51.
2. *Руссийон Р.* «Символизирующая функция объекта» // Французская психоаналитическая школа / Под редакцией А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005.
3. *Элман Р.* Оскар Уайльд: Биография / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012.
4. *Green A.* Hamlet et Hamlet: Une interprétation psychanalytique de la représentation. Bayard (2003).

The Fate and the Death of Oscar Wilde

L. V. Korotkova

Korotkova Lyudmila V., psychoanalytic psychologist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, member of the Association of Specialists in Psychoanalytic Psychosomatics (ASPP), Secretary of the ASPP.

The generally accepted view of the researchers of Oscar Wilde's life is that the writer became a victim of those legislatively approved norms in society that limited a person as a person. In the article, the author makes an attempt to psychoanalytically comprehend the biography of the writer, and, relying on the concepts of modern psychoanalytic theory, to show that Oscar Wilde's fate was determined by such factors as mental functioning, transgenerational history, etc. human contradictions.

Keywords: Oscar Wilde, aestheticism, omnipotence of thinking, narcissistic perspective, Andre Green, "The Portrait of Dorian Gray", Hamlet, trial.

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Сдирая шкуру с оркестра. От С. Дали к Д. Анзье. Социально-психологические особенности развития ребенка при отсутствующей фигуре отца

А. Д. Лунина

Лунина Алена Дмитриевна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, аспирант Московского государственного областного университета (ФГБОУ ВО МГОУ).

Кожа – эта тема неисчерпаема. Как в психоаналитической литературе, так и в мировом художественном пространстве совершаются попытки осмыслить, что такое для человека метафора кожи, оболочки. Картина Сальвадора Дали «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра» является точной, безмолвной иллюстрацией к идеям высказанным Д. Анзье о Я-коже. В данной статье картина рассматривается в двух направлениях мысли – с точки зрения «кожного» функционирования и с точки зрения установления Закона отца на примере случая пациента, страдающего псориазом.

Ключевые слова: закон отца, «цензура любовницы», Я-кожа, вторая кожа, аннигиляция, псориаз.

«Мое одиночество очень велико. Я не нуждаюсь в друзьях, но Мне надо говорить о себе, и Мне не с кем говорить. Одних мыслей недостаточно, и они не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу их словом: их надо выстроить в ряд, как солдат или телеграфные столбы, протянуть, как железнодорожный путь, перебросить мосты и виадуки, построить насыпи и закругления, сделать в известных местах остановки – и лишь тогда все становится ясно. Этот каторжный инженерный путь называется у них, кажется, логикой и последовательностью и обязателен для тех, кто хочет быть умным; для всех остальных он не обязателен, и они могут блуждать, как им угодно».
Л. Н. Андреев «Дневник Сатаны»

Можем ли мы открыться другому человеку, не сдирая с себя кожу и не выворачиваясь наизнанку? Даже в психотерапевтической, казалось бы, безопасной ситуации? Можем ли мы простить нашего отца, если он оказался «импотентом», «кастрированным» отцом и не смог заткнуть черную бездну пасти «крокодила» матери своим фаллосом (Лакан, 1995)?

Способны ли мы подобрать слова для того, чтобы передать весь ужас отчаяния?

Сальвадору Дали пришлось содрать шкуру с оркестра, чтобы показать миру, насколько пугающей для него была его импотенция, о которой, стоит заметить, он говорил много раз и даже превозносил ее, в отчаянии заявляя, что все великие этого мира были импотентами (Гибсон, 2004).

В его картине «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра» можно увидеть два совершенно разных пласта смыслов – смыслов психоаналитических (фото 1). Дали возносил Фрейда до небес и считал его почти равным Богу, 20-минутная встреча с отцом психоанализа, да и с отцом Дали по его же словам, стала краеугольным камнем в жизни и творчестве известного каталонца (Гибсон, 2004).

Первый слой, считываемой в этой картине, конечно же следующий из названия, – это кожа. Даже не кожа – шкура. Что можно сказать о коже/шкуре? Наш язык чудесно иллюстрирует общее культурное переживание пенетрации (внедрения): «Он залез ко мне под кожу» – общеупотребимая фраза, активно используется в повседневной речи. Дали пошел дальше, он буквально снял с себя кожу и представил ее на обозрение публики. Мы не будем заниматься анализом биографии самого художника, но лишь подчеркнем, насколько тонко он смог передать ощущение себя как недееспособного, с содранной шкурой. Рояль, от которого осталась только лишь оболочка, содранная с твердого каркаса. Вот как красиво эти представления отражаются в психоаналитических идеях Д. Анзье о Я-коже (Анзье, 2011).

Кожа – это не только граница, самый обширный орган тела, но и первичный контейнер, поле битвы внутренних конфликтов (Бик, 2011). Может быть, поэтому Дали сдирает шкуру с оркестра и вручает ее женщинам. На «мягком» рояле невозможно играть, он слишком тонкий – это тонкая кожа пограничного пациента (Бейтмен, 2011). Так, пациент К. отдает в руки женщины-терапевта свою кожу, чтобы она сама распорядилась, читала по ней, поскольку он не справляется и чувствует себя слишком хрупким. К. страдает от псориаза, обостряющегося каждый раз при разлуке на отпуск. Он не может подобрать верных слов своим переживаниям и настолько хрупкий, что вынужден всегда нападать, но в минуты отчаяния он говорит: «Я хотел бы, чтобы вы содрали с меня кожу, вывернули ее наизнанку и на обратной стороне сами прочитали, что там написано». И тогда я оказываюсь той самой женщиной с виолончелью в руках, словно убитой, иссушенной, а голова моя – это цветы. Только цветы, ибо живая человеческая голова слишком опасна, она может подумать о нем, живая человеческая голова, это то, с чем невозможно столкнуться в терапии. К. оказывается охвачен ужасом, он не может придать своим мыслям твердую форму слов, он может только лежать у меня на руках,

Фото 1. С. Дали «Три молодых сюрреалистических женщины, держащих в руках шкуры оркестра»

маленькая, вывернутая наизнанку виолончель. Только терапевтический холдинг (Винникотт, 1998; Лунина, 2019) удерживает его от того, чтобы рассыпаться на части и перестать существовать.

На время наших перерывов он изобретает для себя вторую кожу, свой деловой костюм, он в нем ходит на работу, он в нем ест, спит, занимается сексом. Всегда застегнут на все пуговицы, галстук, идеально острые стрелки брюк. Он боится снимать костюм, боится аннигиляции. В работе с К. терапевту приходится за двоих одеваться в латы, выдерживать его атаки, принимая его уязвимость. Его невыразимый ужас, угрожающий распадом, и его больная кожа, не вмещающая всю силу переживаний. «Психоз» кожи в виде бушующего псориаза. Это его «Красный смех» (Андреев, 2018), который в итоге поглотит мир, и мир будет полон убитых, поврежденных частей, осколков его чувств, которые мы пытаемся собрать во время каждой встречи. Он словно сам бесконечно ранит себя этими осколками, оставляет на коже шрамы. Пока кожа болит, он знает, что он в этом мире присутствует. Фрейд в своей знаковой работе «Я и Оно» писал о телесности Я: «Я не только и не столько поверхностно,

сколько является проекцией поверхности» (Фрейд, 2019). Видимо, для К. оказывается возможным существование его Я только через болезнь поверхности – кожи: «Боль, по-видимому, тоже играет роль, а способ, каким при болезненных заболеваниях приобретает новое знание о своих органах, может, вероятно, служить примером способа, каким человек вообще приобретает представление о собственном теле» (Фрейд, 2019, с. 4). Тело К. болит, в его представлении оно может быть только израненным.

К. не может простить своего отца за то, что тот оказался слишком слабым и не защитил его от вселяющего ужас контроля матери, бесконечного контроля всех его чувств. Он ненавидит этот расплывшийся рояль, он боится черной дыры тромбона, боится, что она полностью поглотит его. И это второй слой работы Дали – отец, неспособный быть мужчиной, пойманная за «хвост» шкура рояля. Как у Лакана, который говорил о матери как о ненасытной пасти крокодила, которую может заткнуть только фаллос отца (Лакан, 1995), у К. такого отца рядом не оказалось, теперь он вынужден бесконечно сопротивляться этой аннигиляции. Лакан указывает на то, что отношения матери с ребенком не имеют системы, мать то фрустрирует ребенка – уходя, то ласкает его, это напоминает параноидно-шизоидную стадию М. Кляйн (Кляйн, 2010), то есть мать сводит ребенка с ума, до тех самых пор, пока не появится отец, чтобы установить свой закон, чтобы ограничить полноправное владение матери ребенком (Жибо, Россохин, 2005; *Braunschweig, Fain*, 1977). Только метафора отца может дать ответ ребенку на вопрос о его существовании. В фантазии К. отец ответа не дает, отец – это только шкура на руках у женщины.

К. оказывается в ситуации, когда женщина-терапевт, держа его на руках, должна спасти его от той женщины, живущей в его бессознательном, которая сняла шкуру с его отца. У всех женщин голова в цветах – они не ведают что творят, превращают своего «ребенка дня» в «ребенка ночи». «Цензура любовницы», о которой писали Мишель Фен и Дениз Брауншвейг (*Braunschweig, Fain*, 1977), не была установлена, К. кажется, что его мать всегда была рядом, всегда присутствовала и всегда что-то говорила, чаще неприятное и жестокое, она была так близко, что становится совершенно непонятно, слились ли они в единый организм или болезнь К., его псориаз – это мучительный способ доказать самому себе, что у него есть граница (Лунина, 2019; Макдугал, 2007). Мать настолько интенсивно инвестировала своего ребенка, что К. не удалось сформировать свое внутреннее психическое пространство, в котором он мог бы переживать и фантазировать об их отношениях, ему приходится выносить все на поверхность, на внешний слой кожи и на коже писать свою историю (Макдугал, 2007). Он настолько охвачен идеей своей маскулинности, своей способности быть мужчиной, что пенетрирует буквально все. Свою психику – фантазиями о проникновении под собственную кожу, свою кожу – уколами, направленными на излечение псориаза, меня – нападениями и вторжением, К. часто приходит на сеанс на час раньше, бесконечно число женщин, с которыми он вступает в интимные отношения на одну ночь. Это и его месть матери, желание проникнуть в нее и самому

вместо отца «заткнуть» ее. Ротштейн считает, что первичная нарциссическая травма может приводить к мыслям о мести и садомазохистской атаке объекта (*Rothstein, 1977*). И К. атакует: в своих фантазиях он сажает мать на поезд, который должен сойти с рельс. Женщина с цветами вместо лица – не напоминает ли это возложенные к могиле цветы?

Дали рисовал женщин с головами-цветами, цветы – символ нежности и страсти, а во многих культурах и символ женских половых органов. Все мы дети наших матерей, единение с материнской частью мы познали еще до появления на свет, находясь в утробе (*Шассге-Смиржель, 2005; Шафер, 2007*), все мы вынуждены бороться со страхом слияния с матерью, с желанием вновь погрузиться в утробу, и только отцовская фигура может спасти нас – закон отца по Лакану (*Лакан, 1995*), «цензура любовницы» Мишеля Фена и Дениз Брауншвейг (*Braunschweig, Fain, 1977*). Если же мы не знаем отца и он не представлен в психическом пространстве матери в качестве надежного, удовлетворяющего объекта, то мы вынуждены будем рисовать на холстах женщин с головами-цветами – в случае Дали (*Гибсон, 2004*) – или, как в случае К., «рисовать» крупными мазками псориаз на своей коже, вынужденной выворачиваться наизнанку, чтобы его услышали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Л.* Красный смех. М.: Т. 8. Модное чтение, 2018.
2. *Анзье Д.* Феномены аутизма и Я-кожа // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 264–270.
3. *Бейтман Э.* Толстокожие и тонкокожие организации и инсценирование при пограничных и нарциссических расстройствах // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 271–293.
4. *Бик Э.* Переживание кожи в ранних объектных отношениях // Психология и патопсихология кожи / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. С. 128–134.
5. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
6. *Гибсон Я.* Безумная жизнь Сальвадора Дали. Мастера живописи. М.: Артродник, 2004.
7. *Жибо А., Россохин А. В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью. СПб.: Питер, 2005. С. 13–43.
8. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: В 7 т. Т. 6: «Зависть и благодарность» и другие работы. Ижевск: ERGO, 2010.
9. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995.
10. *Лунина А. Д.* Скрытые суицидальные тенденции в фантазии о «снятии кожи», «выходе из-под кожи», «срезании кожи» у дерматологических пациентов // Психиатрия и психоанализ. Клинические диалоги. Материалы международной конференции. М.: 2019. С. 161–169.

11. *Лунина А. Д.* Социально-психологические особенности образа отца в истории и современном мире и его влияние на психосексуальное развитие дочери // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 89–96.
12. *Макдугал Дж.* Театры тела. М.: Когито-Центр, 2007.
13. *Мельцер Д.* Адгезивная идентификация // *Психология и патопсихология кожи* / Сост. и науч. ред. С. Ф. Сироткин, М. Л. Мельникова. Ижевск: ERGO. М.: Когито-Центр 2011. С. 149–174.
14. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского эдипова комплекса. Французская психоаналитическая школа / Пер. Н. И. Чельшевой, Е. С. Смирнова; научная редакция А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 385–425.
15. *Шафер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов. Уроки французского психоанализа. Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007.
16. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Избранные работы / Пер. Л. Голлербаха. М.: Юрайт, 2019.
17. *Braunschweig D., & Fain M.* *Le Nuit, le jour*. Paris: Presses Universitaires de France.
18. *Rothstein A.* The ego attitude of entitlement. *Int. Rev. Psycho-Anal.* 4:409-17, 1977.

Ripping off shukura from the orchestra. From S. Dali to D. Anzier. Socio-psychological features of a child's development with an absent father figure

A. D. Lunina

Lunina Alyona D., clinical psychologist, psychoanalytically oriented psychotherapist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, postgraduate student of the Moscow State Regional University (MSOU).

Leather – this topic is inexhaustible. Both in psychoanalytic literature and in the world art space, attempts are being made to comprehend what a metaphor of skin, shell is for a person. Salvador Dali's painting "Three young surreal women holding orchestra skins in their hands" is an accurate, silent illustration of the ideas expressed by D. Anzier about I-skin. In this article, the picture is considered in two directions of thought – from the point of view of "skin" functioning and from the point of view of establishing the Law of the Father on the example of the case of a patient suffering from psoriasis.

Keywords: father's law, "mistress censorship", I-skin, second skin, annihilation, psoriasis.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Герой нашего времени: бунтарь без Эдипа

Д. В. Нецадим

Нецадим Дмитрий Владимирович – кандидат биологических наук, доцент НГУЭУ¹, медицинский (клинический) психолог, психоаналитически ориентированный психолог.

Каждое поколение имеет своих героев. В настоящее время сложно однозначно сказать, кто герой нашего времени. Это можно сделать спустя какое-то время, обернувшись назад и оценив общую картину прошедшего. К примеру, иконой 90-х годов в России стал герой в лице интеллектуального киллера Данилы Багрова в фильмах «Брат» и «Брат-2» Алексея Балабанова (1959–2013), спасающего весь мир от вырождающегося капитализма. Возможно, одним из героев прошедшего миллениума мог быть Стив Джобс (1955–2011), который буквально заразил всю планету «яблочными технологиями». В настоящее время можно говорить о том, что в связи с быстрорастущим технологическим прогрессом современный человек стал больше дистанцироваться и виртуализироваться. Он меняется, и вместе с ним меняется и конфигурация его психики. Чтобы понять современное поколение (как принято в обыденной речи называть «миллениалов» и «хоумлендеров»), можно обратить свой взор в прошлое. Как писал Жак Пеше (1758–1830) от имени французской портнихи Розы Бертен (1747–1813) в своих мемуарах о сменяющейся моде, «все новое – это хорошо забытое старое». Поэтому в данной статье мы обратимся к киноленте Николаса Рэя (1911–1979) «Бунтарь без причины» 1955 года, в которой легендарный актер трех ролей Джеймс Дин (1931–1955)² сыграл главную роль бунтаря, воплотив в кинематографе образ бунтарского духа последующих поколений. Рассмотрим данный фильм с точки зрения клинического и прикладного психоанализа для лучшего понимания современного общества молодых людей, а также чтобы попытаться сформулировать: какого героя нашего времени требует сейчас мировая культура?

Ключевые слова: теория поколений, облако культуры, бунтарь, Эдип, невроз, психоз, перверсия, пограничность.

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ, Нархоз).

² Джеймс Дин исполнил три яркие роли в американском кинематографе: роль Кэла Траска в «К востоку от рая» (реж. Элиа Казан, 1953), Джима Старка в «Бунтаре без причины» (реж. Николас Рэй, 1955) и Джетта Ринка в «Гинате» (реж. Джордж Стивенс, 1956). 30 сентября 1955 года около города Шолэм (округ Сан-Луис-Обиспо, штат Калифорния, США) Джеймс Дин погиб в автомобильной катастрофе по причине быстрой езды, к которой пристрастился после съемок в фильме «Бунтарь без причины». В 2001 году вышел в прокат байопик о жизни актера – «Джеймс Дин» (реж. Марк Райделл, 2001).

«– Сейчас не те времена.
– Времена всегда одинаковые! Прежде чем что-то получить,
нужно заслужить, заработать!»
«Москва слезам не верит» (реж. Владимир Меньшов, 1973)

«Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете...
Да ведь надобно же и строить». Николай Петрович Кирсанов.
«Дети чувствуют, кто их любит». Дуняша.
И. Тургенев. «Отцы и дети»

Этимология названия фильма. Оригинальное название фильма на английском языке – *The Rebel Without Cause*. Название было позаимствовано из книги американского психоаналитика Роберта М. Линднера (1914–1956) «Бунтарь без причины: Гипноанализ криминального психопата» (*Lindner, 2014*), в которой автор исследовал проблемы гипноанализа малолетних преступников. Необходимо отметить, что содержание книги стало основой для будущего сценария про банды малолетних преступников в школе. Рассмотрим этимологию слов, входящих в оригинальное англоязычное название фильма. Первое слово «rebel» происходит от старофранцузского «rebelle», которое является заимствованием из латинского «*rebellis*» – «возобновляющий войну» (букв.), то есть мятежник или бунтарь, которое восходит к латинскому глаголу *rebellare* (*re + bello* – постоянно возобновлять войну)³. Соединительный союз «without» подчеркивает связь объекта с *внешней* реальностью. А слово «cause» также имеет старофранцузское происхождение, восходящее к латинскому «*causa*» – «мотив» или «причина». В русскоязычном прокате фильм был переведен как: «Бунтарь без причин», «Бунтарь поневоле» и «Бунтарь без идеала». Первый перевод дословно повторяет значение оригинального названия, тогда как второе и третье названия являются уже вольной художественной адаптацией. Второе отражает контекст принуждения и несвободы выбора, тогда как третье маркирует экзистенциальное одиночество «байроновского героя» (экзистенциальная тревога). Можно сделать предположение, что в киноленте пойдет речь о малолетних бунтарях, протестующих без явной внешней причины. Что это за такие бунтари, почему и против кого они бунтуют? Фильм был снят в 1955 году и отражает жизнь молодежи в послевоенное время в США, в середине 50-х годов. Подростки и молодые люди представляют собой так называемое «тихое поколение».

Цикличность поколений. В 1991 году Ульям Штраус (1947–2007) и Нил Хау (р. 1951) опубликовали совместное исследование последовательности поколенческих биографий в США в книге «Поколение» (*Strauss, Howe, 1991*). Они обнаружили, что на протяжении пяти столетий можно

³ Educalingo: Словарь для любознательных людей. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 08.11.2021. URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en>.

определить цикличность смены четырех последовательных поколений. Идея о цикле повторяющихся поколений не нова. Например, арабский мыслитель Ибн Халдун (1332–1406) отмечал цикличность развития государственности у кочевников. По его мнению, к власти приходили сильные правители, обеспечивающие особые узы сплоченности племени, но после государственный ансамбль, как правило, слабел, и в течение примерно трех поколений правящая династия приходила в упадок из-за изнеженности и расточительства сменяющихся потомков правителей (Теория и методология истории, 2014). Данную мысль также можно встретить при исследовании современных династий самых богатых людей в мире – например, семьи Ротшильдов и Рокфеллеров (Мортон, 2010; Фурсенко, 1968). Первое поколение наработывает капитал, второе поколение им распоряжается, третье поколение, как правило, банкротится, а четвертое живет в кризисе, пока цикл вновь не повторяется. По этой причине сосредотачивать все финансы и власть в руках одной только семьи является не самым благоразумным решением.

В теории Штрауса – Хау говорится, что общество проживает череду социальных событий (*Strauss, Howe, 1991*): *Подъем, Пробуждение, Спад и Кризис*. В среднем правление одного поколения составляет 20 лет, таким образом один полный цикл – это примерно 80 лет (что является средней продолжительностью жизни в настоящее время). Авторы использовали *архетипы*, маркирующие каждое из четырех сменяющих друг друга поколений: *Пророк, Странник, Герой и Художник*. Первое поколение – **Пророки**. Дети данного поколения рождаются в конце эпохи Кризиса, во время оживления жизни общества и поиска консенсуса по поводу нового социального порядка. В юном возрасте они избалованны, а в совершеннолетнем они становятся молодыми эксцентричными предвестниками Пробуждения. В середине жизни они сосредотачиваются на морали и принципах, а в старости на правах старейшин руководят Кризисом. За Пророками следует поколение **Странников**, которые рождаются в эпоху Подъема, время социальных идеалов и духовных исканий, когда молодые люди яростно критикуют устоявшийся порядок. Странники растут незащищенными детьми в период Пробуждения. В совершеннолетнем возрасте они – это отчужденные молодые люди эпохи Постпробуждения. Впоследствии становятся прагматичными взрослыми лидерами в Кризис, а старость встречают с большим запасом жизненных сил. Вслед за Странниками следует поколение **Героев**. Они рождаются после Пробуждения, во время социального Спада, в период индивидуального прагматизма, уверенности в своих силах и невмешательства. Герои растут очень оберегаемыми детьми Постпробуждения, достигнув совершеннолетия становятся оптимистами, ориентированными на интересы группы. Во время Кризиса становятся энергичными и чрезвычайно уверенными в себе, в старости превращаются в политически могущественных пожилых людей, встречающих очередное Пробуждение. И четвертое – это поколения **Художников**. Они рождаются после Спада во время Кризиса, когда серьезные угрозы упрощают социальные и политические процессы в пользу общественного консенсуса. Взрослые, занятые Кризисом,

чрезмерно оберегают данных детей. Последние достигают совершеннолетия социализированными приспособленцами в посткризисном мире. В среднем возрасте они становятся взрослыми лидерами, ориентированными на активную деятельность во время Пробуждения. В конце жизни превращаются в пожилых людей в эпоху Постпробуждения.

В киноленте «Бунтарь без причин» представлены три поколения цикла «Великой силы» (1860–1942) и одно поколение цикла «Миллениума» (1943–2012) в США. Юные молодые люди, которым примерно по 16–18 лет, – это поколение Художников, названное «тихим поколением», рожденные с 1928 по 1942 год, в период Великой депрессии и Второй мировой войны (Кризис). Их родители – представители «великого поколения» Героев, рожденные с 1901 по 1927 год, в период Первой мировой войны и сухого закона (Спад). Представители прародителей – это «потерянное поколение» Странников, рожденные с 1883 по 1900 год, в период реконструкции Юга и позолоченного века в США (Подъем). Между прочим, как раз данное поколение стало наиболее известно всему миру благодаря творчеству писателей Эриха Марии Ремарка (1898–1970) и Эрнеста Хемингуэя (1899–1961). Также в фильме можно увидеть совсем юных представителей поколения «беби-бумеров», рожденных в период с 1943 по 1962 год, в эпоху экономической и общественно-политической стабильности, названной РахАмеригана (Подъем). Таким образом, три главных героя фильма – Джеймс Старк (роль которого исполнил Джеймс Дин), Джуди (Натали Вуд) и Джон Кроуфорд (Сэл Минео) – являются представителями «тихого поколения». Как раз это поколение Художников, которые вместе с «беби-бумерами» станут основной силой бунтарского духа будущей культурной революции молодых людей во всем мире, начиная с 1968 года.

Необходимо отметить, что данный фильм является актуальным на сегодняшний день также с той точки зрения, что современные молодые люди, рожденные в период с конца 1990-х по 2012 год, также являются поколением Художников, названных «поколением Z». Хотя теория Штрауса – Хау была сформулирована на материале истории англо-американского народа, она получила широкое распространение во многих странах, в том числе и в России. По мнению Евгения Шамиса, смена поколений проходит практически в одном режиме по всему миру, так как современный мир характеризуется всеобщей индустриализацией, глобализацией и капитализацией (Короленко, Дмитриева, 2009). Далее предлагаю рассмотреть каждого из главных героев фильма «Бунтарь без причины», которые впервые встретились в полицейском участке (*рис. 1*), с точки зрения теории клинического и прикладного психоанализа. Неподготовленному читателю (далекому от теории психоанализа) может показаться, что автор данной статьи чрезмерно патологизирует личность каждого персонажа. Однако здесь важно упомянуть концепт «частного безумия» (или «белого психоза»), предложенный французским психоаналитиком Андре Грином (1927–2012) (*Green, 2005*), который видел в «странностях» людей скорее возможность компенсировать внутриличностный конфликт и сохранить целостность психики, нежели

Рис. 1. Сцена, где впервые трое главных героев – Джеймс, Джуди и Джон – встречаются в полицейском участке после празднования Пасхи. Кадр из к/ф «Бунтарь без причины» (реж. Николас Рэй, 1955)

констатацию психиатрического статуса. Речь пойдет не о психопатологии молодых людей, а о том, как функционирует их психика в возможности реализовать судьбы их бессознательных влечений.

Джуди и ее «невроз». Все три героя истории случайно пересекаются в полицейском участке в ночь дня празднования Пасхи. Джуди – это яркая девушка в красном пальто и платье, с яркой красной помадой на губах. Причиной ее ареста стало подозрение в проституции из-за того, что несовершеннолетняя девушка бродила ночью по улице. На допросе она плакала и закатывала истерики, обвиняя отца то в безразличии, то в жестокости: *«Он (отец) меня ненавидит. <...> Он посмотрел на меня так, как будто я самое отвратительное создание во всем мире. Ему не нравятся мои друзья. Ему вообще ничего не нравится. И он называл меня... назвал меня грязной шлюхой! Мой отец! <...> Он, может, и не хотел, но вел себя так, как будто я и есть шлюха. Мы собрались вместе. Мы хотели отпраздновать Пасху. Ничего не предвещало ссоры в этот день. Ничего особенного. Надела свое новое платье. Я вышла... Он ударил меня по лицу! А потом начал стирать мою помаду с губ. Мне казалось, что он сотрет все мое лицо. И я выбежала из дома».* С точки зрения клинического психоанализа, случай Джуди можно отнести к *истерическому неврозу* (Фрейд, 2020b). В ее действиях много соблазна, а внутриличностный конфликт проявляется по принципу «Я хочу, но не имею права». Объектом ее инцестуозных желаний является фигура отстраненного отца, а мать выступает в роли ненавистной соперницы, к которой девушка испытывает ревность. Скрытыми желаниями девушки являются как раз стать «шлюхой» для своего отца и увести его от стареющей матери. Накал данного конфликта снижает наличие младшего брата, который забирает часть внимания матери на себя и проявляет самые нежные чувства к старшей сестре, что выражено в его словах: *«Привет, симпатяга! Привет, мой пирожок, моя сладкая!»* Офицер по делам несовершеннолетних

Рэй Фремик (Эдвард Платт) дает следующую генетическую интерпретацию действиям Джуди, которые привели ее в полицейский участок: *«Поэтому вы шатались по улице в час ночи, чтобы провести свой досуг с мужчиной? <...> Может быть, вы думали, что таким образом сможете вернуться к отцу, если вы с ним не так близки, как хотели бы быть? Может, это и есть тот путь, чтобы привлечь его внимание. Вы думали об этом?»* На что Джуди ответила «установкой»: *«У меня никогда не будет хороших отношений ни с кем»*, – а после закатила очередную истерику, как только узнала, что за ней придет не отец, а мать. В доказательство гипотезы об истерическом неврозе можно привести семейную сцену, когда Джуди спустилась к ужину, напомнила отцу, что он что-то забыл, и быстро поцеловала отца в губы. Отец отпрянул и выразил свое неудовольствие действиями взрослой дочери: *«Что с тобой? Ты слишком стара для поцелуев. Я думал, что ты уже давно не делаешь этого»*. Последующая попытка поцеловать отца кончилась пощечиной и ночным побегом дочери из дома (рис. 2).

В старшей школе Джуди вела себя вызывающе. Она часто ночью сбегала из дома, курила сигареты и встречалась с местным главарем банды Баззом Гандерсоном (Кори Аллен). Главный герой Джеймс заметил яркую Джуди еще в полицейском участке, где подобрал ее зеркальце с рисунком из ромашек на голубом фоне, которое девушка впопыхах оставила там. Наутро оказалось, что Джуди живет с семьей в соседнем доме, и Джеймс попытался познакомиться с ней. Джуди вела себя неприветливо, в ответ на проявление внимания молодым человеком сказала ему прямо в лицо: *«Мне кажется, ты настоящий слабак»*. В последствии она подстрекала своего парня на драку с новичком в планетарии: *«Ну что, поборешься за меня?»* Джуди прямо на глазах становилась более активной, когда видела, как молодые люди борются между собой *как будто*

Рис. 2. Сцена, где Джуди второй раз целует отца перед тем, как сбежать из дома. Кадр из к/ф «Бунтарь без причины» (реж. Николас Рэй, 1955)

из-за нее. Сцена «куриных бегов» (так назывались опасные ночные гонки на краденых машинах на обрыве, когда нужно успеть выскочить на полном ходу из автомобиля) – тому доказательство. На старте девушка демонстративно ухаживает за Баззом (подает ему щепотку земли для рук, целует в губы и желает удачи) и тут же повторяет этот же поведенческий рисунок с Джеймсом, но без поцелуя. Она является центром их общего внимания и борьбы. Джуди выступила также в качестве сигнала к старту, когда взмахом рук обозначила начало опасной гонки (иллюзорный контроль мужского либидо). В попытках нравиться парням можно увидеть, как искажается ее лицо, как только она касается взглядом своих губ в зеркальной поверхности (отвергающий взгляд отца). Неистовое желание заполучить отцовский фаллос встречается с постоянным отвержением. В поступках Джуди также можно уловить конфликт половой идентичности – кто она: женщина или мужчина? Дома она пытается быть пайнкой, а стоит ей выйти за дверь, как она становится своей противоположностью. С учетом второй топики австрийского психоаналитика и отца психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939), невроз девушки является результатом конфликта между инстанциями психики: Я и Оно (Фрейд, 2020а; 2020с). По топике французского психоаналитика Жака Лакана (1901–1981) это область *символического*, «S» (Лакан, 2014). А ведущим механизмом сборки психики и судьбы влечений является *вытеснение*.

Ситуация кардинально меняется после трагедии, когда Базз не смог из-за зацепившегося за ручку двери рукава куртки вовремя выскочить из автомобиля. Машина разбивается со взрывом. Девушка в эту же ночь быстро влюбляется в Джеймса, который возвращает ей потерянное зеркальце. В данном случае зеркальце – это *parsprototo* (лат. «часть вместо целого») или «переходный объект» (Винникотт, 2017). Он символизирует заботу и внимание, с которым Джеймс ухаживает за строптивой девушкой, – то внимание, которого девушка ждет от отцовской фигуры: Джуди после признается, какие парни нужны девушкам: *«Мужчина, который может быть ласковым и приятным. Тот, кто не убежит, когда ты будешь в нем нуждаться. Это и значит быть сильным»*. В отличие от Базза Джуди начинает бояться за жизнь Джеймса, когда тот решает сдать полицию: *«Он не должен брать вину на себя! <...> Никто не ведет себя искренне»*. Важно отметить, что события всего фильма происходили как в настоящей древнегреческой трагедии – практически в течение одного дня, в одном пространстве (городка) и объединены одним общим действием (Аристотель, 2018). Влюбленность Джуди в парня, которого она знает меньше, чем сутки, говорит больше о *переносном* характере ее чувств, смещенных с отцовского родительского объекта на Джеймса. В истории речь идет преимущественно о *треугольнике отношений*, разыгрываемом между тремя молодыми людьми: Джуди, Джеймсом и Джоном. Для Джуди Джеймс выступил в роли отцовской фигуры, а Джон – в роли материнской. Влюбленная девушка начала ревновать Джона к Джеймсу, выпрашивая у первого, как долго они знакомы. Впоследствии она инфантилизировала фигуру Джона, снижая свою

ненависть к материнскому объекту, глядя его по голове, как младшего брата в особняке, где молодые люди спрятались, сбежав ночью все вместе из дома. В итоге Джуди была взволнована тем, являются ли ее чувства к Джеймсу настоящими: «Я кого-то люблю. Все это время я искала того, кто сможет полюбить меня. А теперь я кого-то люблю. Это так просто. Почему это так легко? <...> Я люблю тебя, Джим. Я правда тебя люблю!» Джеймс ответил Джуди словами: «Ну что ж... Я рад!» – и поцеловал девушку в ответ.

Джон Платон Кроуфорд и его «психоз». Джон – на вид худой, замкнутый и неразговорчивый подросток итальянского происхождения в строгой школьной форме (брюки, рубашка, жилет и галстук). Молодой человек в участке все время мерз, что побудило Джеймса дважды предложить ему свой пиджак. Джон молча проигнорировал оба предложения незнакомца. К тому же в участке он был не один – его сопровождала чернокожая няня, которая обычно присматривала за ним, пока мать была в отъезде. Причина его ареста – убийство щенков: молодой человек перестрелял щенков из пистолета, который взял у матери в ящике. В ходе диалога со следователем мы узнаем, что у Джона есть кличка Платон, и некоторые другие фрагментарные подробности о его личности. Однако их диалог сложно назвать полноценным, так как на вопросы следователя Джон отвечал неохотно и уклончиво, а няня каждый раз брала инициативу в свои руки и отвечала за Джона. Она также поучала молодого человека, как необходимо вести себя в той или иной ситуации со взрослыми людьми. Джон сразу выдал «установку» на предложенную ему следователем помощь: «Никто не сможет мне помочь!» Подросток жил один с няней, так как было сказано, что его мать часто бывала в разъездах, а отец давным-давно жил отдельно от них. До того как родители разошлись, он часто сбегал из дома, а они его каждый раз возвращали домой. Причиной побега были частые ссоры между родителями. Также мы узнаем, что у Джона в день Пасхи был день рождения. Следователь настоятельно рекомендовал парню обратиться к психологу. Однако позже мы узнаем, что Джон посещал какое-то время «мозгоправа», пока мать не прекратила эти сеансы, сославшись на финансовые трудности. Тем не менее это не помешало ей в очередной раз оставить сына и отправиться в поездку на Гавайи.

В общении Джона с Джеймсом и Джуди видно, что парень – патологический врун. Каждый раз он придумывал другую легенду своему отцу: то он «большая шишка в Нью-Йорке», то он «героически умер в Китайском море». В его высказываниях проявилась резкая *амбивалентность*, шатания от ненависти к любви и наоборот. Кличка парня Платон может навесть нас на мысль, что Джон часто фантазирует и моментами теряет связь с окружающей реальностью. В связи с этим на ум приходит ассоциативная связь с «платоновской пещерой», где прикованные в пещере люди пытались представить по теням на стене, что происходит вне пещеры (Платон, 2020). Его поступки и облик выдают черты вычурности и «странности». Джон носит носки разного цвета, красный и синий, – что перекликается с красным цветом красной куртки Джеймса и синим цветом джинсов

героя. Джон также на удивление быстро привязался к Джеймсу. В школе он сразу узнал того незнакомца, который в полицейском участке дважды предлагал ему свой пиджак. Также мы можем обратить внимание, что на дверце шкафчика висит фотография американского актера Алана Лэдда (1913–1964), который был популярным в 1940–1950-е годы в США. Он снялся в двух ярких картинах: это один из ранних фильмов в жанре нуара «Оружие по найму» (англ. *This Gun for Hire*; реж. Фрэнк Таттл, 1942) и ближе по времени к фильму вестерн «Шейн» (англ. *Shein*; реж. Джордж Стивенс, 1953). Знакомство с этими фильмами может помочь лучше понять, какие желания реализовались в образе данного актера.

В первом фильме А. Лэдд играет роль хладнокровного наемного убийцы по кличке Ворон, который проявлял мягкость к кошкам. В кульминационный момент киноленты герой рассказал девушке, которая ему помогала уйти от полиции, сон, раскрывающий секрет его прошлого: *«Я читал где-то слова одного доктора – психо-как-то-там. Если рассказать свой сон, то никогда его больше не увидишь. Правда? <...> Женщина. Мне снится женщина. Она была меня: "...чтобы выбить из меня дурную кровь", – говорила она. Моего старика повесили. Мать умерла сразу после этого. Я стал жить с этой женщиной, своей теткой. Она была меня с трех лет до четырнадцати. Однажды она увидела, как я потянулся за шоколадом. Она берегла его для пирога. Жалкий кусок шоколада! Она ударила меня раскаленным утюгом. Размозжила мне запястье. Я схватил нож и всадил ей его... прямо в глотку! На меня навесили ярлык "Убийца". Запрятали в исправительную школу и снова стали бить. Но я рад, что убил ее»*. В фильме «Бунтарь без причины» режиссер явно цитирует некоторые сцены из «Оружия по найму», перенося образ «странности» киллера на Джона. Молодой человек, перед тем как сбежать из дома, читает, а затем разрывает на кусочки очередной чек на алименты от матери и достает спрятанный под матрасом пистолет. Киллер Ворон также, перед тем как отправиться на дело, читает письмо и потом достает спрятанный пистолет (рис. 3). Во втором фильме актер А. Лэдд играет стрелка Шейна без прошлого, который появляется в небольшом городке, где фермеры боролись с нападением со стороны скотоводов. А после того как герой помогает фермерам, он исчезает в неизвестном направлении. Данный образ является положительным: героический, стойкий, отважный и смелый. В нем угадывается образ главного героя «Бунтаря» – Джеймса Старка, который пытается заботиться об угнетенных. Вероятнее всего, Джон идентифицирует себя с образом Ворона, который борется с преследующим его несправедливым миром, а на Шейна проецирует часть своих желаний как на положительную отцовскую фигуру (проективная идентификация).

С точки зрения клинического психоанализа, случай Джона можно отнести к психозу (Фрейд, 2006). С учетом второй топике З. Фрейда психоз молодого человека является результатом конфликта между Я и внешним миром (Фрейд, 2020с). По топике Ж. Лакана данный случай лежит в области *реального*, «R» (Лакан, 2014). А ведущим механизмом сборки психики и судьбы влечений является *отрицание*, что впоследствии Ж. Лакан назвал *форклюзией* (или *отбрасыванием*). Джон демонстрирует явный

Рис. 3. Сцена, где Джон достаёт спрятанный пистолет из-под матраса, перед тем как сбежать из дома. Кадр из к/ф «Бунтарь без причины» (реж. Николас Рэй, 1955)

нарциссический тип переноса, так как его либидо катектировано преимущественно на нем самом, а не на других объектах (нарциссическое расширение). Он быстро влюбляется в Джеймса и предлагает ему переночевать у него дома, а после предлагает ему позавтракать, как если бы тот был его отцом, на что Джеймс отвечает Джону: «Ты под кайфом, что ли? Слушай, увидимся утром, хорошо?» Но отталкивание не останавливает Джона, и он записывает в свою записную книжку номер дома Джеймса (частичный переходный объект). Впоследствии трое членов банды по данной записной книжке узнают, где живет Джеймс. Чувствуя свою вину и опасность, Джон бросается спасать вновь обретенного «отца». Трое сбежавших подростков уединяются в заброшенном особняке, где происходит разыгрывание семейной ситуации Джона. Джеймс выступает в роли идеализированной отцовской фигуры, а Джуди – в роли ненадежной материнской, к которой Джон проявляет амбивалентные чувства. В ходе влюбленной беседы между Джеймсом и Джуди Джон засыпает, а пара уединяется, отправившись в дом посмотреть спальни. Спящего Джона застают трое хулиганов из школьной банды, что вызывает у первого «бредовое» восприятие происходящего. «Родители» его бросили, а опасный мир хочет убить его и его «отца». Убегая от погони, он застрелил одного из хулиганов, а после чуть не убил и самого Джеймса: «Я перепутал тебя с другим. Ты не мой отец!» Джон также пытался напасть на полицейского и после укрылся в планетарии. Только Джеймсу удалось установить контакт с Джоном – в попытке уговорить его выйти из укрытия. Прибегнув к небольшой уловке, Джеймс вытаскивает обойму из пистолета, вернув оружие его владельцу. Однако яркий свет прожекторов от полицейских машин пугает мальчика, и тот бежит на поражение.

Джеймс «Джим» Старк и его «перверсия». Джеймс является центральным персонажем киноленты «Бунтарь без причины». Фильм начинается с первого кадра, где этот молодой человек в костюме пьяный

валялся на дороге и играл с игрушечной обезьянкой с тарелочками в руках. Он нежно перебирал ее в руках, после уложил и накрыл рядом лежащими листом газеты и сам тут же рядом лег, укутавшись в пиджак. В этом видно его желание заботы и заботиться. Далее Джеймс оказался в полицейском участке. Он являлся постоянным нарушителем порядка: просил оставить ему игрушку, имитировал звуки серены, кричал на родителей, которые пришли в участок вызволить сына, и прочее. Можно оправдать его поведение алкогольным опьянением, но далее по истории видим, что Джеймс также проявлял импульсивность в отношениях с родителями и новыми знакомыми в школе. Причиной ареста стало то, что молодой человек напился и лежал ночью на дороге (хотя первым предположением полицейского было то, что он участвовал в драке, которая проходила недалеко от места, где его нашли). Следователь Рэй Фремик, видя, что семейные пересуды между матерью, отцом и бабушкой подростка только больше нервируют его, а не успокаивают («*Вы разрываете меня на части! Ты говоришь одно, потом она говорит другое, а потом все одно и то же*»), увел его на допрос в отдельный кабинет. При общении тет-а-тет следователь жестко отчитал его за поведение, а также желание на словах отравить бабушку: «*Осторожно, парень, я тебя предупреждаю. <...> Непробиваемый характер, да? Хватит со мной шутить, парень! Куда ты дел свои ботинки?*» Джеймс попытался ударить следователя по лицу, но последний увернулся, опрокинув подростка на пол. Далее следователь демонстративно убрал оружие в стол и предложил Джеймсу спустить пар ударами по столу (отреагирование). Молодой человек спустил пар и после плакал от боли. Рэй дал следующую интерпретацию: «*Поэтому вы переехали? У тебя были проблемы?*» Джеймс пояснил, что родители хотят защитить его постоянными переездами. Отец на вечеринке назвал сына «цыпленком», что побудило последнего устроить последующий беспорядок. Желание родителей Джеймса заключались в том, чтобы их сын завел друзей на новом месте и перестал попадать в неприятности. Джеймс также пожаловался на отца, который постоянно пытается быть ему «другом» (потеря отцовской функции в семье). Он видел решение ситуации в следующем: «*Если бы он хотя бы перестал на нее кричать, то наверняка она была бы счастлива и перестала на него давить... Они делают из него посмешище! Понимаете? Посмешище! Вот что я скажу, я никогда не хотел быть похожим на него. [Рэй: Трусом?] Готов поспорить, вы видите меня насквозь. Как парень может расти в таком зоопарке?*» Следователь ответил коротко: «*Борись с этим, Джим! Они же могут с этим жить*», – и предложил ему позвонить или прийти, когда будет казаться, что у него начинаются «проблемы». Но при всем своем строптивом и противоречивом характере Джеймс проявлял заботу о посторонних людях в участке: дважды предложил пиджак замерзающему Джону и подобрал зеркальце Джуди.

На утро Джеймс познакомился с Джуди, которая его отшила, назвав «слабаком». В школе Джеймс наступил на эмблему, которую все обходят стороной, за что получил замечание от одного из учащихся. А в планетарии он успел привлечь к себе внимание местного главаря банды Базза,

Рис. 4. Сцена, где Джеймс, перед тем как сбежать, требует от отца что-нибудь ответить матери. Кадр из к/ф «Бунтарь без причины» (реж. Николас Рэй, 1955)

помычав на созвездие Тельца во время планетарного шоу. Данная ситуация привела к знакомству с Джоном, который попытался предупредить новенького не связываться с хулиганами, а после и к драке на ножах непосредственно с главарем банды. Охранник с профессором из планетария разогнали толпу подростков, и поединок закончился ничьей. А ночью произошла трагичная гонка на «куриных бегах», где Базз разбился, не успев выпрыгнуть из машины. От Базза «остается» небольшой диалог, предваряющий сами бега: «Ты мне нравишься. Ты знал это? – Джеймс: Тогда зачем мы это делаем? – Нужно что-то делать!» Во всех действиях Джеймса можно вновь увидеть «бунтующий дух», особенно когда его называют «цыпленком». Дома Джеймс неоднократно спрашивал отца, ползающего в женском фартуке на полу, собирая ужин для матери, который он уронил: «Что нужно сделать, чтобы стать мужчиной? <...> Дай мне ответ. Мне нужен прямой ответ». Отец предложил сыну написать очередной список дел, который, видимо, нужно выполнять в течение последующих «десяти лет». Нападение Джеймса на отца говорит в пользу отсутствия кастрационного опыта со стороны отцовской фигуры. Джеймс захвачен материнским желанием, в то время как отцовский объект бездействует: «Папа, ответь ей! Десять лет! Папа, ответь ей (матери) на вопрос!» (рис. 4). Джеймс признался родителям, что участвовал в «бегах»: «Это дело чести! Они назвали меня трусом. <...> Если бы я не поехал, я никогда не смог бы показать им, кто я на самом деле». В данных поступках можно распознать кризис самоидентичности героя и сложности его самоописания. С точки зрения клинического психоанализа, Джеймс – ни «невротик», ни «психотик», а что-то посередине. По косвенным признакам, сложности контроля, импульсивности, нарушению границ в общении его случай можно отнести к перверсии. В настоящее время «пограничность» является самым аморфным концептом в психоанализе, куда попали в том числе и перверсии, но его можно определить с позиции второй топики З. Фрейда как результат конфликта между

инстанциями психики: Я и Сверх-Я (Фрейд, 2020с). По топике Ж. Лакана данный случай лежит в области *воображаемого*, «I» (Лакан, 2014), а ведущим механизмом сборки психики и судьбы влечений является *отклонение*.

В третьем акте истории фильма Джеймс сбежал из дома от родителей в попытке вырваться из системы их взаимоотношений. Но Джеймс вновь попал в ловушку внутренней системы своей психологической реальности. Он перенес семейные отношения на двух новых знакомых, Джуди и Джона. Его перенос можно охарактеризовать одновременно как частично *объектный*, так и *нарциссический*. Джуди выступила в роли инцестуозно желаемой материнской фигуры, в которую влюбляется герой. Переходным объектом их отношений выступает зеркальце девушки. Джон в то же самое время выступил в роли слабой отцовской фигуры, о которой хочется заботиться. В данном случае переходными объектами являются пиджак и куртка. В результате Джеймс больше чувственности проявлял к неживым объектам-заместителям, чем к живым (Кернберг, 2012; Мак-Вильямс, 2010). В начале истории реальный отец Джеймса говорит следующие напутствующие слова: *«Ты их просто свалишь наповал, как твой папа. <...> Смотри, аккуратней выбирай друзей! Не позволяй им выбирать себя!»* В действительности Джеймс запал на привлекательную Джуди, а Джон в свою очередь влюбился в Джеймса (рис. 5). Джуди только после смерти Базза влюбилась в главного героя фильма. В планетарии Джеймс пытался спасти Джона от самого себя. Он разрядил пистолет «друга», а в обмен отдал ему красную куртку (третий раз предложил укутать замерзающего подростка). В процессе вывода Джона из здания подросток, ослепленный прожекторами, был застрелен полицейскими, стрелявшими на поражение. Джеймс кричал, показывая полицейским вытащенную обойму в руках: *«У меня патроны! Смотрите!»* В данной трагичной сцене произошло символическое убийство Джона-«отца» и Джона-«Джеймса» одновременно (латентная гомосексуальная связь с отцовской функцией). Реальный отец Джеймса испугался, что его сына убили, так как на нем была красная куртка. Джеймс, плача, просил на коленях отца о помощи, и отец впервые проявляет отцовскую функцию по отношению к сыну: *«Положись на меня. Поверь мне. Мы будем бороться вместе. Клянусь! Что бы ни произошло. Я обещаю. Джим вставай. Я встану с тобой. Я буду сильным, каким ты хочешь меня видеть. Вставай»*. Джеймс на прощание застегнул красную куртку на убитом Джоне, а Джуди надевает последнему ботинок, который тот обронил в попытке убежать. В данном акте можно увидеть то, что Джеймс заботился об убитом, укутывая его, словно это обезьянка из первой сцены (живой-неживой объект одновременно). Джеймс представляет родителям Джуди как своего «друга» (взаимный выбор друг друга). Мать хотела возразить, но отец остановил желание матери: *«Хватит!»*

Три героя – три семьи – три судьбы влечений. В фильме «Бунтарь без причины» мы видим трех главных героев, которые протестуют против желания и закона родителей. На первый взгляд может показаться, что явной внешней причины нет – это «нормальный» подростковый бунт, со

Рис. 5. Сцена, где три главных героя – Джеймс, Джуди и Джон – уединились ночью в заброшенном особняке. Кадр из к/ф «Бунтарь без причины» (реж. Николас Рэй, 1955)

временем должен пройти. Также мы можем объяснить это явление тем, что это «тихое поколение», которое вступает в социально-экономический подъем страны, протестуя против примата «потрясенного поколения» и «великого поколения». Однако данное объяснение не дает нам глубокого понимания, в чем же именно суть их бунта, казалось бы, «без причины». Подростки из поколения в поколение нападают на семейную систему, желая уничтожить ее в попытках отделиться от нее, что отражено в вечной тургеневской теме «отцов и детей». Прикладной и клинический психоанализ позволяет нам видеть больше нюансов в характерах трех молодых людей – трех уникальных субъектов. Перед нами три семьи с неповторимым рисунком взаимоотношений, системой ценностей и желаний. В семье Джеймса отец мягкий и податливый, а мать строгая и давящая. В семье Джуди строгий отвергающий отец, а мать безропотная и находится «за мужем». И в семье Джона отсутствующая мать и без вести пропавший отец. В итоге в каждом из подростков реализован уникальный рисунок влечений, по презентации которых мы можем судить о них. Есть три субъекта с различной психической конструкцией формирования психики: вытеснение, отклонение и отрицание. В середине 1950-х годов в психоаналитической литературе обозначается феномен «пограничности», что уже имеет отражение в данном фильме (Эра контрпереноса, 2005; Этчегоен, 2020). Между тем необходимо также сказать, что кинолента «Бунтарь без причины» получила небывалый отклик в американской и мировой культуре. Фильм стал иконой своего времени. Например, белая майка стала верхней одеждой, хотя раньше считалось, что это сугубо нижнее белье, красная куртка-косуха и синие джинсы стали символом бунтарского духа молодежи (цвета одеяний Иисуса Христа), а также фильм стал образцом для всех последующих подростковых фильмов, таких как: «Клуб "Завтрак"» (англ. The Breakfast Club; реж. Джон Хьюз, 1985), «Назад в будущее» (англ. Back to the Future; реж. Роберт Земекис, 1985), «Смертельное влечение» (реж. Майкл Леманн, 1989),

«Красота по-американски» (реж. Сэм Мендес, 2000) и другие (*Slocum*, 2005). В фильме «Ла-Ла Ленд» режиссера Джастина Гурвица (р. 1985) 2017 года цитируется фрагмент «Бунтаря» – в планетарии. При этом главные герои мюзикла сами находятся в планетарии и смотрят этот фильм на большом экране. Планетарий являет собой то место, где герои стакнулись с манящей и пугающей космической бескрайностью и неизвестностью, что отражает глубину их экзистенциальных противоречий.

Герой нашего времени. В каждое время есть свой герой. Какой герой грядет сегодня? Если мы обратимся к трудам французского психоаналитика Феликса Гваттари (1930–1992) и философа Жюль Делёза (1925–1995) по шизоанализу (Делёз, Гваттари, 2007), то можно ожидать, что современный герой постпостмодернизма должен расположиться где-то посередине обозначенной оппозиции «шизофрения – паранойя». Последнее – это путь к очередному фашизму, а первое – к антифашизму. Но учитывая диалектику немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) (Гегель, 2019), можно предположить, что выбор любой системы (даже гетерогенной и лишенной налета вторичного нарциссизма) является очередным представлением влечения смерти. Полный отказ от борьбы является, вероятно, невозможным, но необходимым для поиска нового типа героя, занимающего «нейтральную» позицию по отношению к любому предлагаемому ему конфликту (как по отношению к внешней, так и к психической реальности). Идеальная позиция неопределенности без «желания и памяти» (Блон, 2008). Данные размышления могут привести нас на предположение, что современный герой – это психолог-психоаналитик, спасающий мир от разрушения без намерения и желания, смещая равновесие от примата влечения смерти в сторону влечения жизни (либидо). В фильме «Бунтарь без причины» таким героем второго плана был офицер Рэй Фремик (из «величайшего поколения»), который и выступил в роли такого «психоаналитика» для бунтующих подростков. Но уже прошло 80 лет, и поколенческий цикл совершил полный виток по спирали. Можно предположить, что новое «поколение Z» (Художники) как никогда нуждается в «отцовской» фигуре предшествующего «поколения Y» (Герои). Но в отличие от «тихого поколения» предыдущего цикла, в силу современной мировой культуры «хоумлендеры» отражают больший сдвиг в сторону «пограничности» и «психотичности» (Короленко, Дмитриева, 2009), что может привести на мысли о «бунтарях без закона», или «бунтарях без Эдипа». Возможно, в кинематографе мы доживем до времени, когда голливудский актер Леонардо Ди Каприо (р. 1974) займет свое заслуженное место в кресле психоаналитика, хотя данная попытка была уже частично реализована в фильме «Начало» Кристофера Нолана (р. 1970) в 2010 году. На этом можно остановиться, пусть время сделает свою работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Риторика. Поэтика (сборник). М.: АСТ, 2018.
2. *Бион У. Р.* Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
3. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М.: АСТ, 2019.
5. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екб.: У-Фактория, 2007.
6. *Кернберг О. Ф.* Тяжелые В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: НГПУ, 2009.
7. *Лакан Ж.* Психозы (Семинар, Книга III (1955/56)). М.: Логос, 2014.
8. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2010.
9. *Мортон Ф.* Ротшильды. История династии могущественных финансистов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
10. *Платон*. Государство. М.: АСТ, 2020.
11. Теория и методология истории / Под ред. В.В. Алексеев и др. Влг.: Учитель, 2014.
12. *Шамис Е., Никонов Е.* Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: SynergyBook, 2020.
13. *Фрейд З.* Собрание сочинений: В 26 т. Т. 1. Исследования истерии. СПб.: ВЕИП, 2020а.
14. *Фрейд З.* Собрание сочинений: В 26 т. Т. 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. СПб.: ВЕИП, 2006.
15. *Фрейд З.* Собрание сочинений: В 26 т. Т. 4. Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк. СПб.: ВЕИП, 2007.
16. *Фрейд З.* Собрание сочинений: В 26 т. Т. 5. Фобические расстройства. Маленький Ганс. Дора. СПб.: ВЕИП, 2020б.
17. *Фрейд З.* Собрание сочинений: В 26 т. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии 2. СПб.: ВЕИП, 2020с.
18. *Фурсенко А.* Династия Рокфеллеров. Л.: Наука, 1968.
19. Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.) / Под ред. И. Ю. Романова. М.: Академический проект, 2005.
20. *Этцгоен Р. Г.* Основы психоаналитической техники. М.: Когито-Центр, 2020.
21. *Green A.* (2005) *On Private Madness*. London, New York: Karnac.
22. *Lindner R. M.* (2014) *Rebel Without a Cause: The Story of a Criminal Psychopath*. New York: Other Press.
23. *Slocum J. D.* (2005) *Rebel Without a Cause: Approaches to a Maverick Masterwork*. New York: State University of New York Press.
24. *Strauss W., Howe N.* (1991) *Generations. The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, London, Toronto, Sydney: Harper Perennial.

Hero of our period: rebel without Oedipus

D. V. Neshchadim

Neshchadim Dmitry V., Ph.D., Associate Professor of NSUEU⁴, medical (clinical) psychologist, psychoanalytically oriented psychologist.

*Each generation has its own heroes. Nowadays it is difficult to unambiguously say who is the hero of our time. This can be done after a while, looking back to appreciate the overall picture of the past. For example, the icon of the 90s in Russia was a hero represented the intellectual killer Danila Bagrov in *The Brother and The Brother 2* films of Alexei Balabanov (1959–2013), who wanted to save the whole world from the degenerate capitalism. Steve Jobs (1955–2011) who infected almost the whole planet with the apple technologies also could be considered as one of the heroes of the past Millennium period. Currently, we can say that in connection with rapidly growing technological progress, a modern person has become more distance and virtualized. He is changing and the configuration of his psyche changes with him. To understand the modern generation (in the everyday speech as Millennials and Homelanders), it is important to look back to the past. As Jacques Peuchet (1758–1830) wrote on behalf of the French dressmaker Rose Bertin (1747–1813) in his memoirs about the changing fashion: "All new is well forgotten old." In other words, history repeats itself. As Jacques Peuchet (1758–1830) wrote on behalf of the French dressmaker Rose Bertin (1747–1813) in his memoirs about the changing fashion: "All new is well forgotten old." In other words, history repeats itself. Therefore, in this paper we turn to the film of Nicholas Ray (1911–1979) *Rebel without a Cause* of 1955, in which the iconic actor of three roles James Dean (1931–1955) played the leading part of "the Rebel", embodying in cinema a universal image of "Rebellious Spirit" for subsequent generations. We shall consider this film from the point of view of clinical and applied psychoanalysis for better understanding the modern society of young people, as well as try to formulate the image of "hero of our time" that the current worldwide youth culture requires.*

Keywords: generation theory, culture cloud, rebellion, OEDIPUS, neurosis, psychosis, perversion, marginality.

⁴ Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEU, Narxoz).

ПСИХОАНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА

Психоанализ терроризма. Терроризм – геополитическая или внутриспсихическая угроза?

Т. А. Шаманова

Шаманова Татьяна Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Терроризм как явление широко распространен и известен достаточно давно, однако сегодня в свете разбалансировки в мировой политической и экономической системе и присутствующей на этом фоне открытости социальных границ сформировались благоприятные условия для его распространения. Популяризация западного образа жизни, основанного на интенсивном потреблении продуктов и услуг, которые недоступны жителям развивающихся стран, обнажают культурную и экономическую пропасть между странами первого и третьего мира. В то время как жители благополучных стран исполняют роли добросовестных потребителей во имя процветания своих государств, наблюдающие за этой жизнью жители бедных стран с неэффективной экономикой чувствуют себя еще более угнетенными. Трудная жизнь в неблагополучных странах приводит к распространению терроризма в условиях критического расслоения мирового сообщества. Главная задача террористов – путем насильственных действий создать угрозу народам и правительствам, кого они считают угнетателями или врагами. Это в конечном счете должно привести к изменению существующей модели общества (Rajeswari, 1999). Что, если мы посмотрим на это явление изнутри человеческой психики всех действующих сторон этого конфликта: членов террористических групп и их оппонентов, ведущих «войну с терроризмом»? Каковы внутриспсихические причины, приводящие к распространению терроризма? Может ли человечество жить в мире или терроризм отражает потребность человеческой цивилизации в войне? Какую роль в физическом истреблении других людей играют психическая инстанция Супер-Эго и защитные механизмы проекции и проективной идентификации? «Почему мы так ненавидим войну, вы и я и многие другие, почему мы не воспринимаем ее столь же естественно, как мы воспринимаем всякие иные досадные

горести жизни? Ведь война как будто вытекает из самой природы вещей, имеет под собой твердую биологическую основу, и на практике ее едва ли можно избежать» (Фрейд в письме Эйнштейну).

Фрейд первым выдвинул идею о том, что война дает выход подавленным импульсам, а именно – влечению к смерти, которое неизбежно присутствует в психике каждого живущего человека. Поскольку влечение к смерти сложно выносить психически, чтобы избежать чрезмерной перегрузки, психика трансформирует внутреннюю психотическую тревогу в реальную внешнюю опасность, для того чтобы иметь возможность контролировать ее. Таким образом, международный терроризм и так называемая «война с терроризмом» могут быть необходимым объектом для внутренней агрессии современной цивилизации (Byles, 2003).

В этой статье мы рассмотрим через психоаналитическую призму вопрос о том, почему война и современное проявление войны в виде терроризма кажутся неизбежной и неискоренимой частью человеческой истории, о чем Фрейд пишет в своем письме Эйнштейну, и может ли цивилизация перейти на новый этап развития, оставив военные действия в прошлом.

Ключевые слова: терроризм, цивилизация, государство, проективная идентификация, Супер-Эго, проекция, девальвация женского, внутриспсихический конфликт.

Терроризм: определение и причины возникновения

С позиции политологии мы определяем терроризм как такую форму насилия, которая направлена против мирных жителей и основополагающей целью которой является внушение страха целевой аудитории. Салман Ахтар пишет следующим образом: «Понятие терроризма относится к насильственному выражению политической повестки дня организованной группы лиц, которые связаны друг с другом ненавистью к общему врагу и любовью к совместной политической, этнической или идеологической цели».

Первоначально термин «терроризм» возник в связи с подавлением со стороны государственной власти неповиновения и инакомыслия среди своих граждан во времена эпохи террора 1793–1794 годов во Франции. Ужасающая традиция «терроризма сверху» находит дальнейшее развитие в мировой истории во времена геноцида армян (1915–1923), сталинских репрессий (1920–1950) и, в частности, Большого террора 1937–1938 годов, холокоста Гитлера (1933–1945), полей смерти в Камбодже 1975–1979, военной диктатуры в Чили (1973–1990).

Вместе с тем пристальное внимание общественности сегодня обращено к «терроризму снизу» – действиям сравнительно небольших групп людей, которые по реальным или мнимым причинам считают себя униженными или бесправными (Akhtar, 2017). И хотя подавляющее большинство террористических нападений сейчас осуществляется со стороны радикальных мусульманских групп, религиозно-политическое насилие

характерно для широкого круга мировых религий, а не только ислама. Например, Крестовые походы XI–XV вв., направленные против всех негодных римско-католической церкви.

Джессика Стерн говорит о том, что причиной, по которой люди вступают в религиозные террористические группировки, является желание преобразить и упростить жизнь (*Goodwin, 2004*). Людьюми движет чувство стыда и негодования, унижения и возмущения, что кто-то другой считает их второсортными. Они возводят себя в статус мученика (смертника) во имя предполагаемого духовного дела. Подобный набор чувств экстремально сложен для полноценной интеграции со стороны человеческой психики, в то время как путь разрядки через действие намного быстрее. Результатом выбора в пользу «агирования» в контексте рассматриваемой нами темы является то, что члены группировок возводят себя в статус мученика или смертника под эгидой «великого» духовного дела. Это помогает им входить в своего рода транс, где мир четко разделен на добро и зло. Это то, что в широком смысле понимается в психологии под понятием расщепления – примитивного защитного механизма человеческой психики, доступного нам с первых месяцев нашей жизни. При этом предсмертный экстаз смертника во многом носит сексуальный характер. Существует глубинная эквивалентность агрессии, сексуального возбуждения и травматических действий. Массовые убийства и взрывы смертников несут в себе мощнейшую экстатическую разрядку для преступников, совершающих эти действия.

Возвращаясь к культурно-экономическим причинам возникновения терроризма на примере Ближнего Востока и Южной Азии, мы сталкиваемся с вопросом, только ли бедность, низкий уровень жизни и потребность утешения в религии могут выступать причинами возникновения и распространения терроризма?

Джессика Стерн утверждает, что бедность вряд ли может быть причиной насилия, однако богатство и образование положительно коррелируют с терроризмом. Простая взаимосвязь между бедностью и преступностью не может быть экстраполирована на структурную взаимосвязь между бедностью и терроризмом. Кристин Фэйр из Джорджтаунского университета зафиксировала подобное явление в Пакистане. Используя данные о 141 убитом боевике, она обнаружила, что боевики в Пакистане вербуются из среднего класса и хорошо образованных семей. Большинство террористов – это образованные люди, которые так сильно верят в правоту своего дела, что готовы умереть за него (*Mehmood, 2013*).

Терроризм и психоанализ. Роль Супер-Эго в выражении агрессии внутри и вовне

Одним из величайших вкладов, который психоанализ может внести в любые обсуждения и дебаты, является возможность понять внутрииндивидуальные, семейные и социокультурные процессы с точки зрения как конфликта, так и взаимодействия конкурирующих сил, которые сталкиваются, но также определяют и взаимно дополняют друг друга.

В культурной памяти человеческой цивилизации живет тяжелая историческая травма, которая передается из поколения в поколение, в основном в форме чувства стыда и вины выжившего, которые должны быть искуплены. Это прямым способом приводит к возникновению терроризма: культура, которая жестока со своими детьми и прививает слепое повиновение властям, создает террористов-смертников. Все это осложняется тем, что мир уже повсеместно столкнулся с воздействием терроризма, который погружает людей в когнитивную регрессию, поскольку происходит процесс десимволизации, а именно замены «представления/репрезентации» на прямую «презентацию». Таким образом, способность облекать идеи и чувства в слова – символизировать – нарушается. Психическая жизнь становится «бедной», сны, если и снятся, то очень буквальные, механистические, в психике нет места для творчества, объемных живых фантазий.

Арно Грин говорит, что за терроризмом и насилием скрывается внутренняя пустота, поскольку внутри личности человека не смогла сформироваться идентичность, способная к состраданию и чувствительности к собственной боли и боли Другого. Вместо этого возникает структура идентичности, основанная на отождествлении с властью и подчинением. Важным аспектом здесь становится ненависть к женщинам и презрение к сексуальности, коренящиеся в архаическом страхе перед всемогущей матерью (*Wurmser, 2004*). Идеализация фигуры генерала/предводителя (символического пениса) и объединение вокруг него спасают этих людей от внушающей бессознательный страх всемогущей матери.

Ключевые конфликты Супер-Эго по поводу чувства стыда и вины, справедливости и несправедливости, системы ценностей и авторитета являются своего рода системообразующими в проблематике терроризма. Как говорит Джессика Стерн, призыв очистить мир через убийство посредством дегуманизации противника, исключая сочувствие, «живет» в Супер-Эго.

Далее мы рассмотрим особенности функционирования внутренней психической инстанции Супер-Эго как в масштабах психики отдельного индивида, так и в масштабе государства как большой группы в базовом допущении. *Helicopter view* в отношении того, как функционирует Супер-Эго индивида и Супер-Эго всего государства, частью которого является индивид, является критическим для понимания масштабируемости внутриспсихических конфликтов отдельного человека и их эквивалентности внутри- и межгосударственным конфликтам. Подобно тому как отдельный индивид выводит свои внутренние конфликты в реальность, чтобы проиграть их со своим окружением с целью получить разрядку, так же и государство как группа лиц, принимающих решения, развязывает внешнеполитические конфликты по образу и подобию внутренних конфликтов этой группы.

Террор сверху и военные действия приводятся в действие отдельными лицами, собранными в группу по политическому признаку («политическая верхушка»), и в зону полномочий этой группы входят решения о применении насилия вплоть до убийств, военной аннексии территорий

и граждан. В военное время Эго индивида в попытке справиться с психическим напряжением расщепляется на предельно амбивалентные чувства (любовь и ненависть) в отношении привычных объектов идентификации и противника (символического Другого). Поэтому формируется готовность солдата или террориста пожертвовать своей жизнью ради своей нации или лидера, с которыми идентифицируется индивид. При таком раскладе он не чувствует себя виноватым, так как разрушительные импульсы, мобилизованные его собственным и государственным Супер-Эго, спроецировали чувство вины за убийства на врага. Таким образом, присвоение вины за совершение убийств врагу является фундаментальным во влиянии государственного Супер-Эго на индивидуальное. При этом высокий процент ПТСР у солдат, прошедших войну, говорит о превалировании влияния индивидуального Супер-Эго над государственным в мирное время, так как появляется стремление к самонаказанию у индивида, даже если большая часть вины была спроецирована на врага во время совершения военных действий. Для многих людей убийство врага не может быть искренне оплакано и прогоревано, поэтому в психике остается пустота, и этот непоправимый поступок нужно проживать снова в цикле навязчивого повторения. Здесь мы можем говорить о том, что люди могут видеть сны о совершенных убийствах или впадать в галлюцинации наяву либо диссоциировать травматический опыт, лишаясь возможности психически его интегрировать.

Индивидуальное Супер-Эго

В своей теории влечений Фрейд сформулировал неизбежность противоборства внутри человеческой природы влечения к жизни и влечения к смерти. Фрейд закрепляет за Супер-Эго функцию агента влечения к смерти, выражающуюся в агрессивной потребности в наказании. Важно, что Супер-Эго преимущественно выполняет роль совести и внутреннего цензора для всех процессов внутри психики человека, которое может как отдавать приказы о наказании, так и о защите внутренних инстанций друг от друга. Например, когда наше бессознательное (Ид) требует убить человека за то, что он грубо нам ответил, Супер-Эго ответственно за наложение запрета на убийство, далее включается Эго и пытается направить этот разрушительный импульс в конструктивное русло, и вместо того, чтобы убивать обидчика, мы пишем о нем клевету в социальных сетях. В то время как Фрейд предписывал появление Супер-Эго в ответ на кастрирующий запрет эдипального отца, Мелани Кляйн выдвигает гипотезу о формировании Супер-Эго на гораздо более раннем этапе появления хорошей и плохой груди на оральной стадии развития. Здесь Кляйн подчеркивает, как деструктивные инстинкты привязываются к объекту. Этот аспект важен при рассмотрении искусственной девальвации образа матери и вообще женского в современной культуре.

Возвращаясь к идеям Мелани Кляйн, которые она постулирует в 1927 году в работе «Криминальные тенденции у нормальных детей», стоит отметить то, что в случае с террористами – то есть людьми, проявляющими

жестокость и насилие по отношению к другим, – мы говорим не о недостаточном или слабом Супер-Эго. Напротив, именно жестокость Супер-Эго ответственна за насильственное поведение индивида, в то время как смягчение Супер-Эго, например посредством психоаналитической работы, приводит к уменьшению действия садистических составляющих Супер-Эго. В этом отношении существует большой потенциал психоаналитической работы с лицами, ответственными за внутри- и межгосударственную политику (Кляйн, 2008).

Государственное Супер-Эго

Фрейд в «Недовольстве культурой» определяет цивилизацию как источник несчастья, недовольства и дискомфорта современного человека. В основном это происходит по причине неизбежного ограничения свободы личности, отказа от удовлетворения инстинктов и ограничения проявления сексуальности. Рассматривая государства как ячейки общемировой цивилизации, мы видим, что, становясь гражданами государства, люди жертвуют частью своей свободы и счастья в пользу большей безопасности (обмен немедленного удовольствия на долгосрочную стабильность). В результате мы чувствуем себя ограниченными и подавленными культурой. Вместе с этим мы живем в мире с понятными правилами, который создает условия для появления искусства, науки и образования, комфорта в различных его проявлениях.

Государство как большая группа людей, объединенная по национальному признаку, является обладателем тех же психических инстанций, что и отдельный индивид (Эго, Супер-Эго и Ид). Супер-Эго государства несет в себе как позитивную функцию в виде действующих законов и правил, которые обеспечивают защиту граждан, так и определенно негативную, как, например, в военное время, когда государство санкционирует убийства и насилие, которые считаются преступными в мирное время. Высвобождение инстинкта смерти и превалирование его над инстинктом жизни (Фрейд, 1992) под эгидой патриотизма или идеологии оказывает разрушительное влияние на личность людей, так как не может не спровоцировать колоссальное чувство вины, когда Супер-Эго попытается втиснуться обратно в свою цивилизованную «мирную» форму после окончания военных действий. Важно, что эта агрессия (инстинкт смерти) не является социальной – то есть не является продуктом цивилизации. Это психологическая, инстинктивная сила, которая движет как отдельным индивидом, так и всей цивилизацией (сообществом индивидов). Поэтому разрешение этой психологической (инстинктивной) природы агрессии и ненависти может происходить более зрелым способом, чем война, международный терроризм или геноцид, соответствующим сегодняшней ступени развития цивилизации. Стоит сделать важную отсылку к групповой динамике: когда индивид попадает в группу, то внутриспсихический процесс подавления бессознательных инстинктивных импульсов резко снижается либо аннулируется полностью. Поэтому именно в составе группы мы легче решаемся на импульсивные поступки.

Агрессия, направляемая группой на «врага», маскирует внутренние конфликты членов группы, поэтому группа нуждается во враге как внешнем объекте для своих проекций.

Роль проекции и проективной идентификации в стремлении к уничтожению «врага»

Опираясь на идеи Мелани Кляйн о параноидно-шизоидной позиции – период, через который проходят все люди на ранних этапах своего развития и на который возможна регрессия при столкновении с сильными потрясениями, с которыми психика не в состоянии справиться, – важно подчеркнуть следующее в контексте темы, которую мы рассматриваем. В параноидно-шизоидной позиции происходит разделение на плохие и хорошие объекты, причем хорошее интроецируется, а плохое экстернализуется и проецируется на кого-то или что-то. При этом использование проекции и расщепления определяет то, как мы видим других людей и относимся к ним, а использование проективной идентификации определяет то, как мы дирижируем тем, как другие относятся к нам и к самим себе в нашем присутствии.

Проективная идентификация играет критическую роль в вопросах необходимости иметь врага (как индивидуального, так и геополитического) – мы переносим в других людей (нацию, расу, пол, другую религию) ненавистные и плохие части себя, при этом люди, в которых мы эти непереносимые части вытесняем, начинают ненавидеть сами себя через интроекцию нашей ненависти. При этом, когда мы активно используем проективную идентификацию и выгружаем в других плохие части нашего Эго, мы истощаем сами себя и сильнее начинаем испытывать разрушительные чувства, например зависть или соперничество. Этот механизм объясняет проблемы войны, геноцида и терроризма на внутриспсихическом уровне. Использование механизма проекции мешает конфликтующим сторонам исследовать, понять и признать друг друга, поддерживая идею собственной исключительности («хорошести») и однозначной «плохости» врага.

В то время как пристыженная часть Эго проецируется на врага/жертву, которую нужно подвергнуть пыткам и уничтожить как символ собственного образа слабости, карательное Супер-Эго проецируется на террористические группы, агрессивных лидеров и прежде всего на образ Бога. Так, терроризм можно понимать как экстернализацию внутреннего конфликта архаичного Супер-Эго. История терроризма – это история стыда и негодования, а также их эксплуатации в целях получения власти и наживы.

Дегуманизация «врага»

Как происходит процесс обезчеловечивания «врага»? Сначала группа выбирает врага и гиперболизирует какое-либо различие. Затем происходит массовая регрессия группы на более примитивный уровень функционирования, где группа получает доступ к доэдипальной

(параноидно-шизоидной) ярости. Соответственно, враг воспринимается, как олицетворение всех плохих и негативных качеств. Механизм отрицания позволяет группе игнорировать то, что процесс наделения врага плохими качествами проходит через проекцию (отщепление от себя и размещения в другом) этих же качеств самой группы. Таким образом враг становится настолько сильно презираемым, что перестает восприниматься человеком, о нем больше не говорят как о живом человеке с чувствами и правами, а исключительно в нечеловеческих терминах. Именно так нацисты воспринимали евреев – как паразитов, подлежащих уничтожению. Радикальные террористические группировки, например «Аль-Каида», запрещенная в России, рассматривает американскую нацию как «неверных» и демонов, которые должны быть уничтожены. В свою очередь американские граждане «защищаются» путем демонизации всего «бородатого» ислама. Говоря о конфликте между Израилем и Палестиной, можно отметить, что многие израильтяне считают палестинцев «грязью», а палестинцы в ответ считают израильтян грабителями в отношении земли, которую они вынуждены с ними делить.

Возможные решения

С точки зрения внутриспсихических процессов проблематика терроризма заключается в том, что тревоги, сопровождающие военные конфликты, ограничивают нашу способность к тестированию и критической проверке реальности. Если бы мы смогли на общегосударственном или даже общецивилизационном уровне осуществить повторную интроекцию, возвращение наших проекций, нашей ненависти, тревог и страхов перед Другим (другой расой, национальностью, культурой или полом), до того, как они причинят вред другому, то мог бы произойти обратный переход от санкционированной государством или террористической группой агрессии к индивидуальной агрессии, с которой уже можно иметь дело на своем уровне. Потребность к выражению агрессии и насилию можно реализовать мирными способами путем уравнивания конкурирующих интересов и подробного изучения собственных сознательных и бессознательных мотивов.

Важнейшей задачей будет изменить наши отношения с Другим и отказаться от привычки расщепляться и использования проективной идентификации, научиться принимать различия более инклюзивно и с опорой на либеральные принципы устройства мира и государства.

По словам Фрейда, Эго изменяется в процессе интроекции – таким образом, интроецируя объект в Эго, возможно достичь чувства сопричастности. Бион говорит о том, что связка «контейнер и контейнируемое» может быть успешна, если это взаимодействие взаимно позитивно – через позитивную проективную идентификацию или интроекцию (повторную интроекцию), что в результате означает здоровое принятие и адаптацию к Другому внутри себя и к себе внутри Другого (Byles, 2003).

Для того чтобы Супер-Эго смогло выполнять роль снижения активности проективной идентификации, необходимо приобретение навыка

связывания внутреннего и внешнего мира со всеми их взаимными страхами и тревогами. Все это в итоге сможет позволить нам организовать интеграцию внутреннего объектного мира, который сможет выдерживать бессознательные страхи, чувства ненависти и тревоги без необходимости расщепления и проекции.

Если перейти к конкретным общественным мерам, то важно признать, что позитивное разрешение проблемы терроризма – непростая и многосторонняя задача. Необходим комплексный межкультурный подход, при котором западные страны прекращают интервенции в государственное управление других стран, отказываются от поддержки диктатур и монархий, достигают интеграции демократического строя в полной мере, проявляют уважение к нерадикальным религиозным течениям, позволяя своему населению свободно выбирать веру и своих представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Психоаналитические труды. Т. 1: Развитие одного ребенка. Ижевск: ERGO, 2008.
2. *Фрейд З.* Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. 1992. С. 296.
3. *Фрейд З.* Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну // По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 325–338.
4. *Akhtar S.* The tripod of terrorism // International Forum of Psychoanalysis. Routledge, 2017. Т. 26. №. 3. С. 139–159.
5. *Byles J. M.* Psychoanalysis and war: The superego and projective identification // Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society. 2003. Т. 8. №. 2. С. 208–213.
6. *Goodwin J.* (2004). What Must We Explain to Explain Terrorism? Review Essay on Jessica Stern's, *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill* (New York: Ecco, 2003).
7. *Mehmood S.* The roots of terrorism (Published March 18, 2013) <https://www.dawn.com/news/796177/the-roots-of-terrorism>.
8. *Rajeswari H.R.* US initiatives on terrorism: patterns of terrorism – 1999 // Strategic analysis. New Delhi, 2000. Vol. 24. № 5. P. 1005–1009.
9. *Wurmser L.* Psychoanalytic reflections on 9/11, terrorism, and genocidal prejudice: roots and sequels // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2004. Т. 52. № 3. С. 911–926.

Psychoanalysis of terrorism: geopolitical or intrapsychic threat?

T. A. Shamanova

Shamanova Tatiana A., MPsych (Higher School of Economics), psychoanalytic consultant.

Terrorism as a phenomenon is widespread and has been known for a long time, but today, in the light of the imbalance in the global political and economic system and the openness of social borders present against this background, favorable conditions have formed for its spread. The popularization of the Western lifestyle, based on intensive consumption of products and services that are inaccessible to residents of developing countries, exposes the cultural and economic gap between the countries of the first and third world. While residents of prosperous countries play the role of conscientious consumers in the name of the prosperity of their states, watching this life residents of poor countries with inefficient economies feel even more oppressed. Difficult life in disadvantaged countries leads to the spread of terrorism in conditions of critical stratification of the world community. The main task of terrorists is to create a threat to peoples and Governments through violent actions, whom they consider oppressors or enemies. This should eventually lead to a change in the existing model of society (Rajeswari, 1999).

What if we look at this phenomenon from the inside of the human psyche of all the actors in this conflict: members of terrorist groups and their opponents waging a "war on terrorism"? What are the intrapsychic causes leading to the spread of terrorism? Can humanity live in peace or does terrorism reflect the need of human civilization for war? What role does the psychic instance of the Super-Ego and the protective mechanisms of projection and projective identification play in the physical extermination of other people?

"Why do we hate war so much, you and I and many others, why do we not perceive it as naturally as we perceive all other annoying sorrows of life? After all, war seems to flow from the very nature of things, has a solid biological basis, and in practice it can hardly be avoided." (Freud in a letter to Einstein).

Freud was the first to put forward the idea that war gives an outlet to suppressed impulses, namely, the death drive, which is inevitably present in the psyche of every living person. Since the death drive is unbearably difficult to endure mentally to avoid excessive overload, the psyche transforms internal psychotic anxiety into a real external danger in order to be able to control it. Thus, international terrorism and the so-called "war on terrorism" may be a necessary object for the internal aggression of modern civilization (Byles, 2003).

In this article, we will consider through a psychoanalytic prism the question of why war and the modern manifestation of war in the form of terrorism seem to be an inevitable and ineradicable part of human history, as Freud writes in his letter to Einstein, and whether civilization can move to a new stage of development, leaving military actions in the past.

Keywords: terrorism, civilization, state, projective identification, super-ego, projection, devaluation of the feminine, intrapsychic conflict.